

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Брестский государственный технический
университет»

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Брестского государственного технического университета:
гуманитарные науки

Сборник научных трудов

Выпуск III

SCIENTIFIC PROCEEDING

Of Brest State Technical University:
The Humanities Sciences

Collection of Scientific Works

Issue III

Брест 2021

УДК 93/94(476)
ББК 6/8(4Бел)я43
У91

Рецензент: **Зданович** Владимир Васильевич, доктор ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2019 г.

Главный редактор – **Стрелец** Михаил Васильевич, профессор кафедры гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор.

Зам. главного редактора – **Малыхина** Людмила Юрьевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Технический редактор – **Митлошук** Мария Анатольевна, начальник редакционно-издательского отдела.

Редакционная коллегия:

Мошук Анатолий Васильевич, ректор Государственного учреждения образования «Брестский областной институт развития образования» кандидат исторических наук, доцент (по согласованию).

Сушко Виктория Владимировна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Рахуба Валерий Иванович, заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент.

Борсук Нина Николаевна, заведующий кафедрой белорусского и русского языков, кандидат филологических наук, доцент.

Ковалёва Наталья Николаевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Варич Вероника Николаевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент.

Зозуля Оксана Леонтьевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент.

У91 Учёные записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Выпуск III / Под. ред. М. В. Стрельца, Л. Ю. Малыхиной. – Брест : Издательство БрГТУ, 2021. – 148 с.

ISBN 978-985-493-540-9

Третий выпуск сборника научных трудов «Учёные записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки» включает исследования по истории, политологии, философии, праву, педагогике и другим наукам гуманитарного цикла.

УДК 93/94(476)
ББК 6/8(4Бел)я43

ISBN 978-985-493-540-9

© Издательство БрГТУ, 2021

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
БРЕСТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных трудов

2021. Выпуск 3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ

- Бурик Е. А., Бодак А. Ю.* Политическая ситуация в Малоритском районе в первые годы после освобождения района от немецко-фашистских войск 6
- Бодак А. Ю., Бурик Е. А.* Развитие печатных СМИ в первые послевоенные годы (на примере районной газеты Малоритского района Брестской области)..... 19
- Карпович О. В.* Повстанческий террор в Царстве Польском и Литве в 1863 году.... 27
- Мизун Д. А.* БССР и рабочее движение в Германии в 20-х – начале 30-х гг. 40
- Пашкович Е. И.* Сельские поселения Полесского воеводства в 1920-е годы: административно-территориальное устройство, демографическая структура..... 46
- Посохина Г. И.* Концептуальные основы внешней политики современного Китая.... 53
- Синчук И. И.* Раскопки на Мозырском замчище в августе 1988 г. 59
- Сінчук І. І., Пачобут Н. А.* Нумізматычныя і сфрагістычныя матэрыялы з раскопак і надзораў на вуліце Замкавая ў г. Гродна у 2019–2020 гг. 67
- Сурта Е. Н.* Иероним Пражский на Констанцском соборе по свидетельствам современников 72
- Телепень С. В.* Viri militares – факторы карьерного роста (к историографии вопроса)..... 81
- Ціхаміраў А. У.* Знакамітыя яўрэі – ураджэнцы горада Баранавічы 89

ПЕДАГОГИКА

- Писрук Г. В.* Дидактический потенциал басни И.А. Крылова «Ворона и Лисица»..... 95

ПРАВО

- Ипатов О. В.* Понятия «интеллектуальная собственность» и «права на интеллектуальную собственность»..... 102

СОЦИОЛОГИЯ

- Бурко О. П., Данилов Ю. Д., Кудрицкая Е. Г.* Дистанционное обучение: достоинства и противоречия 107

ФИЛОЛОГИЯ

- Обуховская О. А.* Из опыта дистанционного обучения иностранному языку в неязыковом вузе 112
- Резько П. Н., Ровнейко М. А.* Триггеры в контексте маркетинговой лингвистики..... 118

ФИЛОСОФИЯ

- Лагуновская Е. А.* Социально-философский анализ религии и её ценностей в православной, католической и протестантской традиции 126
- Лагуновская Е. А., Коляда М. С.* Исламская философия: истоки и генезис 141

- Сведения об авторах*..... 147

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest State Technical University»

SCIENTIFIC PROCEEDING

Of Brest State Technical University:
The Humanities Sciences

Collection of Scientific Works

Issue III

Brest • 2021

Contents

HISTORY

- Burik E. A., Bodak A. Y.* The political situation in the Maloritskiy district in the first years after the liberation of the district from the NAZI..... 6
- Bodak A. Y., Burik E. A.* Development of print media in the first post-war years (on the example of the district newspaper of the Maloritsky district of the Brest region) 19
- Karpovich O. V.* Insurrectionary terror in the Kingdom of Poland and Lithuania in 1863 27
- Migun D. A.* The BSSR and the labor movement in Germany in the 20s – early 30s. 40
- Pashkovich A. I.* Rural settlements of the Polesky Voivodeship in the 1920s: administrative-territorial structure, demographic structure..... 46
- Posokhina G. I.* Conceptual framework for contemporary China's foreign policy 53
- Sintchouk I. I.* Excavations at the Mozyr castle in August 1988..... 59
- Sintchouk I. I., Pochobut N. A.* Numismatic and sfragistic materials from excavations and surveillances on zamkova street in the Grodno city in 2019–2020..... 67
- Surta E. N.* Hieronymus of Prague at the constance cathedral according to contemporaries..... 72
- Telepen S. V.* Viri militares-factors of career growth (to the historiography of the question) 81
- Tsikhmirau A.* Outstanding Jews from Baranavičy 89

PEDAGOGY

- Pisaruk G. V.* Didactic potential of I. A. Krylov's fable "The Crow and the Fox" 95

LAW

- Ipatova O. V.* The concepts of "intellectual property" and "intellectual property rights" 102

SOCIOLOGY

- Burko O. P., Danilov Yu. D., Kudritskaya E. G.* Distance learning: advantages and contradictions..... 107

PHILOLOGY

- Obukhovskaya O. A.* From the experience of distance learning a foreign language in a non-linguistic university 112
- Rezko P. N., Rovneiko M. A.* Triggers in the context of marketing linguistics 118

PHILOSOPHY

- Lahunouskaya A. A.* Socio-philosophical analysis of religion and its values in Orthodox, Catholic and Protestant tradition..... 126
- Lahunouskaya A. A., Kolyada M. S.* Islamic philosophy: origins and genesis 141
- Information about authors* 147

Бурик Е. А., Бодак А. Ю.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛОРИТСКОМ РАЙОНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАЙОНА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК

Политическая ситуация в Западной Беларуси в первые послевоенные годы была сложной. Предстояла повторная советизация региона, которую Советская власть не успела завершить в предвоенные годы. Здесь власть встретила упорное сопротивление своих противников, и здесь несколько лет шла необъявленная война. Власть эту войну выиграла.

В данной статье рассматриваются различные аспекты решения вопросов советизации и проблем, с которыми пришлось столкнуться Советской власти в регионе, а также их преодоления.

***Ключевые слова:** политические настроения, слухи, террор, бандитизм, репатриация, умиротворение.*

Введение

Малоритский район был освобождён от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 г. Началось возрождение мирной жизни у людей, которые 3 года страдали под пятой оккупантов. Тем не менее, для Советской власти здесь проблемы не закончились. Теперь предстояла решительная борьба за восстановление порядка и стабильности в районе. В этом смысле руководству пришлось столкнуться с рядом серьёзных проблем, которые пришлось незамедлительно решать.

Борьба с нездоровыми политическими настроениями местного населения

Учитывая слабый уровень грамотности местного населения, в его среде широкое распространение получили всевозможные слухи о будущем изменении политической ситуации не в пользу Советской власти. Слухи, распространяемые либо врагами власти, либо неумными людьми, оказывали заметное влияние на формирование общественного мнения среди крестьян. С этим власти пришлось бороться со всей решительностью.

Летом – осенью 1944 г. политическая активность населения серьёзно гасилась слухами о том, что фронт вот-вот вернётся назад, и начнутся «разборки» с теми, кто поддержал советскую власть. Когда же фронт безоговорочно отдался от нашей границы, неуверенность людей стала подогреваться угрозами бандеровцев, зачистивших из Волынской области Украины [8, л. 40].

Власти необходимо было повышать доверие к себе, не уходя от острых вопросов крестьян и находя на них правильные ответы. Летом 1945 г. секретарь райкома докладывал в область: «После победы настроение населения исключительно хорошее. При беседах с населением задают разные вопросы. Крестьяне интересуются, будет ли соль, в отношении дачи коров за счёт пригона из Германии. Очень довольны изъятием из района изменников Родины, но ещё мало, надо убрать всех, кто издевался над людьми и сейчас хорошо себя чувствует. Как скоро придут мужья из армии? Так же война подорвала хозяйство, и интересуются, как его восстанавливать, когда будет помощь государства за уничтоженные дома, телеги, скот, «вернёт ли Германия, что разрушила?» возвратят ли крестьянам по актам ущерб? Хотят уменьшить налоги и вопросы по льготам

семьям инвалидов и убитых на войне. Как будет с Германией, долго ли там будут стоять войска союзников. Дадут ли району электростанцию, лесопильный завод, так как они вывезены в Германию?» [8, л. 18].

Ответы на вопросы, как правило, находились. Однако те, кому были не по душе положительные перемены в послевоенной жизни людей, не унимались. Прокурор района Цвирко в июле 1945 г. утверждал, что «на территории района ходят всевозможные слухи, и с ними плохо борются органы НКВД и НКГБ» [5, л. 29]. В декабре 1945 г. работник Леспромхоза заявил, что к ним приехал «один гражданин, из Германии и начал распространять слухи, что в Германии жить лучше, а здесь заставляют заготавливать лес». И при этом агитаторы власти не могут адекватно ответить на эти утверждения – «даже по книжке прочитать не могут» [5, л. 48]. Тогда же работник военкомата сообщил, что враги Советской власти хотят сорвать выборы в Верховный Совет СССР, говоря, «что это – подписка в колхоз» [5, л. 48]. Если учесть, что сразу после окончания войны районное руководство сверхделикатно отнеслось к идее реанимирования довоенных колхозов, это была откровенная клевета.

Работы с населением по борьбе со слухами, клеветой врагов власти и их открытым вооружённым сопротивлением, в это время оставалось много. Она затянется на несколько лет, пока в районе не установится настоящий мир, и люди смогут полной грудью вздохнуть спокойно.

Проблема репатриации польского населения

Ещё одной проблемой, которую районным властям придётся безотлагательно решать, станет репатриация польского населения района на историческую родину.

После освобождения территории БССР от немецких оккупантов начались переговоры между правительствами Польши и СССР о корректировке границы между двумя странами. Этот процесс подразумевал в том числе и обмен населением – желавшим уехать в Польшу поляками и возвращавшимися на историческую родину белорусами. Малоритчину этот процесс так же затронул, хотя и не в той мере, как соседние районы – этнических поляков на территории района было немного. К тому же часть их по различным причинам подалась в Польшу в обозе немцев, не дожидаясь соответствующих правительственных соглашений.

Нужно понимать всю сложность выбора людей, которые прожили здесь всю жизнь, для которых район был родным пристанищем многих поколений их предков (если не считать осадников, появившихся здесь недавно в качестве инструмента ополячивания региона). При царе особых национальных проблем не возникало, однако в межвоенный период оказалось, что местные представители польской национальности стали государственнообразующим народом. Это подразумевало уже другой статус человека, повышало его относительно других соседей. 1939 год внёс некоторые коррективы, и этот статус исчез. Кровавые события имевшей место южнее волынской резни поляков бандеровцами заметно подогрели стремление здешнего польского населения жить в собственном польском государстве. После освобождения района Красной армией так же явно имел место и наивный расчёт людей избавиться от сталинской модели жизнеустройства. Поляки ещё не знали, что эта модель доберётся до них и на новом месте, хоть и через несколько лет.

Надо отметить, что проблема репатриации решалась довольно деликатно, учитывая опыт совместного проживания в регионе представителей различных этнических групп. Однако, немногочисленные негативные моменты в организации процесса переселения могли серьёзно испортить взаимоотношения двух народов. Поэтому 12 апреля 1945 г. Брестские областной совет и обком партии приняли постановление «О недостатках в работе по переселению граждан польской национальности в Польшу». Здесь говорилось о том, что договор предусматривал только добровольное переселение, и принуждение к нему недопустимо. Считалось, что «поляки из простого народа хотят жить в условиях советского строя, прямым и косвенным путём принуждаются к подаче заявлений о переезде» [1, л. 105]. Вряд ли эти поляки хотели остаться в СССР по идеологическим причинам – скорее здесь работал психологический фактор нежелания бросать свой дом, нажитое имущество и хозяйство, родительские могилы, наконец.

Некоторые руководящие работники допускали искажение сути договора о репатриации – в ряде районов отнимали у уезжавших лошадей и другое имущество, не думая о том, «чтобы уезжающие остались друзьями Советского Союза, а не озлобленными людьми» [3, л. 67]. Иногда под поводом переселения республику покидали белорусы-католики. Правда, у таких «пропуском» в Польшу служили их фамилии, оканчивавшиеся на «овский» и «евский» или «евич». Тем, у кого фамилия оканчивалась на «ук», «юк», перспектива переселения была проблемной.

Оценка оставляемого поляками имущества часто составлялась произвольно, завышалась его стоимость. Кое-кто из руководства присваивал себе имущество бежавших с немцами помещиков и недобитых советской властью до войны осадников. Местным органам запретили выдавать справки о национальности, и документом, определявшим принадлежность к той или иной нации, стал только паспорт.

Следует отметить, что малоритское руководство справилось с задачей переселения максимально корректно. По крайней мере, его, в отличие от руководства других районов, не прорабатывали на совещаниях, посвящённых этому вопросу. Это позволило избежать неприятных инцидентов, имевших место в других районах (так, в Высоковском районе один из поляков, оставляя созданный им сад, подрубил все 70 молодых дерева, или как в одной из деревень уезжавшие подрезали балки оставляемого дома) [2, л. 105]. Здесь так же имели место некоторые инциденты, но не подобного масштаба – в апреле 1945 г. было отмечено, что в Збуражском сельсовете некая гражданка Боколядь выломала окна в доме, в д. Антоново уезжавший сломал печь, и имели место выпаса скота уезжающими на посевах ржи в Збуражском, Ляховском и других сельсоветах [3, л. 67]

7 июня 1945 г. секретарь райкома докладывал наверх: «По району записалось на выезд поляков 319 семей. На 1 июня выехало 295, пока остаётся 24. 295 выехали до 15 мая и весенний сев не производили. Из оставшихся 22 семьи засеялись, а 2 категорически отказались и ждут выезда. Нельзя сказать, останутся ли эти 22 семьи. Они колеблются. 12 семей, ранее записавшихся на выезд, заявили, что не уедут. Со стороны кулаков и польских националистов шла антисоветская агитация, поэтому кое-кто портил имущество, переданное по акту в сельсоветы» [16, л. 13]. Однако, как уже говорилось выше, это не приобрело такой размах, как у соседей.

Главное, о чём просили представители власти уезжающих, чтобы они перед отъездом произвели посев яровых (записавшиеся на выезд игнорировали весенний сев). С этой целью полякам разъясняли, что при переезде в Польшу им это будет скомпенсировано польским государством натурой или деньгами [3, л. 67].

Некоторые поляки по различным причинам возвращались домой и требовали вернуть им посевы и дома. Однако, распрощавшись почти со всеми поляками района, руководство зачем-то должно было информировать обком и ЦК КПББ об откликах населения на судебный процесс над руководителями польского подполья и по вопросу образования Временного польского правительства национального единства. Нужно было это организовать до 10 июля 1945 г. Это имело бы смысл при сохранении в районе крупной польской диаспоры. В нашем же случае руководство разумно проигнорировало эту «указивку» (дважды отправленную) – без этого хватало других проблем.

Теперь требовалось наладить приём белорусов, прибывавших на территорию района из Польши [4, л. 38]. Поскольку уехавших поляков оказалось гораздо больше, чем приехавших белорусов, то поучившийся весомый излишек земли было решено раздать безземельным и малоземельным местным крестьянам, что и было сделано. Для этого руководство сельсоветами организовало охрану имущества и земли уезжавших [3, л. 67]. Брошенной землёй распорядились разумно, логично и по-хозяйски.

Борьба с вооружёнными бандформированиями

Главной же проблемой для руководства района и области стало острое политическое противостояние с фашистскими недобитками. Освобождение района от немецких оккупантов не принесло сюда долгожданный мир. Теперь началась совсем другая война – законной власти и её противников из представителей местного населения. И с ними началась борьба суровая и бескомпромиссная. Антисоветские элементы в регионе объективно оказались в условиях продолжающейся Великой Отечественной войны союзниками немцев, подрывая советский тыл, а после её окончания всячески пытались сорвать процесс налаживания мирной жизни и возвращения людей к человеческим условиям бытия.

В августе 1944 г. районным отделом НКВД были созданы истребительные отряды из бывших партизан. Они сыграли большую роль в поддержании порядка и охраны материальных ценностей в районе. Казалось, что они выполнили свою задачу, и были расформированы. Их участники привлекались на работу в НКВД или отправлялись в распоряжение ЦК КПББ, где с ними был произведён денежный расчёт [2, л. 7].

Однако жизнь показала, что всё только начинается, в районе констатировали, что «фронт рядом, и враг будет забрасывать гадов, наличие вооружённой силы в районах надо сохранить». В итоге были созданы новые отряды из представителей советского и партийного актива, без отрыва от производства и с привлечением местного населения [2, л. 7]. Жизнь показала, что восстановление таких формирований оказалось верным.

21 декабря 1944 г. в 10 часов вечера банда в составе 58 человек ворвалась в помещение Ореховского сельсовета, где находился только сторож. Непрошенные визитёры переломали всю мебель, частично сожгли документацию, часть её унесли с собой. В помещении оказались разбиты печь, рамы и захвачены 8 винтовок, которые были предназначены для бойцов истребительного отряда.

Разгромив помещение сельсовета, бандиты направились к школе. Рядом с ней жила учительница Мария Буловецкая. Её ограбили, забрали книги, платья и мелкие вещи, а конспекты и планы порвали. Уходя, они предупредили бедную женщину, чтобы школа не работала и пригрозили, что, если она продолжит преподавать, над ней учинят расправу. Учительница сразу уехала в Малориту и категорически отказалась возвращаться обратно. В районе успели убедиться, что у бандитов слова редко расходились с делом. Начальство решило больше её не посылать в Орехово, а с нового года отправить кого-нибудь другого [3, л. 2].

Тогда же бандиты ограбили нескольких крестьян, забрали лошадь, хлеб, картофель, несколько полушубков и другие вещи. Председатель сельсовета Корень и уполномоченный НКВД смогли скрыться неподалёку на одном из хуторов. На место выехала воинская часть, напала на след и нашла бандитский лагерь в 12 км от Орехово на Шацких озёрах, в Украине. Была устроена погоня, в ходе которой удалось убить четырёх бандитов. Аналогичные проблемы тогда же имелись в Мокранском и Хотиславском сельсоветах [5, л. 2]. Указанный выше факт опровергал оптимистичные заявления парторга военной части в районе о том, что «район почти очищен от врагов, и стало возможно выезжать в сельсоветы» [5, л. 7]. Ему возражал начальник райотдела НКВД Слизов: «Осталось много нечисти, убит председатель сельсовета» [5, л. 10]. По мнению районного руководства, корень зла крылся в соседнем Дивинском районе – «там есть националисты, и они засылают агентов сюда» [5, л. 12]. Объективности ради заметим, что в том районе ситуация в первые послевоенные даже не месяцы, а годы, напоминала настоящую войну, и тамошние бандиты – бульбовцы ли, бандеровцы ли, выпили у советской власти столько крови, что их малоритские коллеги на этом фоне выглядели, слава Богу, бледновато. Тем не менее, трагическая действительность и здесь властно калечила жизнь мирным людям.

Только за конец 1944 – начало 1945 гг. ситуация с бандами в районе выглядела следующим образом: в ночь на 24–25 октября 1944 г. в д. Черняны ворвалась группа Ермака (бандитское формирование. – авт.) в 60 человек. Находившихся на лесозаготовках крестьян разогнали, одного из красноармейцев зарубили топором, другого ранили. Трое сержантов Красной Армии были заведены в лес на 4 км. От Чернян и с особой жестокостью замучены [20, с. 309]; тогда же в д. Черняны 24 октября в 6 часов вечера та же банда захватила бывшего партизана Трофима Васильевича Коренько, брата председателя местного сельсовета, увели в лес, выломали ему руки и сожгли на костре. То же сделали с 4 военнослужащими – младшим лейтенантом, двумя сержантами и одним рядовым. Тогда же был ранен рабочий по строительству моста Н. Хвалевич [20, с. 310]; 2 ноября в д. Антоново были убиты председатель Великоритского сельсовета Николай Романович Свидинский, сотрудник УНКВД по Брестской области Лемешев, жительница деревни Михно Наталья Савельевна. Уполномоченный Брестского обкома партии Василий Ефимович Матвеев был легко ранен и под прикрытием темноты скрылся. Раненого сотрудника УНКВД Ивана Михайловича Кушнира бандиты увели с собой, и судьба его была неизвестна. Его участь разделили уведённые в лес 7 ноября депутаты сельсовета д. Доропеевичи Игнат Исаевич Кисель и Пётр Лукашук [20, с. 311]; в ночь на 10–11 января 1945 г. в д. Доропеевичи был убит председатель Чернянского сельсовета Коренько [20, с. 315].

Приведённые здесь факты наглядно характеризуют обстановку, в которой приходилось восстанавливать район после его освобождения от немцев.

В начале марта 1945 г. район получил источник для беспокойства из-за соседей, видимо, бойцов Армии Крайовой. Они, силой до батальона пехоты (по другим сведениям – в 300 человек), 4 марта перешли границу СССР и вторглись на территорию Олтушского и Ореховского сельсоветов. Военская часть, располагавшаяся на территории района, совместно с пограничниками 2 дня преследовала непрошенных гостей, убила 27 из них и переловила до 200 человек. Примечательно, что часть попавших в плен поляков уверяла, что «они не знали, куда идут, а как только узнали и были обстреляны нашими пограничниками, сразу начали сдаваться». При этом, большинство пленных и убитых не имели никаких документов [8, л. 9].

Казалось, что это – остаточные явления, последствия оккупации, которые сойдут на нет за короткое время. Жизнь продиктовала свои суровые коррективы. Самое трудное здесь было ещё впереди. Война с территории района никуда не ушла. Она приняла другое обличье. Враг был коварным подлым и не соблюдающим никаких человеческих правил. Остаётся сожалеть, сколько хороших, добрых, настоящих людей извели эти нелюди, которые не умели строить, учить, лечить. Они умели только убивать. Иногда подводя свою жестокость под идеи, которые не разделяла с ними большая часть людей, хотевших мира и покоя на своей истерзанной войной земле.

По мере того, как лесные «повстанцы» начинали понимать, что Советская власть тут – всерьёз и надолго, сопротивление их возрастало. Однако, ещё имелись иллюзии ожидания помощи Запада.

Так что, бандиты с 1946 г. заметно активизировали свою деятельность по подрыву мирного строительства и налаживанию нормальной жизни. 24 января 1946 г. в 23 00 выстрелом из охотничьего ружья в своём доме был убит бывший партизан отряда им. Жукова путевой обходчик станции Хотислав Кивачук Алексей Петрович 1912 г.р. [20, с. 319]; 4 апреля убит житель д. Хотислав Ключник Лукьян Кузьмич 1889 г.р., 7 апреля была убита его дочь Ключник Евдокия Лукьяновна 1912 г.р.; в ночь на 25 апреля в Чернянском сельсовете очередью из автомата был расстрелян местный активист Шульгиевич Николай Андреевич (данный факт нуждается в проверке. – авт.); 20 мая 4 боевика казнили заведующего малоритской сберкассой Савчука Константина Фомича 1893 г.р., а на другой день те же – председателя Хотиславского сельсовета Бенисюка Ефима Гавриловича [12, с. 321].

В ночь с 30 на 31 августа 1946 г. в д. Заболотье Мокранского сельсовета были обнаружены листовки антисоветского содержания, по всей деревне оказались расклеены призывы к укреплению банд УПА (бандеровцев). Одновременно в д. Луково такие же листовки призывали вести борьбу против выполнения хлебопоставок. Райотдел МГБ провёл работу по установке лиц, которые могли листовки распространять. Оказалось, что в этих деревнях 30 августа находился неустановленный гражданин, который приходил наниматься к людям на обмолот посевов, Другим он предлагал часы и кольца, ссылаясь на недостаток денег, говорил, что демобилизован и что проживает в Сельцах (в других разговорах – в Кортелисах, в Гурниках и других пунктах соседнего Ратненского района) потом скрылся, оставив листовки [9, л. 19].

В октябре 1946 г. местные власти отмечали, что райотдел МВД не может обеспечить нормальную жизнь в районе. За предыдущие два месяца «лесные братья» по Великокоритскому сельсовету увели 200 овец, и ещё сотню в Ляховском сельсовете. Не «брезговали» и картофелем. Так же подвергались грабежу магазины – в Ляховцах, Великокорите и дважды в Хотиславе. Одновременно имелись случаи избиения депутатов Хотиславского и Олтушского сельсоветов «бандитами – белорусскими и украинскими националистами». Райком партии считал, что всё это – антисоветская контрреволюционная деятельность, направленная на срыв хлебо- и других заготовок. Преступность в районе резко росла. Райком послал милиции для укрепления кадров 5 коммунистов, но их по разным причинам не задействовали [9, л. 207]. Секретарь райкома возмущался: «Держат пьяниц и разложенцев, а в это время милиционер Касяник бьёт Кузнецова и Кротова, Касперович – гражданина Самосюка Фёдора Павловича, Уснарский присвоил вещи гражданина Хапаля» [там же].

2 октября 1946 г. выстрелами через окно были убиты жители д. Мельники Пищик Степан Никитович и Пашель Степан Никитович [20, с. 322] 25 ноября 1946 г. в 19.30 вечера в д. Дубично Великокоритского сельсовета выстрелом в окно был убит инструктор Малоритского райкома партии и одновременно уполномоченный по поставкам в этом сельсовете Семён Константинович Терещенко [10, л. 4]. Убийц тогда так и не нашли. Одновременно продолжались грабежи магазинов. К предыдущим объектам добавились магазины в Олтуше и Орехово. Бандгруппы, не стеснясь, барражировали по району.

Райком телеграфировал в обком партии: «Всё это отражается на нормальной работе в районе. В связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет БССР ни в одном населённом пункте не удаётся собрать вечером крестьян – боятся бандитов. Просим содействия в укреплении райотделов МВД и МГБ работниками и другими видами охраны для создания нормальных условий для работы в районе» [там же].

13 января 1947 г. обком партии на заседании (протокол № 13, п. 5) принял решение «совместно с РО МВД создать при сельсоветах вооружённые группы содействия по борьбе с бандпроявлениями» [13, л. 14]. Однако на местах осуществление этого решения натолкнулось на запрет областного управления МВД на раздачу оружия (запрет, кстати, вполне уместный – кто мог дать гарантию, что это оружие не попадёт в лес?). Тем не менее секретарь райкома докладывал вверх: «Группы на месте мы создаём, но без оружия. Просим вмешаться» [там же]. Иногда в самом районе не понимали, какой груз проблем свалился на плечи местной милиции – в начале февраля 1947 г. комсомольскую организацию РО МВД резко критиковали за то, что она последние два месяца не работала, не выпускала стенгазеты и не проводила ежесубботние учёбы с комсомольцами [6, л. 26]. Да какие там, к лешему, стенгазеты, когда приходилось практически круглосуточно гоняться за бандитами по лесам и не допускать, чтобы отдельные случаи терроризма не привели к тотальному беспределу.

Ситуация настоятельно требовала срочных и решительных мер по стабилизации ситуации. Руководство района было поставлено в крайне сложные условия. Разрешите привести документ без купюр, который представляет собой настоящий крик души секретаря райкома, если он решился написать письмо от себя самому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко в начале 1947 г.:

«Пантелеймон Кондратьевич, решил вам написать о положении в районе и помочь. Ибо так дальше работать невозможно. Я в район прибыл 18.11.44. и если сравнивать условия работы тогда и в последнее время, то оказывается, чем дальше, тем хуже. Тянуть дальше при таких условиях работы, какие мы сейчас имеем, невозможно. Ибо все труды парторганизации бесплодны.

С конца 1944 и до начала 1946 г. район не был благополучен. Налёты банд были частенько, но эффективно проводимая борьба с бандитизмом давала положительные результаты, и район проводил политические кампании удовлетворительно.

Население не чувствовало такого страха, потому что банды приходили извне, из-за Буга или Волынской области. Неоднократно на территории проходили бои, (мы. – авт.) разбивали их, и население и актив села смело и решительно помогали в борьбе.

После того, появились мелкие банды, да из местного населения группа во главе Совчука деревни Хотислав. Последним были убиты активисты той же деревни 3 человека. В мае 1946 г. были убиты председатель Хотиславского сельсовета Бенесюк и заврайсберкасой Совчук, в августе избит и стал инвалидом депутат села Косик, в январе 1947-го избит до полусмерти депутат д. Мельники Косик, в ноябре 46 убит активист Бамель, в ночь с 17 на 18 февраля 1947-го в Хотиславе убит убит Смаль, прибывший в отпуск работник Брестской тюрьмы, и сожжена хата активиста-десятника Данила Лукьянчика. Только в 1 сельсовете убито 7 чел. и 2 избиты до инвалидности.

Эта банда буквально парализовала всю жизнь сельсовета. Ибо неоднократно приходили к депутатам Косику в Мельниках и предупреждали: «Брось службу, прекрати выполнять хлеб, лес и т.д. ибо убьём». Но тот, как и другой депутат д. Вишеньки честно и активно исполняли свой долг и в результате были избиты и стали инвалидами.

Рядом с Хотиславским сельсоветом – Олтушский. В ноябре 1946 г. там был убит активист д. Олтуш Чуль, кроме того, частые появления в сельсовете банды и поиски председателя сельсовета и агента комитета заготовок и предупреждения активистов села привели к тому, что работа сельсовета парализована.

Рядом – Ореховский сельсовет, в котором тоже частые появления банд. В результате чего были убиты в 1946 году 2 человека, 2 января 1947 г. были пойманы и уведены, и по агентурным данным, убиты предсельсовета Бегеза, агент уполнаркомзага Соловчук и представитель Брестского обкома Шаболин. После этого убийства жизнь сельсовета парализована, хотя и стыдно признаться, но вот уже второй месяц мы не можем назначить нового предсельсовета и агента уполминзага. Никто из местных жителей «не хочет» и заявляет прямо: «Мне ещё жить не надоело».

25.11.46 в д. Дубично убит инструктор райкома Терещенко.

30.02.47 в 2 часа ночи в д. Ланская был смертельно ранен председатель райисполкома Ткачев и через 12 часов скончался.

Все убийства, прошедшие по району, прошли безнаказанно, ни один бандит не убит и не пойман. Если не считать убийство бандита Совчук на территории Волынской области, но его убили тамошние сотрудники МВД.

Активизируя борьбу с бандитизмом, надо прямо заявить, что мы только фиксируем факты после убийства – приедут, проведут следствие и на этом дело

кончается. Вести борьбу нашему аппарату райотдела МВД и МГБ не под силу – их всего 8 человек. Для этого нужна вооружённая сила. Но её нет.

Такая постановка борьбы с бандитизмом привела к тому, что 3 сельсовета, по сути, парализованы. Весь сельский актив, по сути, перестал работать. Если кто приезжает из района, то актив прячется и избегает встречи с райработниками. Только и слышишь ответы: «Что же, сегодня начну работать, завтра придут и убьют, а у меня семья и т.д.».

Кроме того, надо сказать и другое, что все бандиты нам известны, семьи их проживают на месте, связаны с ними и помогают бандитам вести свое гнусное дело.

В результате начались нездоровые разговоры и настроения среди членов партии. Боязнь выезжать в село, а если и выедет, то на ночь уезжает в райцентр. Есть факты выезда из района.

Проводить собрания вечером не получается, ибо крестьяне не идут. Собрать их стоит немалых трудов. Не идут, потому что боятся бандитов. Все это вместе взятое заставило меня написать Вам докладную записку. Я одно прошу – не понять меня так, что я растерялся. Но надо в конце концов покончить с этим – обидно, что какая-нибудь группа 7 бандитов гуляет безнаказанно и терроризирует население.

Брестский обком выносил решения и наказывал людей за такое состояние в районе, но реального результата нет, и убийства продолжают.

Для того, чтобы вести борьбу с бандитами, надо в районе иметь небольшую группу войск. Хотя бы 50 человек, расставить их в этих трёх сельсоветах, иметь хотя бы одну собаку. Если такая группа начнет активно действовать, я уверен, не пройдет 2–3 месяца и банда будет ликвидирована. И надо принимать меры к семьям этих бандитов» [13, лл. 6–8].

Такой документ должен был иметь очень серьёзные последствия, и они не замедлили сказаться, однако до стабилизации ситуации было ещё далеко.

Не смотря на принимаемые властями меры по ликвидации бандформирований, в 1947 г. ситуация продолжала оставаться напряжённой.

1 января в д. Орехово были расстреляны председатель Ореховского сельсовета Бегеза Яков Андреевич 1900 г.р., агент уполминзага Соловчук Пётр Григорьевич, 1906 г.р., инспектор Брестского госбанка Шабалин Михаил Максимович 1916 г.р.; в ночь на 18 февраля в д. Хотислав был убит Смаль Николай Коимович, приехавший домой в отпуск; в ночь на 20 февраля в д. Ланская в квартире председателя Олтушского сельсовета Костючика Г. А. был смертельно ранен председатель Малоритского райисполкома Ткачёв Пётр Григорьевич, убийство которого было спланировано и подготовлено; 24 апреля в д. Мельники ограбили дом и расстреляли жителей деревни Кивачука Василия Макаровича, Кивачука Дмитрия Макаровича, 1909 г.р., в ту же ночь проникли в дом на хуторе Межегоры Хотиславского сельсовета и убили Кивачука Онуфрия Макаровича [20, с. 323].

В ночь с 8 на 9 мая 1947 г. бандиты налетели на один из первых колхозов района «Победа» в Збуражском сельсовете. Банда до 15 человек ворвалась в правление колхоза, разбила там телефонный аппарат, в колхозе подожгли конюшню. В результате пожара сгорело 20 коров, 5 овец, 5 рабочих лошадей, 1 молодая лошадь, т.е. оказались полностью уничтоженными весь скот и тягловая сила [12, л. 100]. Райком отмечал, что с весны 1947 г. банды активизировались,

терроризируют население, убивают представителей власти, грабят население и кооперативные магазины. С начала 1947 г. было убито 12 человек и ограблено много крестьянских дворов, в том числе и стахановцев Леспромхоза Елькина и Киселевича. Заметно выросли в этой связи уголовная преступность и кулацкий саботаж [там же].

Секретарь райкома Подоляк сигнализировал в обком: «РО МВД укомплектован только на 60 % и слабыми кадрами, неспособными вести серьёзную работу с уголовниками и бандитами. Прокуратура тоже не укомплектована. Облуправление МГБ и МВД решение бюро обкома от 13.01.1947 г. не выполнило. Созданные группы содействия поражённых бандитизмом сельсоветов не вооружены – нет оружия в районе. Начальник РО МГБ Комяк оторвался от партийной жизни, увлёкся незначительными успехами, разоблачениями отдельных бандгрупп. Морально-политическое состояние гарнизона войск МВД в Малорите низкое, отдельные солдаты и офицеры сами являются нарушителями общественного порядка, хулиганы и пьяницы. Командование на местах бывает редко, а если и бывают, то в райком не заходят. Райком просит дать Комяку Георгию Васильевичу (в партии с 1939 г.) дать выговор с занесением. Обязать его и начальника РО МВД Сазонова обеспечить охрану социалистической собственности и усилить работу с уголовной преступностью... поставить вопрос о морально-политическом состоянии военнослужащих гарнизона» [12, л. 101].

20 мая 1947 г. инструктор райкома Борсук доводил до сведения секретаря райкома: «Комяк, как начальник РО МГБ не обеспечил прекращения действий бандгрупп а занялся пьянкой и многоженством» [11, л. 31].

Райком просил обком ЗАСТАВИТЬ областные управления МВД и МГБ о вооружении групп содействия и советского и партийного актива и «дать людей, способных справиться с бандитами». У милиции имелась только одна машина, просили ещё и впридачу собаку-ищейку. Так же просили прислать в район прокурора вместо давно выехавшего прежнего. Для поддержания ограбленного колхоза обязали директора МТС Виноградова и заведующего коннопрокатным пунктом МТС Шалимова немедленно передать ему 5 лошадей [12, л. 101].

Бандиты не унимались. 20 мая 1947 г. инструктор райкома Борсук доводил до сведения секретаря райкома: «В районе есть бандиты, которые парализуют население и не дают проводить вечером собрания» [11, л. 31]. 28 июня 1947 г. партийная школа при Ореховском сельсовете прекратила свою работу – никто по вечерам туда не стремился [17, л. 6].

В конце мая 1947 г. райком требовал от начальников РО МВД и МГБ Сазонова и Комяка принять решительные меры по ликвидации бандгрупп (81, л. 36). Те ставили в известность вышестоящие инстанции, что комплект кадров у них составляет только 50 % от положенного, что приводит к трудностям с патрулированием города [19, л. 22].

Районное партсобрание от 6 июля 1947 г. констатировало: «Преступность увеличивается, участковые не проводят профилактику, а только регистрируют кражи. Жёны наших коммунистов – Шимчукова и Земнова сами занимаются скупкой и перепродажей яиц из Малориты в Брест. Организованные пьянки прекратились, но одиночные есть – даже у Сазонова – открывал бесцельную стрельбу в ночное время, а личному составу приходилось его провожать на квартиру. Сазонов и Шимчук обзывают людей нецензурно [19, л. 27]. Личный

состав перестаёт правильно работать и становится на путь преступлений [там же, л. 28]. Милиционер Андреев стрелял в городе по некоему Зубенко. «Якобы в порядке самообороны, но его наказали» [там же, л. 40].

Летом–осенью 1947 г. борьба с бандитами продолжалась с определёнными трудностями. Требуемое зимой 1947 г. оружие люди всё-таки получили, однако 14 июля 1947 г. секретарь райкома Подоляк сигнализировал в обком: «Согласно указанию заместитель начальника УМВД по области предложено изъять у всего партийно-советского аппарата огнестрельное оружие несмотря на то, что всё время говорили о создании истребительных групп по сельсоветам. В 6-7 сельсоветах мы такие группы создали, а сейчас предложено изъять оружие. Словом, получается, что убили трёх бандитов, ну, значит, всё спокойно. Я прошу вашего вмешательства и сохранить данные группы. Нельзя лишать актив оружия, так как приходится работать в местах появления банд, и в настоящее время они появляются. Хоть (никого. – авт.) не убивают больше месяца, но это не означает, что уже спокойно» [13, л. 32].

Жизнь показала правоту слов секретаря райкома. Уже через пять дней райком отмечал, что органы МГБ провели большую работу по ликвидации националистических групп в районе. Были уничтожены главари этих групп Олесик, Крень, Литвинюк, которые терроризировали население и мешали честным людям работать. После проведения операции МГБ по ликвидации главарей банд положение в районе улучшилось. Ранее молодёжь в истребительные группы шла очень неохотно, но теперь пошла во всех сельсоветах в эти группы и стала оказывать органам МГБ большую помощь. На местах отмечали, что «уже ни один работник партактива не боится проводить собрания людей вечером, и нужно отметить, что у самих крестьян поднялось настроение и уверенность, что их есть кому защищать» [13, л. 35].

Но поживать на лаврах оказалось рано. В августе 1947 г. в Хотиславском, Мокранском и Ореховском сельсоветах среди населения опять стали распространяться враждебные слухи, направленные на торможение хлебозаготовок [13, л. 38]. В связи с мероприятиями МГБ влияние бандитов заметно снизилось, и настроение населения в сравнении с 1946 – первой половиной 1947 г. улучшилось. Однако, надвигалась будущая коллективизация, что явно понимали зажиточные крестьяне. С националистами тесно сотрудничала определённая часть районных кулаков. 10 сентября 1947 г. райком отмечал: «кулацкая часть населения стремится сорвать нормальную жизнь района. В августе в Ляховицком сельсовете были тяжело ранены заведующий организационно-инструкторским отделом райкома Карасик и местная крестьянка. Часть кулаков прячет хлеб от государства» [13, л. 43]. После лечения от тяжёлого ранения партработник покинул район.

В ноябре 1947 г. агитация бандитов опять активизировалась, особенно в Ореховском, Олтушском и Хотиславском сельсоветах. Гражданин Жох, который до войны был председателем Ореховского сельсовета, накануне выборов в местные советы не согласился баллотироваться. Он начал умолять предоставить ему любую работу, только не председателем сельсовета. Можно только догадываться, как мучительно тяжело было в этих условиях принимать кадровые решения. Активистка из д. Гвозница в предварительной беседе с ней представителя райкома сначала согласилась со своей кандидатурой с состав районного

совета, но вскоре пришла в райком и категорически отказалась. И таких примеров было много [13, л. 48].

Тогда же в Бродятинском сельсовете при организации письма Сталину на комсомольском собрании был пущен слух, что на этом собрании будут готовить молодёжь для отправки в фабрично-заводские училища Донбасса, так как там «обвалилась шахта, и погибло 5 000 человек. Всех, кто придёт на собрание, увезут в Брест». Собрание было сорвано [13, л. 49].

Тем не менее, соответствующие органы продолжали делать своё дело. В ноябре 1947 г. участковый уполномоченный Осадчий задержал на своём участке «видного шпиона» [9, л. 38], а в декабре вылазок националистов было заметно меньше [19, л. 54].

Новый 1948 г. начался с очередного кровопролития. Поздно вечером 2 января в д. Мельники Хотиславского сельсовета ворвалась банда в количестве 25 человек, вооружённых автоматами, гранатами и ручным пулемётом. Половина из них осталось, а остальные двинулись в Хотислав. Там они ворвались в помещение сельсовета, сорвали там портреты Ленина и Сталина, разбросали бланки избирательных бюллетеней по выборам в сельсовет и разбили телефонный аппарат. В полночь один из бандитов ворвался в квартиру заместителя председателя сельсовета Ивана Никитича Лукьянчука и выстрелом в голову его убил. В обеих деревнях бандиты ограбили магазины сельпо, забрали у крестьян две подводы, погрузили на них награбленное и безнаказанно скрылись. Преследование банды результатов не дало. Такая дерзкая вылазка должна была показать демонстрацию своей силы, наглости и доминирования в районе.

О настроениях некоторых членов районного руководства в это время красноречиво свидетельствует позиция председателя райисполкома Слободченкова, сменившего на этом посту убитого бандитами П. Г. Ткачёва. Ему предстояло ехать в конце 1948 г. в Хотислав на обсуждение очередного пленума ЦК КП(б)Б, и он заявил, что ни на машине, ни на лошади туда не поедет «в это болото бульбашей» [14, л. 149].

В это же время органы МВД и МГБ времени даром не теряли. В апреле 1948 г. ими были вскрыты подпольные националистические организации в Хотиславском и Збуражском сельсоветах (в последнем там оказалось несколько местных комсомольцев), «парализовали сектантскую деятельность, члены сект были зачастую наймитами иностранных разведок». Органы добились уменьшения уголовной преступности в районе на 70 % [4, л. 20]. Начальник милиции Шимчук докладывал в райком: «Все знают обстановку 1947 г., в которой пришлось работать. Район был крепко заражён бандгруппами и уголовно-преступным элементом. За 1947 г. преступного элемента привлечено 135 чел., из них арестовано 85..., изъято много оружия, гранат и даже 10 кг аммонала» [14, л. 19].

К слову сказать, находившиеся на острие войны с бандами и уголовниками работники МВД и МГБ, постоянно рисковавшие жизнью, многие из которых имели семьи, жили в очень сложных условиях, прямо скажем, не по степени своего напряжённого труда – из 88 оперативных работников только трое имели квартиры. Шесть офицеров квартир не имели вообще [14, л. 19].

Эхо войны с бандитизмом докатывалось и за пределы района. В октябре 1948 г. в райком пришёл запрос из воинской части 29969 на служившего там

жителя одного их хуторов в Хотиславском сельсовете. Его мать и сестра были арестованы как «связные бандеровцев», о чём ему сообщили. Командование части отмечало, что «он показал себя политически неустойчивым, неоднократно высказывал нездоровые настроения, за последнее время в связи с арестом его родных его качества ещё более усилились». Начальство интересовало, чем он занимался в период оккупации [16, л. 7].

В этой связи очевидно неуместным казалось мероприятие, которое было организовано по всей республике, но которое в таких районах, как Малоритский, выглядело по меньшей мере нелепо. В июле 1947 г. в Италии кто-то покусился на жизнь лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти (неудачно). И в районе «105 человек присоединили голоса протеста к мощному голосу человечества всего мира. Злодейское покушение призывает нас к величайшей бдительности и готовности дать сокрушительный отпор всем казням реакционеров... в борьбе за счастье человечества» [15, л. 4]. При всём сочувствии к лидеру итальянских коммунистов, следует отметить, что двумя неделями ранее здесь, не в Италии, в д. Отчин бандиты захватили инструктора райкома комсомола Якова Олесюка и увели в лес на расправу. Дальнейшая судьба человека оказалась неизвестной [20, с. 326].

В начале 1948 г. райком сетовал, что в д. Анноспаская нет комсомольской организации и что необходимо её создать [19, л. 11]. Это было сделано, и её возглавил, конечно, педагог – Софья Антоновна Чинная, молодая восемнадцатилетняя учительница этой деревни [20, с. 328]. В марте 1949 г. её короткую жизнь оборвёт пуля бандита, мешавшего нормальным людям жить, трудиться и делать свой район краше, лучше, чтобы их потомкам жилось в нём хорошо и надёжно.

Заключение

К концу 1940-х гг. бандитское движение в районе постепенно пошло на убыль. Решающее слово здесь сказала коллективизация. Централизация продовольствия под охраной государства лишила бандитов привычной поддержки индивидуальных хуторов. Кроме того, бандформирования понесли в борьбе с Советской властью невосполнимые серьёзные потери. Местное население устало от состояния нестабильности и массово переходило к поддержке власти, которая эту стабильность гарантировала. Зверства бандитов отвратили от них мирных людей, и постепенно в начале 1950-х гг. ситуация в районе окончательно вошла в мирное русло. Это позволило теперь без помех районным и областным властям заняться мирным обустройством не только Малоритчины, но и остальных районов западного Полесья.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Учреждение «Государственный архив Брестской области» (далее – ГАБО). – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 5.
4. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 14.
5. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 16.
6. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 17.
7. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 19.
8. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 21.

9. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 42.
10. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 44.
11. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 81.
12. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 82.
13. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 83.
14. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 111.
15. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 118.
16. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 139.
17. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 182.
18. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 183.
19. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 217.

20. *Кез И. В., Мороз В. В.* Сквозь годы и грозы XX века / *И. В. Кез, В. В. Мороз.* – Брест : «Альтернатива», 2014.

Burik E. A., Bodak A. Y. *The political situation in the Maloritskiy district in the first years after the liberation of the district from the NAZI*

The political situation in the Fiery Belarus in the first post-war years was difficult. There was a re-Sovietization of the region, which the Soviet government did not have time to complete in the pre-war years. Here the authorities met the stubborn resistance of their opponents, and an undeclared war was going on here for several years. The government won this war.

This article discusses various aspects of solving the issues of Sovietization and the problems that the Soviet government had to face in the region, as well as overcoming them.

УДК 94(476)

Бурик Е. А., Бодак А. Ю.

**РАЗВИТИЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ
МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Развитие региональных печатных средств массовой информации всегда являлось предметом самого пристального внимания со стороны государства. Они позволяют в наиболее доступной для местного населения форме донести до читателя основные направления политики власти и освещать наиболее интересные для него стороны жизни конкретного региона.

В данной статье рассматривается история становления региональной прессы в Западном Полесье в послевоенные годы в рамках второй советизации региона на примере типичного в этом смысле издания – районной газеты Малоритского района.

Ключевые слова: редакция, типография, корреспондент, статья, цензура.

Введение

В эпоху, когда электронные средства массовой информации отсутствовали, основным источником получения сведений о политике, экономике, культуре окружающего мира являлись печатные издания. Они были доступны по карману любому желающему и выходили регулярно. Оценки происходящего, которые они содержали, решающим образом влияли на миропонимание их читателя, и не зря СМИ получили название «четвёртая власть». Серьёзные политики

придавали огромное значение своим взаимоотношениям с прессой, которая могла поднять или опустить их рейтинг, объяснить и поддержать их политику или создать негативный фон их деятельности. Наиболее серьёзные из них особо выделяли в этом смысле региональные СМИ – наиболее доступный для местного населения, которое является демографическим большинством. Это – медиаресурс, который начинал формировать мировоззрение простого человека, труженика и потенциального избирателя, от самых азов его жизни. Советская власть стала уделять местной прессе внимание буквально со своих первых шагов, и в процессе советизации западных областей Беларуси приступила в числе прочих многочисленных мероприятий к созданию районных газет – они стали рупором политики государства с одной стороны, и наиболее полно освещали различные аспекты местной жизни, интересной для живущих здесь людей, с другой стороны.

В данной статье речь пойдет о создании районной газеты в Малоритском районе Брестской области как типичного местного печатного издания, прошедшего непростой путь от малоформатного издания до заслуженно уважаемого современного средства массовой информации.

Создание и развитие районной газеты Малоритского района

Собственной газеты в первое послевоенное время Малоритский район не имел, хотя об этом говорилось ещё в начале осени 1944 г. 10 сентября 1944 г. было утверждено название будущей газеты – «Знамя Победы» и планировалось назначить редактором работника райкома Беляева (он станет заведующим отделом агитации и пропаганды райкома партии и по совместительству райлитом – главным цензором района) [3, л. 8]. Однако дальше пожеланий тогда дело не пошло. При этом информация о происходящих событиях в районе интересовала центральную прессу. Так, 16 февраля 1945 г. ответственный редактор республиканской газеты «Звезда» В. Самутин обратился в райком (как, видимо, и в остальные подобные райкомы) с предложением: «В связи с решением ЦК ВКПб по усилению работы в западных областях в вашем районе необходимо иметь внештатного постоянного корреспондента для широкого и систематического освещения на страницах нашей газеты всех вопросов жизни и труда района. Следует подобрать имеющего желание и наклонности корреспондировать» [5, л. 16].

Свое участие в работе республиканской прессы отметил и секретарь райкома Подоляк – 3 февраля 1945 г. газета «Звезда» включила в свой план его статью «Партийно-массовая работа – важнейшее условие выполнения хозяйственно-политических задач» [4, л. 3]. Оставим за кадром пафосный заголовок статьи. Тут идёт речь о том, что секретарей райкомов в БССР было, мягко скажем, достаточно много, но чести быть опубликованным в главной газете республики удостоился именно руководитель этого, не самого крупного, не самого экономически мощного, но, видимо, чем-то привлекательного района. А ведь требования к авторам партийной прессы были тогда серьёзными.

5 мая 1945 г. в районе впервые прошло празднование Дня большевистской печати. Заведующие избами-читальнями и редакторы стенгазет (тогда стенгазета имела большой общественный резонанс) должны были провести праздничные мероприятия во всех населённых пунктах [2, л. 66].

Наконец, оказался решен и назревший давно вопрос о собственной «районке». 2 августа 1945 г., в четверг, вышел первый номер районной газеты «Знамя Победы». Ответственным редактором был Кузьма Васильевич Панов (1901 года рождения, русский, со средним образованием и состоявшим в партии с 1937 г.) [2, л. 93]. Его утвердили 26 июня 1945 г. Поначалу типографские возможности первенца районной печати были скромными – он вышел в формате А4 при цене в 15 копеек. Понятно, что сельское хозяйство стало основным предметом внимания «районки» – её первая статья называлась «Уборка урожая – важнейшая хозяйственно-политическая задача». Вторым материалом стало обращение участников районного собрания крестьян Малоритского района ко всем крестьянам. Последняя статья «Этого мы не забудем» содержала подпись первого автора газеты – С. И. Покрепо [14].

Четвёртый номер за 17 сентября 1945 г. уже увеличился до формата А3. Секретарь райкома С. Подуто поместил статью о необходимости своевременной хлебосдачи. Назрела необходимость и в расширении штатного состава газеты – появилось объявление о том, что ей требуются ученики-наборщики и счетовод-машинистка [15].

Количество материалов о районной жизни постоянно возрастало, газета пользовалась спросом, и седьмой номер за 15 октября 1945 г. вышел уже в обычном современном формате. Примечательно то, что газета стала размещать материалы не только о жизни района (статья, посвящённая подготовке к выборам в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. и информация об идущем строительстве клуба в Луковском сельсовете на 250–300 мест), но и статьи о событиях за рубежом и полезные познавательные сведения. Местным жителям удобнее было узнавать новости об окружающем мире вместе с местными новостями из собственной газеты, а не тратиться на другие издания. Читатели в этом номере ознакомились со статьей кандидата физико-математических наук Н. Парийского «Возраст и происхождение Земли» и могли посмотреть фотографии восстановления ДнепроГЭСа и советской военно-морской базы в Китае – Порт-Артур [16].

Приходилось и критиковать своих коллег за проявленную нерасторопность – отделение «Союзпечати», которое возглавлял завотделом печати райкома Тарахно, получило выговор за то, что газета «Советский сельянин» распространялась только на 50 % и то, что отделение недополучало центральные газеты. Письмоносцы не агитировали людей за подписку не прессу, хотя это им вменялось в обязанности [17].

Газету старались привлекать к освещению всех значимых событий района – буквально на каждом заседании райкома при обсуждении всевозможных районных мероприятий, следовало распоряжение райгазете осветить то или иное событие. Сельсоветам было велено регулярно доставлять материалы в газету о произошедших там событиях. Об этом постоянно напоминал редактор газеты на совещаниях предсельсоветов и сетовал, что коммунисты «мало нам пишут» [1, л. 46].

У первого редактора газеты отношения с районным начальством на этом поприще не заладились. В январе 1946 г. он отказался от ночного дежурства в райкоме партии (тогда ночное дежурство в органах власти было обязательным для их работников, учитывая распорядок работы учреждений того времени

и привычку главного лица страны прекращать работу глубокой ночью). К. В. Панов заявил, что он по должности приравнивается к секретарям райкома, а те от дежурств были освобождены. Ему тут же намекнули на недисциплинированность, пассивность в партийной и общественной жизни района и на то, что он не выезжает в сельсоветы. В следствии этого было сделано заключение, что газета неполно освещала жизнь района. Ко всему прочему ему вменили в вину, что газета выпускается с орфографическими ошибками и то, что «он просто не хочет работать в районе». В итоге редактор признал свои ошибки и стал исправно дежурить ночью [7, л. 9].

В феврале 1946 г. в редакции появился секретарь – Валентин Иванович Васильев (1922 г. р., русский со средним образованием и комсомолец с 1937 г.) [7, л. 21]. Критика руководителя газеты продолжалась. В апреле 1946 г. райком отмечал, что газета слабо отражает жизнь района. При этом большинство номеров было заполнено материалами ТАСС (тогдашнего главного рупора пропаганды в СССР), недостаточно актуальными для жителей района. Газета не имела корреспондентов на периферии, что отражалось на отсутствии информации о тамошней жизни. Говорили, что газета выходит беспланово, нерегулярно. Опять редактору вменялись в вину «грубые» грамматические ошибки, неоказание помощи стенным газетам и боевым листкам, неукомплектованность штата и плохая работа по распространению газеты – из тиража в 1000 экземпляров по подписке распространяли только 400. В качестве средства улучшения работы сотрудникам газеты было рекомендовано «не отсиживаться по кабинетам и получать информацию по телефону». Райком пообещал помочь кадрами и шрифтами [7, л. 58].

В июле 1946 г. редакцию газеты опять раскритиковали на районном партийном собрании. Выступающие говорили, что с момента выхода газеты 2 августа 1945 г. вышло 47 номеров, в которых содержалось 323 статьи и заметки. Из них партийной и комсомольской жизни района было посвящено только 25, 10 статей затронули агрономические и 8 – медицинские темы. Правда, говорилось и о том, что работники районных структур сами должны размещать свои статьи в газете [6, л. 72].

Редактор газеты при поддержке заведующего оргинструктрским отделом райкома Сукова всё-таки решил ответить. Он заявил, что обещанные шрифты редакция в полном объёме тогда так и не получила, особенно пробельные знаки. Полиграфическая база не позволяла выпускать газету 8 раз в месяц. Обком не помогал, а «полиграфтрест – пустое место». Редактор жаловался, что его постоянно дёргали и замучили указаниями: «Когда я приехал в район, газетой никто не интересовался, ...в феврале мне приказали закрыть редакцию и идти в деревню агитатором, и газета не выходила. В июле Петрунин (второй секретарь райкома – авт.) дал печатать извещения, а газету в сторону» [6, л. 44]. Тогда же он вместе с Суковым пожаловался на главного цензора района (райлит) Беляева, который ограничивал публикацию критических материалов из-за того, что «район – пограничный», «нас сдерживает, вычёркивает целые места, меняет заголовки и снимает с полосы заметки» [6, л. 28, 30].

Буквально через 10 дней райком опять вернулся к газетной теме. Панов и Суков опять критиковали Беляева за зажим критики и вымарывание критических

материалов из вёрстки [8, л. 6]. Плохая работа облполиграфтреста, похоже становилась проходной темой [8, л. 8].

Второй секретарь райкома в августе 1946 г. решил, видимо, отомстить К. Панову за упоминание его имени, и дал на него характеристику в райвоенкомат (тогда каждый работник номенклатуры был должен иметь свою характеристику в этом учреждении). Её он в райкоме не обсудил, понимая, что такая характеристика может поставить крест на дальнейшей карьере редактора. Там говорилось об идеологической неводержанности редактора, о его поведении на заседаниях райкома, о поведении его жены, не выехавшей в один из сельсоветов по выполнению плана хлебопоставок. Далее он затронул его поведение в займовой кампании в д. Никольское, возмущение на базаре недостатками в снабжении хлебом и отказ Петрунину печатать извещение в виде обращения по молокопоставкам для молокосдатчиков. Райком защитил редактора газеты, отметив, что такая характеристика может сопровождаться только снятием с работы, особенно тезис об «идеологической невыдержанности» [7, л. 161].

Одновременно К.В. Панова опять критиковали за недостаточное освещение жизни в районе, отсутствие критических статей, но при этом сами же обязали к 17 сентября выпустить специальный номер газеты, посвященный Воссоединению БССР, состоящий из материалов общего плана, не затрагивавших жизнь района [2, л. 168].

Видимо (это не прослеживается в документах – авт.), «зажимавших» работу редакции ответственных работников на время самих осадили, и это сразу отразилось на содержании газеты. Громкий материал «Хабар» об одном из руководителей хозяйственных органов района был признан обоснованным [7, с. 169]. Кстати, фигурант статьи, вскоре получил свою «статью» – в соответствии с УК БССР.

Но наибольший резонанс вызвал газетный № 58(73) от 15 ноября 1946 г. Практически весь номер представлял одну большую критику недостатков в работе различных учреждений. С точки зрения нынешних взглядов на то, как может выглядеть вполне умеренным, но необходимо сделать скидку на тогдашнее время. На второй день после выхода газеты райком собрался слушать доклад цензора района «О допущении политической ошибки и допущенного хулиганства в газете «Знамя победы» {...} редактором газеты Пановым К. В.». Ошибка была признана «грубейшей» (по тогдашней казуистике это могло стоить обвиненному в ней головы), причиной появления такого выпуска стало «несерьёзное и непартийное отношение к большевистской печати». Цензор обвинял редактора, что газета неоднократно выходила без его визы (это по тогдашним правилам, сомнительно – авт.). Автор получил строгий выговор по партийной линии и был снят с работы, хотя несколько последующих номеров выходило под его подписью [7, л. 220].

Надо сказать, что первые лица районной власти решили тогда судьбу редактора по тем меркам по-человечески. Обычно с такими формулировками постановлений партийных органов фигурант критики мог быть арестован. Здесь же отношение к людям определялось пониманием их ценности в сложном регионе в условиях острого кадрового голода. Поэтому в начале декабря 1946 г. райком учёл начавшуюся у редактора «болезнь глаз» и перевёл его на хозяйственную

работу руководителем Райпотребсоюза [7, л. 220]. В марте 1948 г. Кузьма Васильевич Панов выехал из района на другую работу [11, л. 85]. Сняли с работы вообще-то за бездеятельность [11, л. 5], что не вполне подтверждается соответствующими документами.

Тем не менее, это был человек, стоявший у истоков газеты, создавший её. Просто он оказался между Сциллой и Харибдой тогдашней политики в отношении печати, необходимостью критиковать, но как бы и не критиковать, освещать местные события и как бы не забыть мировые тенденции на четырёх страницах маленькой газеты. Мало кто мог пройти через это испытание.

Новым редактором газеты 6 декабря 1946 г. стал Михаил Михайлович Солин (1918 г.р., коммунист с 1945 г.), ранее работавший в районных хозяйственных органах [7, л. 228].

Он стал очередным объектом постоянной критики для соответствующих должностных лиц. В феврале 1947 г. газету сначала укоряли за то, что она даёт мало информации о районной жизни и увлекается обзором глобальных событий, а потом на её критиковали за то, что она увлеклась подробной биографией кандидатов на очередные выборы, а освещение событий в целом по стране и мировых перспективах упустила [9, л. 35].

В марте 1948 г. М. М. Солина уже опять критиковали за то, что газета не освещает жизнь района, а заполняется «случайными материалами ТАСС». С января по март 1947 г. было размещено только 4 заметки о партийной жизни. Опять не было критики недостатков в районе (по-видимому, судьба прежнего редактора и сохранение на посту районного цензора не брались в расчёт). Опять были усмотрены «орфографические, стилистические и политические ошибки», а также, то, что за 1 квартал 1947 г. вместо 24 номеров вышло 20 [9, л. 65].

В июле 1947 г. неутомимый цензор опять добился рассмотрения М. М. Солина за то, что в номере газеты 42(127) от 26 июля 1947 г. в статье «Примерный солдат» был опубликован номер полевой почты части, в которой служил герой статьи, уроженец района. Это оказалось грубым нарушением «Перечня» и 5 пункта по цензуре № 2 от 16 августа 1946 г. [9, л. 145]. Правда, это обстоятельство ударило и по заявителю, допустившему эту ситуацию, ему порекомендовали «учиться».

В конце того же месяца редактора опять подвергли критике за статью от 31 июля «Задачи политической агитации в деревне», которая гласила: «Партийные, комсомольские организации, избы-читальни, сельские агитаторы своей повседневной политической работой с каждым крестьянином и крестьянкой должны добиваться того, чтобы сразу после уборки зерновых крестьяне приступили к полному расчёту с государством по хлебу, не допускать ни одного дня рассрочки». «Крамола» здесь заключается в том, что газета ориентирует на заготовки ПОСЛЕ уборки, хотя «Пленум ЦК КП(б)Б заявил ежедневно привлекать к сдаче не позже как на пятый день после начала уборки приступить к обмолоту и сдаче хлеба государству» [9, л. 153]. После такой критики редактор запил, что стало причиной выговора и административного предупреждения [9, л. 240].

Причина этого была понятна – в декабре 1947 г. на него опять посыпались обвинения в перепечатывании материалов из центральных газет, отсутствии

острых критических материалов (за что обычно как раз наказывали – авт.) и допущении «идеологически невыдержанных материалов» (а это – на усмотрение цензора – авт.). Редактор критиковался за нетребовательность к подчинённому ему секретарю Васильеву, за отсутствие сельских корреспондентов (селькоров, которые должны были поставлять информацию о жизни в своих населённых пунктах) [9, л. 244].

В феврале 1948 г. на районном партийном собрании в ответ на критику в свой адрес редактор решил оправдаться: «Селькоровский актив – 48 человек, но работы с ними недостаточно. Мы два раза пытались их собрать – не явился никто. Меня на райкоме заслушивают тогда, когда есть ошибки в газете. Отдельные руководители недооценивают газету – министерство заготовок, районо не находят нужным отвечать на письма селькоров или делают это с опозданием. Меня как молодого работника печати ни разу не вызвали поговорить, Садовский (секретарь по кадрам) ни разу со мной не беседовал» [10, л. 2–3]. В июне 1948 г. редактора газеты должны были послать на практику в солидную республиканскую газету «Советская Белоруссия», не получилось.

Качество газеты напрямую зависело от оперативности и насыщенности материала, который должны были регулярно поставлять в редакцию сельские корреспонденты. Селькоров в райцентр было трудно вызывать по разным причинам, и редактор их стал «приманивать», устраивая для них неплохое угощение по случаю прибытия в редакцию. Кто-то по этому поводу написал донос, и не куда-нибудь, а в саму газету «Правда» – главную газету СССР – в августе 1948 г.

Нужно представить себе этот месяц в освещении его событий главного рупора правящей партии. Тогда основными темами обсуждения и внимания огромной страны являлись следующие: разгар ссоры с Югославией и объявление её несоциалистической страной под руководством «фашистской своры маршала Тито», продолжение ожесточённой гражданской войны в Китае между коммунистами и Гоминданом, то же самое между коммунистами и монархистами в Греции, из номера в номер – бесконечное выступление А. Я. Вышинского на конференции дунайских стран, разгром демократической оппозиции коммунистам в Чехословакии, первый Берлинский кризис и грандиозная паника вокруг него, 2/3 содержания каждого номера – стенограмма сессии Академии сельскохозяйственных наук, на которой была разгромлена генетика, всей страной хоронят главного идеолога СССР А. Жданова и маршала Рыбалко... А здесь – Малорита. Письмо из «Правды» оказалось посвящено главреду районной газеты.

Рассмотрение его дела было молниеносным. Ему приписали 2000 руб. на встречи селькоров и гонорары им, подделывание подписей на платёжных документах. В постановлении было отмечено, что он покаялся, решили не исключать из партии, объявить традиционный строгий выговор и внести недостачу в кассу. Реакция районного руководства была достаточно мягкой. Но редактор покончил жизнь самоубийством.

Трагическая ситуация превратилась в своеобразный памятник бюрократического отношения к происходящему. Согласно документам, М. Солин покончил с собой 7 сентября 1948 г. [13, л. 25]. В тот же день 7 сентября его обязали

подробнее освещать работу по марксистско-ленинскому образованию коммунистов [12, л. 74]. 6 октября ему рекомендуют размещать на страницах газеты ход подготовки к празднованию 30-летия создания комсомола [12, л. 106]. В конце октября 1948 г. редактора райгазеты М. Солина заслушивают на райкоме и отмечают, что «Газета улучшила свою работу, нередко печатает материалы о жизни коммунистов и женсоветов», обязывают его привлекать к работе в газете интеллигенцию района, а также похвалили за то, что 53 селькора прислали 56 корреспонденций, обязали райисполком своевременно реагировать на газетные статьи [12, л. 136–137]. 16 октября 1948 г. секретарь газеты Васильев В. И. был принят в партию. Рекомендовал его на собрании редактор газеты М. Солин (так в документе) [12, л. 112], уже более месяца, как покойный.

В декабре 1948 г. и.о. редактора газеты Васильев, человек в прошлом военный и знающий преимущества предварительной артподготовки, начал работу по-боевому – сразу упредил возможность критики себя наступлением. Он показал, что у газеты нет обратной связи – по критическим статьям редакция не получила ни одного ответа, особенно по делам с укрывательством от налогообложения земли и культпросветотделу. Досталось и председателю райисполкома Слободченкову: «Называет газету клочком бумаги. Тогда зачем её выпускать? А райисполком сам не дал ответа по трём статьям. Райпотребсоюз – по шести статьям... потекают ворам и расхитителям». Далее досталось району, лес-промхозу, прокурору, почте и уполномоченным по заготовкам. Упредив возможную критику, новый руководитель газеты добил возможных критиков: «Вопреки указаниям Ленина, что газета – общее дело, её выпускает один редактор, и пишут в неё только Криничный, Пашинский и Круглик (инструкторы райкома, низовые работники, это укол в адрес более крупных и ничего не пишущих критиканов газеты)» [10, д. 143–144].

Надо сказать, что с приходом Васильева отношение к газете стало разительно меняться. Она приобрела второе дыхание и потребовала к себе должное внимание. Трудно сказать, что здесь возымело действие. Руководство района было очень умным и обучающимся на жизненных примерах. Может, добавило авторитета газете и боевое прошлое нового 26-летнего руководителя: июнь 1941 г. – январь 1942 г. – курсант Ленинградского авиатехнического училища, январь – май 1942 г. – механик авиавооружения запасного авиаполка, май 1942 г. – январь 1944 г. – механик авиавооружения 4 Украинского фронта, январь – апрель 1944 г. – в госпитале в Батуми на излечении, июнь – сентябрь 1944 г. – Ленинградский фронт, сентябрь – октябрь 1944 г. – госпиталь в Ленинграде, октябрь 1944 г. – декабрь 1945 г. – авиаремонтные мастерские в Севастополе, с января 1946 г. – демобилизован [12, л. 106].

Заключение

Так был налажен ещё один механизм разносторонней работы в районе, продолжающий действовать и сейчас. Районная газета развивалась, журналистский коллектив оттачивал своё мастерство. Сейчас выходящее под названием «Голос часу» издание является одним из самых читаемых и авторитетных в регионе Полесья. История его становления отражает общие для большинства СМИ процессы, когда местное население, наконец, получило собственный медиаресурс благодаря вниманию государства к культурным потребностям простого человека.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Учреждение «Государственный Архив Брестской области» (далее ГАБО). – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 16.
2. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 17.
3. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 18.
4. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 27.
5. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 34.
6. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 41.
7. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 42.
8. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 52.
9. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 82.
10. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 111.
11. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 112.
12. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 113.
13. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 122.
14. «Знамя Победы», № 1, чт., 2 августа 1945 г.
15. «Знамя Победы», № 4, пн., 17 сентября 1945 г.
16. «Знамя Победы», № 7, пн., 15 октября 1945 г.
17. «Знамя Победы», № 12, ср., 5 декабря 1945 г.

Bodak A. Y., Burik E. A. *Development of print media in the first post-war years (on the example of the district newspaper of the Maloritsky district of the Brest region)*

The development of regional print media has always been the subject of the closest attention from the State. They make it possible to convey to the reader the main directions of government policy in the most accessible form for the local population and to highlight the most interesting aspects of the life of a particular region for him.

This article examines the history of the formation of the regional press in Western Polesie in the post-war years within the framework of the second Sovietization of the region by the example of a typical publication in this sense - the district newspaper of the Maloritsky district.

Keywords: *editorial office, printing house, correspondent, article, censorship.*

УДК 947.6 «1863/1864»

Карнович О. В.

ПОВСТАНЧЕСКИЙ ТЕРРОР В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ЛИТВЕ В 1863 ГОДУ

В данном материале сделана попытка расширить географические рамки восстания 1863 года и выйдя за пределы современной Беларуси, показать реальные факты насилия, грабежей, убийств, совершённых карателями из числа так называемых жандармов-вешателей в отношении мирного населения в различных регионах бывшего Королевства (Царства) Польского и современной Литвы. Как показано далее в материале, повстанческие отряды устроили настоящий террор против мирных жителей. К сожалению, ряд современных исследователей обходят стороной эту неприглядную сторону восстания, пытаются скрыть очевидные факты и искажая политику официальных властей. Между тем, замалчивание, отрицание, либо попытка оправдать данные преступления, является недопустимым для профессиональных исследователей.

Введение

Отечественная историография за последнее время сделала значительный рывок в изучении проблематики восстания 1863 года на территории современной Беларуси. С 2013 года по настоящий период появился ряд качественных

исследований по событиям восстания, защищены кандидатские диссертации, опубликованы работы, посвящённые восстанию в различных регионах Беларуси¹. Однако, почти все вышеназванные труды направлены, в основном, на возвышение роли повстанцев, при этом всячески дискредитируется и искажается политика официальных властей, направленная на защиту мирного населения, замалчиваются многочисленные факты насилия и убийств мирных жителей. Такая однобокая и выборочная подача фактов не совсем достойна уровня профессиональных историков.

Между тем, имеется и ряд работ, в которых исследуются факты террора повстанцев по отношению к мирным жителям, чья вина была лишь только в том, что они оставались верными законному правительству². Но, как правило, эти труды ограничиваются рамками территории современной Беларуси и не затрагивают остальные регионы со значительно большим размахом повстанческого движения. В данном исследовании на основе ряда редких источников приведены многочисленные свидетельства насилия повстанцев по отношению к мирному населению на землях Королевства (Царства) Польского и этнической Литвы (литовские уезды Виленской и Ковенской губерний).

Основная часть

Как известно, на территории современной Беларуси за конкретные преступления было казнено 56 участников восстания³. Следовательно, на остальные регионы бывшего Северо-Западного края приходится 72 казнённых участника восстания. Рассмотрение причин казней повстанцев не входит в задачу данного исследования, поэтому ограничимся фактами террора так называемых жандармов-вешателей в отношении мирного населения на территории этнической Польши и Литвы. Необходимо сразу отметить, что точное число убитых повстанцами мирных граждан назвать крайне проблематично. Издание «Московские ведомости» по данным на 19 сентября 1863 года количество только повешенных определило в 750 человек. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии за весь 1863 год называет цифру в 924 человека,

¹ См.: *Быхаўцаў М.* Паўстанне 1863–1864 гадоў у Ваўкавыскім павеце. – Гродна, 2014 ; *Буднік, І.Ф.* Да падзеяў 1863–64 гадоў на Гарадзеншчыне. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013; *Хаценчык, З., Канецкі Дз.* Падзеі паўстання 1863 года на Вілейшчыне. – Мінск : Кнігазбор, 2013; *Якубенец-Чаркоўска, Я.* Паўстанне 1863 года ў Свянцянскім павеце. – Паставы : Сумежжа, 2013 (пер. з пол. выдання 1934 г.); *Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага.* Выпуск 3. 1863 год : Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Укладальнік і рэдактар *А.Е. Тарас.* – Рыга : выданне ІБГіК, 2014 ; Паўстанне 1863 г. на Лідчыне : за нашу і вашу свабоду / *Леанід Лаўрэш* // Лідскі летапісец : кразнаўчы, гістарычна-літаратурны часопіс / — 2013. – № 2;

² См.: *Бендин, А. Ю.* Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник РУДН. Серия : История России. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 357–387; *Носко, М.* Репрессии повстанцев 1863–1864 гг. в Гродненской губернии // Навукова-практычная канферэнцыя «Заходнебеларускі рэгіён ў паўстанні 1863–1864 гг.» : зборнік дакладаў, 12–13 красавіка 2013 г. – Брэст : БрДТУ, 2013. – С. 51–57; *Щеглов Г.,* диакон. Жертвы польского восстания / *Г. Щеглов* // Русский Сборник : исследования по истории России / ред.-сост. *О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти.* Том XV. – М. : Модест Колеров, 2013. – С. 224–247; *Каркотко А.Ю.* Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Ч. 1; Ч. 2 // Известия Лаборатории древних цивилизаций. – 2019. – Т. 15 (1) ; Т. 15 (3) ; *Карпович, О.В.* Участие католического духовенства в карательных акциях против мирного населения в период восстания 1863–1864 годов // Учёные записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Выпуск 1 / Под ред. *М.В. Стрельца, Т.В. Лисовской.* – Брест : Издательство БрГТУ, 2019. – С. 34–40.

³ См.: *Карпович, О. В.* Репрессии в отношении участников восстания 1863–1864 гг. : правда и вымыслы / *О. В. Карпович* // Вестник Брестского государственного технического университета. – Серия гуманитарные науки. – 2011 – № 6 (76) – С. 33–37.

подвергшихся мучительной смерти (повешение, убийство холодным оружием, истязания, пытки и т.д.). Виленский генерал-губернатор граф М.Н. Муравьев определил число жертв повстанческого террора в 500 человек, только на территории его юрисдикции [7, с. 200].

Как писал позднее в своих воспоминаниях военный министр Д.А. Милютин, «для приведения в исполнение приговоров кровожадного трибунала учреждена была декретом жонда 10 мая так называемая «народовая стража», или жандармерия, получившая потом более приличные ей прозвища «кинжальщиков» или «жандармов-вешателей». Стража народная была составлена из самых отчаянных головорезов, почти исключительно из низшего слоя: мастеровых, рабочих, бездомных бродяг, которые за ничтожную плату (по 50 коп. в день) давали клятву беспрекословно исполнять все приказания своих вожаков. Ксендзы приводили их к присяге, окропляли святой водой кинжалы и внушали, что убийство с патриотической целью не только не грешно перед Богом, но есть даже великая заслуга, святое дело. Главное начальство над этой шайкой извергов принял на себя некто Левандовский, отличавшийся своими звериными наклонностями. С учреждением этой гнусной шайки начались беспрестанные убийства по всему краю. «Кинжальщики» или «жандармы – вешатели» бродили небольшими группами, иногда рыскали верхом и совершали повсюду злодейства. Войска наши, гоняясь за шайками, находили в лесах людей повешенными, замученных, изувеченных. Несчастные жертвы повергались мучительной смерти не только по подозрению в шпионстве, в сочувствии русским, но даже за простое ослушание приказаний агентов Жонда или вожаков шаек, за одно замедление в удовлетворении их требований, за отказ идти «до лесу», т.е. в шайку. Если несчастному удавалось скрыться от убийц, то он подвергал мучениям и смерти всю семью свою. Нередко находили повешенными на дереве мать с детьми. Были и такие изверги, которые систематически вешали или убивали в каждой деревне известное число крестьян без всякой личной вины, только для внушения страха остальным» [1, с. 199].

Первые списки жертв повстанцев в различных регионах Царства Польского стали появляться ещё зимой 1863 года, задолго до издания вышеназванного декрета 10 мая об учреждении «народной стражи» для выполнения смертных приговоров «врагам революции».

И если, выражаясь современными терминами, люмпенов нанимали на кровавую работу за ничтожную плату, то были и вполне состоятельные лица, выполнявшие поручения своих начальников с энтузиазмом и фанатизмом. При этом, «каждый жандарм-вешатель был глубоко религиозен, что, однако, не мешало ему беспощадно вешать и резать себе подобных людей» [17, с. 422]. Но именно эти, фанатично религиозные люди и совершали самые жестокие убийства. Как вспоминал очевидец тех событий, «поляку, воспитанному в иезуитской школе, ничего не значило содрать кожу с живого человека, даже брата поляка, вонзить кинжал в сердце мирного гражданина, отца семейства, или отравить его ядом. Ксёндзу, служителю алтаря Господня, проповедующему с кафедры о человеколюбивом учении Христа, ничего не значило самому убить какую-нибудь беспомощную женщину в глазах её детей, повесить беззащитного старца или отравить не внемлящего их богопротивному учению» [2, с. 14].

И зачастую католические священнослужители становились главными участниками преступлений⁴.

Бывший повстанец отряда Флориана Стасюкевича, действовавшего в Брестском уезде Гродненской губернии и Царстве Польском, Юлиан Ягмин писал об одном подобном палаче. Некий Белецкий, сын помещика Бяльского уезда Люблинской губернии, «иначе не ходил с шайкой, как только обвешенный петлями, совсем готовыми, чтобы набросить на избранную жертву. Тогда он прикреплял её к чему-нибудь, тянул вверх, так что жертва невольно подымалась с верёвкой, а другие дёргали за ноги с разного рода островами. Жизнь этого зверя кончилась тем, что он, опершись головой о дуло своего ружья, по неосторожности прострелил себе голову» [17, т. 50, с. 93].

Жандармы-вешатели убивали всех без разбора, не взирая на религиозную или социальную принадлежность. Карателям было не важно: поляк ты или русский (белорус, малорос), католик, православный или иудей. Нередко убийства совершались с особой жестокостью: «вырезали на груди кожу в виде кровавых отворот, или в виде сердца; вешали за ноги вниз головой, пока несчастный не исходил кровью» [3, с. 335]. Если несчастному удавалось скрыться от убийц, то каратели подвергали мучительной смерти всю его семью. Тогда нередко находили повешенными на дереве матерей с детьми. Были и такие изверги, как, например, Чарнецкий или Бонча, которые систематически вешали или убивали в каждой деревне известное число крестьян без всякой их вины, только для внушения страха остальным [4, с. 370–371]. По приблизительным подсчётам, только в течение одного 1863 года в Царстве Польском палачи из «народной жандармерии» убивали в среднем 17 человек в день [10, с. 68]. По подсчётам автора этого материала, основанного на польском источнике, в период с 1863 по 1865 гг. на территории Царства Польского по приговорам суда было казнено 192 так называемых жандарма-вешателя, что в несколько раз меньше числа их жертв [18, s. 104–134].

Ниже приведём далеко не полный список жертв повстанческого террора в Царстве Польском, а также литовских уездах Виленской и Ковенской губерний только за первую половину 1863 года.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

Варшавская губерния. 11 января 1863 года в дер. Санники *Гостынского уезда* ксёндз Стефан Скупинский и его подручный Юзеф Стржижковский убили крестьянку, прятавшую мужа от повстанцев. Через два дня наступило возмездие: толпа в 200 человек буквально растерзала «служителя Господа» при его возвращении в деревню. В дер. Карен были повешены лесники Бонавентура Павловский и Ян Гловацкий.

4 марта близ дер. Ходеча *Влоцлавского уезда* был повешен мясник Андрей Венланд. 10 марта в трактире дер. Болна были убиты его хозяин Козаковский вместе с супругой.

В *Пултусском уезде* близ дер. Бобил найден труп неизвестного человека, «убитого и ужасно изуродованного». В этом же уезде «инсургент Антон

⁴ См.: Карпович, О.В. Участие католического духовенства в карательных акциях против мирного населения в период восстания 1863–1864 годов / О.В. Карпович // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Выпуск 1 / Под ред. М. В. Стрельца, Т. В. Лисовской. – Брест : Издательство БрГТУ, 2019. – С. 34–40.

Залеский перерезал горло бритвой» отставному солдату Добрусу. Чуть позже там же нашли повешенным Йоселя Высоцкого.

Близ *Лодзи одноимённого уезда* с колониста Генриха Дерера изверги «сняли с живого кожу, перебили все члены», затем повесили. В лесу близ мест. Осташки был повешен Клементий Бернев. Крестьянина дер. Ставчины «инсургенты ... начали осыпать камнями, чтобы продлить его предсмертные мучения». Позднее они увели в лес колониста и его жену, «повесили мужа в присутствии жены, затем повесили её, распоров живот, чтобы умертвить дитя, которым она была беременна».

В *Варшавском уезде* недалеко от дер. Гродзинск был повешен отставной солдат Матвей Меньковский. В дер. Брашки та же участь постигла каменщика Шмидта. Крестьянин Фердинанд Сегер был заколот кольями в дер. Шопы. Недалеко от дер. Нарка был найден повешенным местный житель Ян Обремский, а в дер. Завады убит Ян Облонский. 20 апреля был повешен земледелец Иван Резник. Недалеко от дер. Казитул повесили Михаила Скаврона. В этом же уезде нашли повешенным крестьянина Мартина Квятковского.

Ленчицкий уезд пополнил список жертв террора повстанцев ещё на несколько человек. В дер. Пржедск (?) были найдены повешенными две крестьянки. В дер. Странсураш таким же образом умерщвлён чиновник Котов. Недалеко от Варшавы аналогично закончил свою жизнь лесник Фридрих Вакцинс.

В *Калишском уезде* были повешены Август Вендглаефт и крестьянин Казимир Малка.

23 февраля в *Равском уезде* повешена жена лесного стражника Пнотека [5, с. 162–167; 6, с. 54–57; 15, с. 234–245].

В двух верстах от мест. Ченстохово, в собственном имении Загурье в начале апреля 1863 года был повешен один из богатейших помещиков Леманский за отказ помогать повстанцам [15, с. 242].

В самой Варшаве была образована особая банда, «называемая чёрным архибратством. Они делали своё дело, не стесняясь ничем и поражали намеченные жондом жертвы даже среди белого дня» [10, с. 68]. Разгул бандитизма «жандармов» в столице Царства Польского был невиданным, да и начальник местной полиции ему способствовал. В шестом номере журнала «Русский архив» за 1886 год был опубликован очерк неизвестного автора, касающийся повстанческого террора в Варшаве в период 1863–1864 годов. По ряду признаков, имевшихся в очерке, удалось установить автора данной публикации. Им был старший адъютант штаба 1-й армии майор В.А. фон Роткирх⁵. Только по данным, имевшимся в распоряжении этого офицера, в Варшаве жертвами так называемых кинжальщиков стали 18 офицеров и нижних чинов армии и полиции, чиновников и священнослужителей. Ещё 12 человек были ранены и только случайность спасла их от гибели [16, с. 267–284]. В число раненых попал и сам майор Василий Роткирх. Причём, во многих случаях убийства совершались с особой жестокостью. Следующий абзац лучше пропустить людям со слабым сердцем, но для примера привести нужно.

В июне 1863 года банда кинжальщиков ворвалась в квартиру чиновника Вихерта и убила его самого, сестру, служанку и собаку. Это преступление

⁵ См.: Московские ведомости – 1864 – № 63. – С. 1–2; Список майорам по старшинству. – С.-Петербург : Военная типография, 1863. – С. 432.

«совершенно поразительно зверским образом; убийца как будто находил особенное наслаждение мучить жертву: вонзив нож, он вертел им во все стороны и расширял рану настолько, что в неё могла войти рука. Таких ран найдено на Вихерте 9, на сестре его 17 и на служанке 11; собака с распоротым брюхом и выпущенными кишками отползла от кровати своего господина под стул и там издохла» [16, с. 268]. Подобные изверги могут называться людьми? Преступники были найдены. Ими оказались сапожник Юзеф Рахлинский (Бахлинский), его подмастерье Ян Голембиовский, подмастерье пекаря Кохановский и подмастерье портного Игнатий Янковский. Все они были повешены в цитадели Варшавской крепости 23 августа 1863 года [18, с. 107].

Следует добавить, что преступления в Варшаве совершались при помощи отравленных кинжалов самыми изуверскими способами, что заслуживает отдельного исследования.

Плоцкая губерния. В *Липновском уезде* в дер. Осеки повешены крестьянин Блендовский, его жена и старший сын.

Млавский уезд пережил ещё более страшный террор. 8 марта близ дер. Журомино каратели жестоко расправились с мещанином Винцентом Пшидоровским. 26 марта только из дер. Квассне изверги в человеческом обличье увели и затем убили 40 (!) человек, в том числе женщин. В дер. Завзды повешена была женщина, на трупе которой найдена записка гнусного содержания. В дер. Буда-Волинск «борцы за свободу» повесили крестьян Людвиг Ганку и Адама Суrowsкого. 13 апреля был повешен управляющий именем Иван Баубенбах. 17 апреля в дер. Влаки повстанцы убили шинкаря Горанского за отказ бесплатно дать им водки. Пастух Станислав Маевский был повешен в дер. Войнишки, а в дер. Дзины похожая участь ждала Томаса Ленкевича. Зарублен топорами повар Теофил Радецкий.

14 апреля в *Плоцком уезде* были повешен колонист Матвей Уманский, изнасилована и повешена его жена. Чуть позже повесили крестьянина Юзефа Оржеховского и отставного чиновника Никиту Максимова. В начале июня в разных местах уезда были повешены четыре крестьянина и чиновник, а в дер. Ниже почтовый экспедитор Пржебиловский.

Не минули мученические смерти и *Праснышский уезд*. Здесь повешены обыватели Франц Долинский, Теофил Броховский, Виктор Бобинский и Станислав Закржевский, а мельник Фридрих Венцновский был зверски зарублен топорами.

Надо отметить, что помимо подвигов на почве убийств, заплечных дел мастера не брезговали и банальным грабежом. Разумеется, всё подавалось под соусом «на нужды восстания». В мест. Липке еврейская община, спасаясь от террора, была вынуждена откупиться от своих мучителей значительной суммой в 47 тысяч злотых. В дер. Лавишки *Липновского уезда* крестьянин Михаил Водзинский под пыткой отдал карателям 600 злотых [5, с. 162–167; 6, с. 54–58].

Командир 6-й пехотной дивизии, дислоцированной в 1863 году на территории Плоцкой губернии, генерал-адъютант В.С. Семека в своих воспоминаниях приводил сведения о следствии в отношении лесничего Никодима Ниялтовского из имения Ойцово помещика Богутского. Он руководил группой из 12 жандармов-вешателей, на счету которых было более 80 жертв, не учтённых ранее

в донесениях местных властей. Между тем, только по данным, поступавшим с мест, в пределах действия Плоцкого отряда русской армии с января по июль 1863 года было найдено 109 тел жертв повстанческого террора. В общей сложности в этом регионе, по сведениям генерала Семеки, было убито 237 обывателей. Но, как писал Владимир Семека в своём очерке, «конечно, число всех казнённых во время террора гораздо больше, ибо было множество таких бургомистров и войтов гмин, которые не хотели или не решались доставлять такие сведения, а также может быть были и другие притоны жандармов-вешателей, подобно притону Ниялтовского [13, с. 37–38].

Августовская губерния. 16 февраля в сел. Ольховки *Остроленского уезда* каратели убили крестьянина Лясковского, отказавшегося пойти с ними. Между мест. Черск и помещьем Чаплинских были найдены повешенными на одном дереве мужчина и женщина крестьянского сословия. В дер. Доброленка повешены три брата Тарасевича. Только с 16 по 19 июня в этом уезде были найдены тела 21 человека, повешенных карателями, в том числе и женщины.

В *Ломжинском уезде* 16 апреля был повешен еврей Янкель Вербжко, 18 апреля та же участь постигла отставного солдата Станислава Лижевского. В дер. Коноржище повешен крестьянин Винцент Бржозовский.

В *Сейненском уезде* также на дереве закончилась жизнь Антония Ствертецкого, а в дер. Серпа каратели повесили сапожника Готлиб Радман и отставного солдата Янкеля Гельговича.

В *Мариампольском уезде* близ дер. Дзензиновольска повешен некий Ян Бургшайтис, на котором каратели прибили табличку «Ян Бургшайтис телеграфует Царю, что в бельвезийском лесу образовался лагерь».

Отставной унтер-офицер из Трокского уезда Лаврентий Загурский был повешен также на территории этой губернии [5, с. 162–167; 6, с. 54–58; 15, с. 242–243].

Люблинская губерния. Близ мест. Томашев *Люблинского уезда* отставной солдат Мордка Гольдурс показал карателям свой аттестат об отставке, которые «прибили этот аттестат к груди четырьмя гвоздями, вколачивая молотком». Затем несчастный был повешен [6, с. 58].

В этой же губернии помещики оказались причастными к убийству своих временнообязанных крестьян. Так, 17 июня 1863 года каратели из числа жандармов-вешателей нагрянули в имение Рыбчевицы Замостьского уезда помещика Рембелинского и «по совещанию с ним» повесили крестьян Станислава Биса, Мартина Войцика, Андрея Квята и Вавжинца Залогу. С имения названного помещика было взыскано 400 рублей серебром в пользу семей погибших крестьян. Владелец имения Олбецин, некий помещик Гинтовт даже сам заплатил карателям по 50 копеек каждому за убийство 16 сентября 1863 года пятерых крестьян одноимённой деревни. Нет сведений, чем оплатился Гинтовт за своё преступление, кроме взыскания с него 750 рублей серебром в пользу семей пострадавших [19, с. 229].

Дислоцировавшийся в Бяльском уезде Люблинской губернии отряд бывшего клирика Флориана Стасюкевича также отметился расправами над мирным населением. При этом сам командир отряда, провозгласивший себя военным начальником Брестского уезда, лично принимал участие в расправах. Так, в дер. Киевец Бяльского уезда был повешен местный крестьянин. В убийстве принимали

участие сам Флориан Стасюкевич, помещик Брестского уезда Ксаверий Карчевский, начальник штаба Стасюкевича Казимир Нарбут, ксёндз отряда Малопольский и ряд других. При этом, «Стасюкевич гордился и хвастался и своим подвигом». Позднее, в Янове-Подляском Стасюкевич повесил двух мещан [17, т. 50, с. 93].

Радомская губерния. В *Опоченском уезде* только в один день 11 апреля были повешены крестьяне Ковальский, Каспер, Сурлик, Малярчик, Брильский, Холбус и Матвей Борзянский. 15 апреля в дер. Липа повесили крестьян Пётра Новака и Михаила Новицкого. 19 апреля из мест. Гловачев была похищена, изнасилована и убита жена чиновника Калинского. Затем в разных частях уезда найдены повешенными Иозефина Дуперас и Матвей Калинский. В июне в дер. Янковицы каратели повесили 10 колонистов, в дер. Буковец – 5 человек. Крестьяне Павел и Юзеф Жузины были убиты в дер. Липца.

В том же уезде в имении Волька-Клущка был ограблен местный помещик на 450 рублей. Были разграблены, а позднее сожжены деревни Липа и Шкунин. В мест. Радошицы ограблен еврей Шай Монтель на 150 рублей.

В *Радомском уезде* повешена Альбина Волос, её труп брошен в колодец.

В *Меховском уезде* в начале июня убит чиновник Юзеф Патроцкий.

11 апреля в *Келецком уезде* были ограблены на 225 рублей торговцы кабанями. 13 апреля в дер. Бржезнице был зверски замучен еврей Менеж. Добычей мятежников стали его 57 рублей [5, с. 162–167; 7, с. 220].

ЛИТВА

Виленская губерния. 5 мая в дер. Шиланы *Трокского уезда* повешен отставной коллежский регистратор Иван Велигоров. 13 июня в дер. Богданцы карателями повешены крестьяне Ян Седелевский, Ян Стефанович и Казимир Дятковский. Вся вина их была в том, что они находились в сельском карауле и защищали свои дома от этих разбойников. Недалеко от дер. Богданцы каратели повесили трёх крестьян, оставив записку с их «виной» о верности правительству. Ночью 29 июня крестьянин дер. Жухораны Матвей Ляхович был убит при нападении на деревню отряда Феликса Вислоуха.

В *Ошмянском уезде* повешен староста дер. Полянск Ян Мацкевич.

Рано утром 11 мая близ дер. Балунь *Виленского уезда* был повешен крестьянин Иван Томашевич. 22 мая крестьянина дер. Зунен Фому Неверовича после издевательств застрелили в спину пятью выстрелами. 9 июня был повешен крестьянин дер. Спуши Герасим Крищук [5, с. 162–167; 7, с. 220; 12].

Ковенская губерния. В конце числах апреля в лесу близ мест. Жогинь *Россиенского уезда* была повешена беременная крестьянка Карабинова. «Несчастливая жертва, когда вздернута была на дерево, разродилась мёртвым ребёнком» – говорилось в отчёте Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова. В мест. Скавдвили аналогичная участь постигла станового пристава Филиппа Билима-Пастернакова.

В *Ковенском уезде* близ мест. Бодзь были повешены крестьянин Багонский и его жена. На груди повешенных каратели прибили приказ, запрещающий хоронить эти тела. Ещё один сельский учитель Константин Котлинский убит в мест. Эйраголь. В мест. Велюно 31 мая повесили отставного унтер-офицера Ковенской жандармской команды Семёна Легченко. Осенью в мест. Ибяны

после истязаний было повешено 11 крестьян-старообрядцев, отставных солдат русской армии.

В *Поневежском уезде* в лесу мест. Субочь был повешен сельский учитель Викентий Смольский, выдавший военным местонахождение повстанцев.

Отставной унтер-офицер Матвей Афанасьев был повешен 15 апреля в *Вилкомирском уезде*. 16 апреля в мест. Вижуну (имение графа Эдурда Чапского) был повешен Филипп Лебедев [5, с. 167; 12; 15, с. 235].

В *Шавельском уезде* Ковенской губернии в апреле 1863 года повстанцы увели в лес двух женщин, «Королину Тракимову и Анну Довдовну, из коих первую в лесу недалеко казенной деревни Мижайце повесили, а последнюю, наказав розгами, отпустили домой» [1, с. 216].

Гродненская губерния (польские уезды). В *Бельском уезде* на дверях гостиницы был повешен пристав Иосиф Курганович. 3 апреля близ г. Янов повешены Шмуль Гольдберг, Абнер Гольдшефт и двое крестьян. 10 апреля в мест. Боцьки каратели повесили отставного солдата Михаила Дмитриева. 8 июня убили волостного старшину дер. Грабовец Франца Фальковского. 12 июля в мест. Лосица на рынке повешены секретарь магистрата Козьминский, сторож и женщина-работница. 20 июля возле дер. Гродзиск был повешен отставной солдат Адам Грисюк.

Случай ограбления одного из помещиков Бельского уезда описал в своих воспоминаниях Юлиан Ягмин. За отказ выдать деньги того «высекли сначала на ковре, как шляхтича (шляхтич, сечённый не на ковре, по законам польским теряет своё шляхетское достоинство), но, когда это не привело к желанным результатам, то высекли его на голом полу, а потом вывели в сад, чтобы повесить. Шляхтич, видя, что дело не шутка, согласился уплатить требуемые с него восемьсот рублей серебром» [17, т. 51, с. 424].

22 апреля близ Аннопольского поместья *Белостокского уезда* были повешены 10 крестьян. 25 июня недалеко от дер. Завык каратели заживо сожгли крестьянина Матвея Матыса. 25 июля в той же деревне с ещё большей жестокостью был убит крестьянин Лаврентий Семенчук. В дер. Турота-Костельск садисты повесили сборщика податей Франца Помахера [15, с. 235–246].

Вышеприведённый список жертв карателей и садистов, именовавших себя «борцами за свободу» – далеко не полный. Эти нелюди предпочитали издеваться над безоружными и беззащитными, слабыми и больными, нежели вступать с противоборство с вооружёнными и обученными частями регулярной армии. Показательный случай произошёл 9 января 1863 года в 20 верстах от Плоцка, близ местечка Циолков. Рота Муромского пехотного полка во главе с его командиром полковником Козляниновым⁶ была направлена в местечко для разгона толпы непонятных людей, появившихся около населённого пункта. Сам офицер был человеком мягкого склада, поэтому и солдатам отдал приказ выступить с незаряженным оружием. Заодно и показал первым пример, выйдя к агрессивной толпе без оружия. Однако, политика гуманности зачастую принимается за слабость. Как писал очевидец, полковник «не думая встретить какое-либо сопротивление, ... слез с коня, подошел к толпе и стал убеждать

⁶ Полковник Константин Яковлевич Козлянинов, в офицерском чине с 1840 года // Список полковникам по старшинству. – С.-Петербург : Военная типография, 1861. – С. 257.

собранных людей, чтобы они разошлись, говорил мягко, ласково; не было с его стороны ни одного бранного, оскорбительного для поляков слова, несмотря на дерзкие выходки: убирайся пся крив со своими москалями и казаниями (нравочениями) и т. п. Чем снисходительнее, чем мягче говорил Козлянинов, тем нахальнее становились поляки. Наконец, когда он, во имя Бога, во имя совести, со слезами на глазах, стал упрашивать их разойтись: «Не хочу, говорил он, употреблять против вас силу; я знаю, что вы послушаетесь меня и подобру разойдетесь. ... Опомнитесь! Что вы делаете? Ради Бога прошу вас разойтись. Верьте мне. Не слушайте вредных, праздных людей, негодяев; они не доведут вас до добра». Но едва лишь кончил полковник Козлянинов свою речь, как выскочил из толпы один из поляков, со словами: «Я тебе дам пся крив; я начальник этих людей», и одним взмахом топора положил его на месте» [2, с. 4–5]. Излишняя мягкость погубила самого командира полка и его людей. Не успевшие опомниться солдаты были быстро перебиты вооружённой толпой. Полегла половина роты.

Но, даже павшие на поле боя воины не давали покоя так называемым повстанцам. Известный русский исследователь истории Северо-Западного края А. И. Миловидов описывал случай нападения повстанцев Рогинского на г. Сураж Бельского уезда в ночь с 10 на 11 января 1863 года. При нападении погибло три нижних чина Либавского пехотного полка, при этом «двум повстанцы отрезали языки и заткнули их за портупеи, а третьему отрезали... и положили ему в карман; кроме того, у всех разбили черепа» [11, с. 561].

Жестокое убийство старообрядцев в Ибянах в своих воспоминаниях описал председатель Ковенской губернской палаты государственных имуществ Я. Н. Бутковский. Эти крестьяне работали батраками у местной шляхты. С приходом карателей шляхта, пытаясь выслужиться, повела крестьян «в лес на казнь. На все мольбы несчастных, шляхтичи отвечали, что они считают их за добрых людей, работающих, но считают нужным казнить как потому, что они русские, так и для того, чтобы доказать Муравьёву, что они умеют платить кровь за кровь. Затем, однако, повстанцы начали глумиться над пленными и объявили, что, признавая их солдатами, они сначала переведут их в гвардию; вырезали у них на груди кожу в виде лацканов и затем повесили» [3, с. 356]. Проведённое расследование выяснило, что «преступление было совершено при содействии ибянской шляхты, которая повиновалась приказу повстанского воеводы Шуклоты, соседнего владельца местечка Лопе. Местечко это принадлежало двум братьям, из которых один считался вешателем русских, а печать его служила смертным приговором» [3, с. 357].

По распоряжению генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, всех жителей местечка надлежало выселить, их имущество продать, а само селение сжечь. Как вспоминал Яков Бутковский, околица Ибяны «представляла благоустроенное местечко, в котором было до тридцати усадеб: чистенькие домики со службами и при каждом большой огород, расположенные при речке; кругом довольно густые сосновые и дубовые леса». Выселение околицы проводил сам Бутковский при содействии военных. Местечко было оцеплено, жителям объявили о решении властей и дали два часа на сборы. Как пишет Я. Н. Бутковский, мужское население заранее ушло в лес «и во всём местечке не нашлось более пятнадцати

женщин с малолетними детьми, ужас, поразивший их нашим объявлением, был неописанный, некоторые пробовали просить помилования, которого мы не в праве были им дать». По истечении времени «солдаты с зажжёнными пучками соломы в руках начали подпаливать дома; материал представлялся удобный, так как многие крыши были крыты соломой и через четверть часа два ряда строений вдоль дороги так ярко пылали, что зарево видно было в Ковно. Раза два произошли взрывы, которые еврей объяснил нахождением в околицы складов пороха» [3, с. 359].

Жестоко? Несомненно. Законно? Не совсем. Но наличие складов пороха уже доказывает, что жители селений сами не являлись воплощением добродетели и смирения, а, переводя на современный язык, были пособниками преступной группировки. К тому же, и сами были замешаны в совершённых преступлениях. Справедливо ли в данном случае говорить о каких-то насилиях, совершённых властями в отношении «безвинных» жителей местечка?

Тот же чиновник Бутковский описывал случай, произошедший недалеко от мест. Рауданы Тельшевского уезда. Каратели захватили мать и сына из немецких колонистов, подвели под виселицу и «предложили матери на выбор: хочет ли она, чтобы её сына повесили или до полусмерти засекали нагайками. Известно, что отвечала в беспамятстве мать, но только несчастному юноше дано было полтора удара нагайкой. ... Моим глазам представилась какая-то чёрная масса: спина немца от шеи до пяток составляла сплошную язву, покрытую запёкшеюся кровью, слышны были только тихие стоны» [3, с. 350]. Как выяснилось по горячим следам, карателей в своём доме радушно принимал один местный шляхтич, звонарь в костёле. Он и предоставил свои владения в их полное распоряжение. Так как добровольно он имена бандитов не называл, то и Бутковский был вынужден пойти на крайние меры. Спесивый шляхтич был повален на пол (неслыханная дерзость!) и выпорот казаками. Как вспоминал Я. Н. Бутковский, «началась кровавая расправа, так как каждый удар нагайки оставлял кровавый след; я ожесточился до того, что не слушал просьбы жены и детей поляка, явившихся ко мне. Истина открылась: повстанцы оказались приятелями звонаря и приезжали из соседнего имения графа Тышкевича...» [3, с. 351]. Действия высокопоставленного чиновника незаконны, о чём он и сам признавал. А каковы тогда были действия карателей? Может, прежде чем предъявлять претензии к властям и лить крокодиловые слёзы по «невинным жертвам» Муравьёва, некоторым историкам следует посмотреть на действия этих самых «невинных»?

Заключение

Приведённые выше факты – лишь только малая часть огромного айсберга выявленных убийств, грабежей и унижений простых обывателей, совершённых так называемыми повстанцами. Всё это свидетельствует об одном: повстанцы сознательно пошли по пути террора в отношении собственного народа. Этот террор носил массовый характер и затронул все социальные слои населения как Королевства (Царства) Польского, так и территорию современной Республики Беларусь. Как свидетельствовали очевидцы по обе стороны баррикад, подобные жандармы-вешатели были практически в каждом отряде. Редкий полевой командир обходился без таких палачей. Практически все командиры повстанческих

отрядов «прославились» убийствами и издевательствами над мирным населением. Воспеваемые ныне Ромуальд Траугутт, Людвиг Нарбут, Валерий Врублевский (список можно продолжать бесконечно) – все они виновны в первую очередь в убийствах мирных обывателей, вся вина которых была лишь в том, что они оставались верными законному правительству. Именно эти лица – в мирной жизни офицеры русской армии, чиновники, помещики – вмиг превратились в циничных и жестоких убийц. Именно они отправляли своих подручных вешать, грабить, пытаться крестьян, чиновников и отставных военных. Терпя поражения на полях сражений, не в силах противостоять частям регулярной армии, эти господа проявляли звериную жестокость и всю злобу вымещали на безоружных и беззащитных жителей деревень и местечек. Кто их благословил на подобное? Не их ли идейный вдохновитель Винцент Константин Калиновский, чьи останки не так давно были с помпой перезахоронены в Вильнюсе? Ему приписывают фразу: «Восстание должно быть чисто народным – шляхта, поскольку с нами не пойдет, пусть гибнет – тогда крестьянский топор не должен остановиться даже над колыбелью шляхетского дитяти!». Может и не он сказал это, но точно одно – подобное было вполне в его характере. Достаточно лишь внимательно почитать его «Письма из-под виселицы». Поэтому народ за ним не пошёл.

Калиновского в белорусской историографии называют выдающимся философом и мыслителем, видным революционером. Но, можно ли человека, называвшего православие собачьей верой, призывавшего к геноциду дворянского сословия (при этом сам он также являлся дворянином), разжигавшего, выражаясь современным языком, межнациональную и межрелигиозную рознь, называть мыслителем и философом? И здесь возникает казус: даже авторы, стоящие на позициях «народного» характера восстания о личности самого Калиновского, высказываются крайне неодобительно. Исследователь Виктор Хурсик оценил личность Калиновского предельно точно: «26-летний молодой человек был наполнен исключительно террористическими идеями, важную роль при принятии им решений играли ещё не удовлетворенные молодые амбиции». «Избранный им путь кровавой борьбы со своим народом (повстанцы своих соотечественников вешали, били и жгли немало) во имя некой высшей цели был с самого начала тупиковым и погубил не только самого предводителя, но и жизни тысяч его соотечественников как на полях боев, так и в царских застенках, жизни ни в чем не повинных русских, поляков, евреев, людей других национальностей», – писал в своей монографии В. Хурсик [14, с. 11, 13].

Монопольное право на насилие принадлежит исключительно государству и государственной власти. И никто, прикрываясь даже самыми гуманными лозунгами, не имеет право подминать собой государственную власть. Это один из столпов государственного устройства. События восстания 1863–1864 годов включают не только боевые действия правительственных войск и повстанческих отрядов, но и насыщены драматическими и трагическими моментами. И задача исследователей заключается в объективной оценке действий повстанцев и правительственных войск.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бендин, А. Ю. Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский – усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи: монография / А. Ю. Бендин. – М., 2017. – 342 с.
2. Буланцов. Записки лазутчика во время усмирения мятежа в Польше в 1863 году. – С.-Петербург : Типография Гогенфельдена и К^о, 1868.
3. Бутковский, Я. Н. Из моих воспоминаний / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. – Т. XV. – 1883. – С. 325–365.
4. Бухарин, С.Н., Ракитянский, Н.М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации / Отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 944 с.
5. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. IV (май). – С. 163–167.
6. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. IV (июнь). – С. 54–57.
7. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. IX. – С. 220.
8. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. X. – С. 54–57.
9. Зинькевич, В. «Несвядомая» история Белой Руси / В. Зинькевич. – М. : Книжный мир, 2017 – 426 с.
10. Луганин, Я. Опыт истории лейб-гвардии Волынского полка. Часть 2. 1850–1879. – Варшава : Типография Ольгербранда и сыновей, 1889. – 533 с.
11. Миловидов, А. Первые скорбные страницы летописи польского восстания 1863 г. в пределах Северо-Западного края / А. Миловидов // Исторический вестник. – 1913. – № 5. – С. 557–569.
12. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной церковью западнорусских униатов: соборные деянием и торжественные служения в 1839 году / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zapadrus.su/bibli/arhbib/781-polsko-shlyakhetskij-terror-i-spisok-ego-zhertv-vo-vremya-polskogovosstaniya-1863-1864-g-g.html>. – Дата доступа : 29.10.2019.
13. Семека, В. С. Разбор сочинения «Военные действия в Царстве Польском в 1863 году, составленного г. С. Гескетти, под редакцией генерал-лейтенанта Пузыревского». – С.-Петербург : Типография Главного управления уделов, 1895. – 55 с.
14. Хурсік, В. У. Трагедыя белай гвардыі. Беларуская дваране ў паўстанні 1863–1864 гг. / В.У. Хурсік. – Мінск : Пейто, 2002. – 144 с.
15. Щеглов, Г. диакон. Жертвы польского восстания 1863–1864 годов // Русский Сборник : исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. – Том XV. – М. : Модест Колеров, 2013. – С. 224–246.
16. 16 Эпизоды из событий 1861–1864 годов. Воспоминания современника-очевидца / Русский архив. – 1885. – № 6. – С. 257–285.
17. Ягмин, Ю. Воспоминания повстанца / Ю. Ягмин // Исторический вестник. – 1892. – Т. 49. – С. 561–585; Т. 50. – С. 74–98; Т. 51. – С. 413–431; Т. 52. – С. 715–732.
18. Lista politycznych przestępców straconych w czasie powstania r. 1863/1864 w granicach Królestwa Polskiego // Księga Pamiątkowa opracowana staraniem komitetu obywatelskiego w szterdziestą rocznicę powstania r. 1863/1864 przez Józefa Białynię Chołodeckiego. – Lwow, 1904. – S. 104–134
19. Zabielski, Ludwik. Materiały archiwalne o udziale chłopów Lubelszczyzny w powstaniu styczniowym / L. Zabielski // Rocznik Lubelski. – 1963. – № 6. – S. 215–229.

Karpovich O.V. Insurrectionary terror in the Kingdom of Poland and Lithuania in 1863

This article attempts to expand the geographical scope of the 1863 uprising and going beyond the borders of modern Belarus, to show the real facts of violence, robbery, murder committed by punitive from the number of so-called gendarmes-hangers against civilians in various regions of the former Polish Kingdom, North-Western regions of Russia (modern lands of Lithuania and Belarus). As shown later in the material, the rebel groups organized a real terror against the dissent. Unfortunately, a number of modern scholars bypass this unsightly side of the uprising, trying to hide the obvious and distort the policies of official authorities. Meanwhile, silence, denial, or an attempt to justify these crimes is unacceptable for professional researchers.

Мизун Д. А.

БССР И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ В 20-Х – НАЧАЛЕ 30-Х ГГ.

В данной статье автор на основании тщательного анализа центральной партийной белорусской прессы межвоенного периода анализирует отношение партии большевиков в отношении пролетариата в Германии. Автор приводит к выводу, что благодаря политике ВКП(б) во второй половине 20-х годов XX века массовым явлением стали поездки рабочих делегаций из капиталистических стран в СССР. Наиболее массовыми и разнообразными по своим целям и составу были германские делегации трудящихся. Центральная партийная пресса Беларуси также очень активно освещала бедственное положение рабочих Германии.

Введение

На протяжении 20-х – начале 30-х гг. между СССР, БССР и Германией активно проходили процессы, связанные с реализацией главного лозунга марксизма «Пролетарии всех стран объединяйтесь». СССР стремился активно поддерживать на международной арене имидж «первого в мире государства рабочих и крестьян». На территории БССР и СССР активно принимались рабочие делегации, происходил оживленный обмен письмами и интернациональная переписка между предприятиями, революционное пролетарское соревнование, движение «синеглазников» и многое другое. На страницах центральной белорусской печати активно освещалось положение рабочего класса в Германии.

Основная часть

ВКП(б) активно поддерживала и развивала ленинскую традицию приёма в СССР делегаций трудящихся иностранных государств. Благодаря её всесторонней поддержке поездки рабочих делегаций из капиталистических стран в СССР во второй половине 20-х гг. стали массовым явлением. С 1924 по 1933 г. в Советском Союзе побывало примерно 190 иностранных рабочих делегаций [1, с. 114]. Наиболее массовыми и разнообразными по своим целям и составу были германские делегации трудящихся. В 1925–1932 гг. СССР посетили не менее 55 различных немецких делегаций: рабочих, молодежных, женских, спортивных, крестьянских и др. [1, с. 115].

Стремление немецких рабочих посетить СССР объяснялось целым рядом причин. Важнейшей из них было желание своими глазами увидеть, что представляет собой государство рабочих и крестьян; почему в капиталистических странах происходит ухудшение жизни рабочих, а в СССР наметился хозяйственно-экономический подъём и рост благосостояния трудящихся [1, с. 114]. Также интерес к СССР объяснялся начавшимся среди части рабочих разочарованием реформистской политикой социал-демократических партий и правительств, стремлением найти иные пути в борьбе за лучшую жизнь [1, с. 114]. Важнейшее значение среди всех немецких рабочих делегаций того времени занимает первая делегация, находившаяся на территории СССР с 14 июля по 26 августа.

Центральная коммунистическая печать БССР активно освещала на своих страницах все подробности, связанные с пребыванием немецких делегаций на территории первого в истории государства рабочих и крестьян. Так в статье под

названием «Германская делегация едет в Москву» [2, с. 3], вышедшей на страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси газеты «Звезда» в номере от 16 июля 1925 г. сообщается, что «германская рабочая делегация, едущая впервые в СССР по приглашению путиловцев, прибудет в Москву 18 июля. В делегации 65 человек. Интерес к ней охватил все фабрики и заводы Германии, и из самых заброшенных уголков в рабочие центры сыплются в последнее время многочисленные запросы о времени отъезда делегатов в СССР. Как известно, могучий толчок дало этому движению приглашение путиловцев. На него десятками и сотнями откликнулись фабрично-заводские комитеты Германии, и бюрократические профсоюзы вынуждены были уступить страстному желанию германских рабочих встретиться с глазу на глаз с рабочими Ленинграда.

Коммунистические рабочие сознательно, как им ни хотелось побывать в стране, где правит пролетариат, – уступили место в делегации социал-демократическим рабочим, – пусть лично увидят новую жизнь, новое государство.

Берлинский рабочий комитет, который организует эту поездку, решил расходы по поездке разложить на всех рабочих, организаторов комитета.

Делегация едет с настоящим наказом, т. е. с целым вопросником. Она пробудет в СССР около месяца и объедет все крупные рабочие центры» [2, с. 3].

На страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) газеты «Звезда», в номере от 3 августа 1930 г. в статье под названием «Заграничные рабочие делегации в СССР» [3, с. 1] сообщается, что «под руководством «Союза приятелей СССР» в Германии проведена компания выборов рабочих делегатов для поездки в СССР. Всего выбрано 45 делегатов, которые выезжают 3 августа в СССР. Средства на проезд за границу в СССР и назад, как и на оказание материальной помощи, семьям делегатов, были собраны на заводах» [3, с. 1]. Следует отметить, что в 1926 и 1927 гг. в Советском Союзе побывали ещё две большие рабочие делегации из Германии [4, с. 73].

10 ноября в Москве в Колонном зале Дома Союзов открылся всемирный конгресс приятелей СССР [5, с. 1]. В работе конгрессе приняли участие 947 делегатов из 43 стран мира [5, с. 1]. Утром 11 ноября в прениях по докладу председателя СНК СССР А. И. Рыкова первой выступила немецкая политическая деятельница, участница немецкого и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, активистка борьбы за права женщин Клара Цеткин. Она отметила, что «очень характерно, что ответственный представитель верховной власти СССР Рыков даёт отчёт перед вами. Это доказывает, что вожди СССР понимают огромнейшую ответственность, которую они несут перед международным пролетариатом. Все, кому дорого будущее освобожденного человечества, должны употребить все средства, чтобы обеспечить спокойствие для строительства социализма в Советском Союзе. СССР только тогда сможет с полной безопасностью проводить далее свое социалистическое строительство, когда будет находиться не во вражеском капиталистическом окружении, а в окружении держав, где будет поднято знамя пролетарской диктатуры» [6, с. 1]. Также от имени немецкой делегации выступил Лепоа. Он сказал: «Употребим все средства, чтобы создать единый профсоюзный фронт против империализма, а когда наши реформистские вожди не пойдут за нами, так сделаем это сами» [6, с. 1].

В газете «Звезда», в номере от 31 октября 1930 г. в статье «Завтра закрывается всебелорусская выставка» [7, с. 1] говорилось о том, что «Первая Всебелорусская выставка сельского хозяйства и промышленности вызвала большую заинтересованность среди рабочих масс Советского Союза, а также рабочих зарубежных стран» [7, с. 1]. Уже в другой статье, опубликованной на страницах газеты «Звезда», в номере от 1 ноября 1930 г. под названием «Борец за социалистическую деревню» [8, с. 5] говорилось о том, что «представители лейпцигских рабочих товарищи Беслер и Рихтер, которым удалось посетить выставку, в своих впечатлениях, в беседах высказывали огромное восхищение нашими успехами» [8, с. 5]. Далее в этой же статье указывалось на то, что в своем письме, присланном в редакцию выставочной газеты, Беслер и Рихтер писали: «Ваши успехи закаляют нас, иностранных пролетариев, к новым боям. Ваша великая выставка в Минске показывает, что и сельское хозяйство, и промышленность, и культурный фронт имеют колоссальные достижения. О Ваших достижениях должны знать пролетарии Запада. Правда, о которой говорит Ваша выставка языком цифр и фактов, рано или поздно попадет не только к рабочим и крестьянам не только Германии, но и других стран. Будьте уверены, мы выполним нашу обязанность, мы расскажем правду о том, что мы видели у вас. Мы через нашу коммунистическую печать будем выкрывать ложь о вашей стране. Мы будем выкрывать настоящее лицо социал-фашистов. Мы обещаем вам мобилизовать классово-сознательных пролетариев на оборону Советского Союза. Мы обещаем подготовить великий красный фронт для сражения за всемирную революцию» [8, с. 5]. Кроме всего прочего, в статье «Борец за социалистическую деревню» говорилось о том, что «даже некоторые зарубежные ученые и представители буржуазных кругов, посетившие выставку, вынуждены высказаться о наших достижениях, хотя буржуазия и возводит на СССР всяческие поклепы» [8, с. 5]. Посетивший выставку ассистент Бреславского университета (Германия) доктор-инженер Курон в своем отзыве о выставке отмечал: «Впечатление, вынесенное мной от двухдневного посещения белорусской выставки сельского хозяйства и промышленности, просто-таки «ошеломляющее», главным образом, в том смысле, что в выставке, как в зеркале, выявился тот грандиозный культурный сдвиг, который произошел за 10 лет в Беларуси, о чем нельзя было бы думать в довоенные годы» [8, с. 5].

Также в 20-х – начале 30-х гг. к важнейшим праздникам в СССР также постоянно приезжали делегации немецких рабочих. Во всебелорусской ежедневной рабочей газете «Рабочий», издававшейся от имени ЦК КП(б)Б и ЦСПСБ в номере от 29 апреля 1931 г. отмечается, что «вчера вечером в СССР выехала германская первомайская рабочая делегация, в состав которой входят представители крупнейших германских предприятий, в первую очередь металлопромышленных, химических и текстильных. Делегация примет участие в первомайских торжествах в Советском Союзе и в течение нескольких недель будет знакомиться с успехами социалистического строительства в стране советов. Среди делегатов находятся пять социал-демократических рабочих, которые, несмотря на травлю и угрозы социал-демократической печати все же будут участвовать в поездке» [9, с. 1].

Центральная пресса Беларуси также очень активно освещала положение рабочих в Германии на своих страницах. Давалась очень подробная информация о борьбе пролетариата Германии за свои права. На страницах органа Центрального

Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) газеты «Звезда», в номере от 17 января 1930 г. в статье под названием «Кровавые бои безработных в Германии. Баррикадные бои в Вормсе» [10, с. 1] говорится о том, что «безработные под руководством компартии провели несколько собраний и демонстраций на улицах с целью борьбы за свои требования. Полиция напала на демонстрантов и начала избивать их резиновыми палками и прикладами. Демонстранты с целью обороны от полиции возвели баррикады. В результате полиция начала стрельбу, причем убила и ранила много рабочих» [10, с. 1].

На страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) газеты «Звезда», в номере от 4 августа 1930 г. в статье под названием «Классовые бои» [11, с. 1] сообщается, что «мощные демонстрации прошли во всех городах Германии. В Берлине первоавгустовская демонстрация была одной из самых сплоченных и крупных демонстраций революционного Берлина. Демонстрация, которая была организована социал-демократами, имела чрезвычайно печальное зрелище. В ней приняло участие буквально несколько сотен демонстрантов» [11, с. 1]. «Демонстрации в Германии являются характерными еще в одном смысле. Социал-демократия, которая пытается сдержать рабочие массы, которые от нее отходят, вынуждена была назначить в день 1 августа в противовес демонстрациям, назначенным Коминтерном, свои демонстрации. Мы видим в день 1 августа полный провал демонстраций, которые были организованы социал-демократами. Рабочие массы всё больше убеждаются в лживости социал-демократических фраз о мире, всё больше видят то, что социал-фашисты являются преданными агентами империализма в деле подготовки войны против СССР» [11, с. 1]. В газете «Звезда», в номере от 4 августа 1930 г. в статье под названием «100 000 вышли на демонстрации в Берлине» [12, с. 1] сообщается, что «1 августа в демонстрации в городе Юцельфорс приняло участие более 7 000 рабочих. В Кельне вышли на демонстрацию 8 000 рабочих. Антивоенные демонстрации прошли в 30 городах. Как передаёт «Роте фане (Красное знамя)» в первоавгустовской демонстрации в Берлине, организованной компартией, приняло участие 100 000 человек» [12, с. 1].

На страницах всебелорусской ежедневной рабочей газеты «Рабочий», издававшейся от ЦК КП(б)Б и ЦСПСБ в номере от 19 апреля 1931 г. в статье под названием «Полиция цергигелей готовит новые репрессии против компартии. Пролетариат Германии мужественно борется за улицу» отмечается, что «правительство Брюнинга предполагает сократить рабочую неделю до 40 часов с соответствующим понижением зарплаты. Это решение означает сокращение зарплаты на 17 проц. Далее, правительство предполагает осуществить решительное сокращение пособий жертвам войны и пенсий лицам, утратившим трудоспособность. Будут снижены получаемые муниципалитетами суммы на выдачу пособий и вспомоществований. В связи со всеми этими мерами правительство намерено резко усилить полицейские репрессии против компартии» [13, с. 1]. Далее в этой же статье отмечается, что «правительство Тюрингии опубликовало декрет на основании чрезвычайного закона Гинденбурга-Брюнинга. В декрете говорится: «Так как компартия Германии, согласно многочисленных приговоров верховных судов, стремится всеми средствами к свержению существующего строя, необходимо подвергнуть тщательному исследованию деятельность

всех органов компартии и примыкающих к ней организаций с целью выяснить, не подлежат ли они запрещению на основании декрета общегерманского правительства. Если все эти организации не будут запрещены, то надлежит самым тщательным образом следить за их деятельностью. Всякого рода выступления под открытым небом компартии и примыкающих к ней организаций принципиально воспрещаются» [13, с. 1].

Необходимо отметить, что на страницах центральной прессы Беларуси на протяжении 20-х – начала 30-х гг. постоянно печатались статьи не только о борьбе пролетариата Германии за свои права, но и подавался материал о бедственном и даже катастрофическом положении рабочего класса и крестьянства в Германии. Это также является важнейшей характеристикой советско-германских отношений в межвоенный период и безусловно характеризует ту роль, которую играла в них Беларусь.

На страницах всебелорусской ежедневной рабочей газеты «Рабочий», издававшейся от ЦК КП(б)Б и ЦСПСБ в номере от 27 января 1929 г. в статье под названием «Демонстрация безработных в германском рейхстаге. Коммунисты требуют оказания немедленной помощи безработным. Соц.-демократы – против политических прений» отмечается, что «на заседании рейхстага коммунистический депутат Штеккер выступил с протестом против постановления совета старейшин, согласно которому вплоть до конца февраля в рейхстаге не должно быть никаких политических прений. В противовес этому постановлению Штеккер требовал, чтобы рейхстаг обсудил коммунистическое предложение по вопросу о безработице» [14, с. 1]. Как отмечается далее в данной статье «на трибунах для публики появилось много безработных, которые в криках: «хлеба или работы», «долой правительство», развернули большой плакат с требованиями безработных. Специально вызванный отряд полиции двинулся очищать трибуну от безработных. Были произведены многочисленные аресты» [14, с. 1].

В газете «Рабочий» в номере от 1 февраля 1929 г. в статье под названием «Локаут 20 тысяч рабочих в Германии. Выступления безработных в предместьях Берлина. Арест комдепутата за сопротивление властям» [15, с. 1] пишется о том, что «предприниматели Западной Саксонии объявили локаут 20 000 рабочих. Последние дни ознаменовались выступлениями безработных в ряде городов. В Нейкельне (предмесье Берлина) безработные устроили демонстрации протеста против порядков, царящих на местной бирже труда. Вызванный наряд полиции задержал 4-х лиц, в том числе депутата рейхстага коммуниста Бленкле. Демонстрация безработных состоялась также во Франкфурте на Майне. В Дрездене состоялась конференция безработных. На конференции было представлено свыше 150 тысяч безработных. Конференция приняла резолюцию, в которой требуют, чтобы рейхстаг принял предложение конференции о помощи безработным» [15, с. 1].

В этой же газете в номере от 20 февраля 1929 г. в статье под названием «Последствия холодов в Германии. Жестокие страдания безработных» отмечается, что «период жестоких холодов сопровождался сильным снегопадом. Только теперь удалось выявить роковые последствия этой погоды, – особенно для трех миллионов безработных Германии. Морозы не только уничтожили громадное количество картофеля, но и сильно затруднили поставки в города продовольствия и угля. Цены на эти предметы насущного потребления повысились»

[16, с. 2]. Далее отмечается, что привычной картиной стали очереди перед магазинами и закрытые школы, из-за недостатка топлива [16, с. 2].

Заключение

На основании изложенного материала можно сделать следующие заключение: благодаря политике ВКП(б) во второй половине 20-х гг. массовым явлением стали поездки рабочих делегаций из капиталистических стран в СССР. Наиболее массовыми и разнообразными по своим целям и составу были германские делегации трудящихся. Стремление немецких рабочих посетить СССР объяснялось желанием своими глазами увидеть, что представляет собой государство рабочих и крестьян и узнать, почему в капиталистических странах происходит ухудшение жизни рабочих, а в СССР наметился хозяйственно-экономический подъем и рост благосостояния трудящихся. Центральная партийная пресса Беларуси также очень активно освещала бедственное положение рабочих в Германии на своих страницах. Подавалась очень подробная информация о борьбе пролетариата Германии за свои права.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лукьянов, К. Т. Немецкие рабочие делегации в СССР (1925–1932 гг.) / К. Т. Лукьянов // Ежегодник германской истории. 1975. [Редколлегия : Д. С. Давидович (и. о. гл. ред.) и др.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Комис. историков СССР и ГДР. – М. : Наука, 1969. – С. 113–137.
2. Германская делегация едет в Москву // Звезда. – 1925. – 16 июля. – С. 3.
3. Заграничные рабочие делегации в СССР // Звезда. – 1930. – 3 августа. – С. 1.
4. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло: Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х гг. : (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков : Логос, 2017. – 354 с.
5. Открытие конгресса приятелей СССР // Советская Беларусь. – 1927. – 12 ноября. – С. 1.
6. Утреннее заседание 11 ноября // Советская Беларусь. – 1927. – 13 ноября. – С. 1.
7. Завтра закрывается всебелорусская выставка // Звезда. – 1930. – 31 октября. – С. 1.
8. Борец за социалистическую деревню // Звезда. – 1930. – 1 ноября. – С. 5.
9. На пути в СССР // Рабочий. – 1931. – 29 апр. – С. 1
10. Кровавые бои безработных в Германии. Баррикадные бои в Вормсе // Звезда. – 1930. – 17 января. – С. 1.
11. Классовые бои // Звезда. – 1930. – 4 августа. – С. 1.
12. 100 000 вышли на демонстрации в Берлине // Звезда. – 1930. – 4 августа. – С. 1.
13. Полиция цергигелей готовит новые репрессии против компартии. Пролетариат Германии мужественно борется за улицу // Рабочий. – 1931. – 19 апр. – С. 1.
14. Демонстрация безработных в германском рейхстаге. Коммунисты требуют оказания немедленной помощи безработным. Соц.-демократы – против политических прений // Рабочий. – 1929. – 27 янв. – С. 1.
15. Локаут 20 тысяч рабочих в Германии. Выступления безработных в предместьях Берлина. Арест комдепутата за сопротивление властям // Рабочий. – 1929. – 1 февр. – С. 1.
16. Последствия холодов в Германии. Жестокие страдания безработных // Рабочий. – 1929. – 20 февр. – С. 2.

Migun D. A. The BSSR and the labor movement in Germany in the 20 s – early 30 s.

In this article, the author, on the basis of a thorough analyses of the central Belarusian Party press of the interwar period, analyzes the attitude of the Bolshevik party towards the struggle of the proletariat in Germany. The author concludes that thanks to the policy of the CPSU(b) in the second half of the 1920s, the trips of workers' delegations from capitalist countries to the USSR became a mass phenomenon. The most massive and varied in their goals and composition were the German delegations of workers. The central party press of Belarus also very actively covered the plight of the workers of Germany.

Пашкович Е. И.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В 1920-Е ГОДЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО, ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

В статье рассматривается административная система, которая выстраивалась на селе после присоединения Западной Беларуси к Польше. Внимание уделяется наиболее распространенным типам сельских поселений в Полесском воеводстве. На основании результатов переписи 1919 г. и 1921 г. проводится анализ демографического состояния и этноконфессиональной структуры сельских поселений.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Полесское воеводство, демография, сельские поселения, национальная политика.

Введение

По условиям Рижского мирного договора 1921 г. большая часть территории современной Брестской области вошла в состав Полесского воеводства Польской республики. Последующие 20 лет здесь будут проходить значительные трансформации политических, социально-экономических и культурных условий жизни местного населения, преобладающее большинство которого проживало в сельской местности. Особенно динамичными эти процессы будут в 1920-х годах – период послевоенного хозяйственного и демографического восстановления и создания на этих территориях административно-территориальной системы.

История сельских поселений в 1920-е – 1930-е гг. вызывает научный интерес в рамках изучения истории Западной Беларуси в указанный период. Прежде всего изучается вопрос социально-экономической ситуации на селе и аграрных преобразований (парцелляция, комасация, ликвидация сервитутов), которые были предприняты польской администрацией. В этом направлении проводят специальные научные исследования такие белорусские историки, как Гресь С. М. и Гарматный В. П. Второй наиболее часто поднимаемый вопрос, как в современной белорусской, так и польской историографии – национальная структура населения и деятельность этноконфессиональных общностей на западнобелорусских территориях в межвоенный период. Результаты исследований отражены в нескольких монографиях, диссертациях, коллективных работах (Вабищевич А. Н., Загидулин А. Н., Лисовская Т. В., Свирид А. Н., Самосюк Н. В., Швайко В. Г., Пашкович Е. И. и др.). Исследование Борка А. И. посвящено системе управления и самоуправления в Западной Беларуси [2]. В 2020 г. вышла комплексная работа, посвященная этнокультурным процессам Западного Полесья, подготовленная Центром исследования белорусской культуры, языка и литературы при Институте этнографии и фольклора имени К. Крапивы НАН Беларуси [8]. В 2010–2015 гг. на кафедре всеобщей истории БрГУ имени А.С. Пушкина реализовывалась инициативная НИР «Эволюция городов и сельских поселений Брестчины в XIX–XX вв.» (№ ГР 20103064 от 29.11.2010). Но многие вопросы ещё ждут своего специального изучения, в том числе динамика типов поселений, демографического состава сельского населения в регионе в 20-е – 30-е гг. XX в.

Основная часть

Административно-территориальное устройство и типы поселений

Одной из первостепенных задач после присоединения этих территорий к польскому государству было включение их в систему административно-территориального управления, которая предусматривала два уровня: 1) государственное управление – правительственную администрацию и 2) самоуправление. Для осуществления общего управления вся территория была поделена на воеводства, поветы, городские и сельские гмины. Главой воеводства назначался воевода, в поветы – поветовый и городской старосты. В городских и сельских гминах не существовало органов общего государственного управления, эту функцию выполняли органы территориального самоуправления [1, с. 457].

Нижайшей административно-территориальной единицей была *громада*, которая создавалась в каждом населенном пункте. Громада являлась хозяйственным субъектом и владела собственностью. Органом власти в громаде являлось собрание (*рада*), на котором избирались солтыс и его заместитель. Солтыс подчинялся властям гмины, в состав которой входила громада. *Гмина*, как самостоятельная административно-территориальная единица, владела всеми юридическими правами и состояла из одного или нескольких населенных пунктов. Членами гмины являлись жители, которые имели польское гражданство и проживали на ее территории не менее месяца. Распорядительным органом гмины являлась *гминная рада*, члены которой назывались *радными*, а исполнительным органом власти – *гминное управление* во главе с *войтом*. В функции *гминного управления* входила разработка бюджета, сдача в аренду недвижимости, наблюдение за состоянием дорог, сбор налогов и штрафов, регистрация военнообязанных и др. [2, с. 48].

В свою очередь сельские гмины входили в состав *повета*. Поветовая администрация называлась *староством*, которое подчинялось Полесскому воеводскому управлению. Во главе поветовой администрации стоял *староста*, который являлся представителем государственной власти в повете, назначался министром внутренних дел и был подчинён воеводе. На территории повета *староста* владел широкими полномочиями. В его компетенции входили все вопросы государственной администрации, за исключением дел, которые были переданы органам самоуправления, а также военной, судебной, школьной, железнодорожной, почтово-телеграфной администрациям, которые осуществлялись с согласия *старосты* [2, с. 61]. *Староста* должен был следить за состоянием общественной безопасности в повете, поэтому ему подчинялась поветовая полиция во главе с поветовым *комендантом*. Свои функции поветовый *комендант* исполнял с помощью подчиненных ему комиссаров полиции и участковых.

Для осуществления самоуправления в каждом повете создавался коммунальный союз, который в 1933 г. был заменен поветовым союзом самоуправления. В компетенции поветового коммунального союза входил надзор за строительством дорог, поддержка сельского хозяйства, торговли, промышленности, выполнение социальной опеки и здравоохранения, в т.ч. содержание больниц, поддержка просвещения, благотворительность. Органами управления поветового коммунального союза являлся поветовый *сеймик*, поветовый *отдел*, поветовый *староста* [2, с. 73].

Полесское воеводство было разделено на 9 поветов (в том числе Камень-Каширский и Сарненский), на территории которых размещалось 118 гмин. По данным переписи населения 1921 г. на этой территории насчитывалось

3 186 поселений. 171 поселение определялось как разрушенное во время войны и незаселенное. В большинстве своем это были небольшие по числу жителей и количеству строений поселения. Но среди уничтоженных населенных пунктов были и 4 деревни (Подблотин Брестского повета, Бородичи Кобринского повета, Яцы и Клетки Пружанского повета). Больше всего разрушенных во время военных действий и невосстановленных к 1921 г. населенных пунктов насчитывалось в Брестском повете – 51 поселение (в том числе 14 в гмине Малорита и 9 в гмине Медно). В Кобринском повете было учтено 29 таких поселений, 12 из которых – в гмине Блоты; в Лунинецком – 22, из них 9 – в гмине Лунин; в Пинском – 21; в Коссовском – 20; в Пружанском – 17; значительно меньше – 5 поселений – в Дрогичинском повете [10].

Среди самых распространенных типов сельских поселений в Полесском воеводстве были деревня, колония, осада, фольварк. Из существовавших в 1921 г. 3 186 поселений было 1 649 деревень, 655 фольварков, 312 колоний, 326 осад, 13 хуторов и 231 населенный пункт иного типа – лесная осада, фабричная осада, военная осада, лесопильня, железнодорожная станция [10].

Колонией называли группу хозяйств, организованных на разделенных частновладельческих землях. Большое число колоний в начале 1920-х гг. было характерно для Лунинецкого повета – 81 поселение. 60 колоний размещались в Кобринском повете, 46 – в Брестском повете. Обращает внимание тот факт, что в одной только Одрижинской гмине Дрогичинского повета насчитывалось 32 колонии. Как правило, в колониях проживало от 2 до 7 десятков человек, но были и более крупные по числу жителей. Прежде всего это было характерно для Лунинецкого повета: Огоревичи (174 двора, 980 жителей), Мерлинские Хутора (135 дворов, 934 жителя), Куково (9 631 житель), Черebasовка (615 жителей), Раховичи (549 жителей), Борсуковка (537 жителей), Передел (437 жителей) и др. Большие колонии были в Дрогичинском повете: Подыще (188 чел.), Вивнево (171 чел.), Опадыще (156 чел.). К числу крупных по числу жителей колонией в Брестском повете можно отнести Александрово, где проживало 424 человека. Но самыми большими колониями не только в повете, но и во воеводстве были Нейбров (1 381 человек) и Нейдров (1 258 человек) Домачевской гмины [10].

Осадой называли малое поселение, состоящее из одного или нескольких хозяйств, размещавшееся вблизи деревни. Согласно данным переписи 1921 г. самое большое число осад в Полесском воеводстве размещалось в Лунинецком повете – 118, в т.ч. 25 – в гмине Хотыничи. В Кобринском повете было учтено 64 осады, в т.ч. 20 – в гмине Подлесье, в Брестском – 40, в т.ч. 20 – в гмине Великорита [10].

Со второй половины 1920-х гг. наблюдалось увеличение числа осад за счет военных поселенцев из центральных регионов Польши, которым здесь предоставляли во владение землю для организации на ней сельских хозяйств. В 1931–1932 гг. в Полесском регионе поселились 1 133 осадника – 13,6% от общего числа на т.н. Крэсах, которые получили 27 712 га земли. Большинство военных осад на 1931–1935 гг. размещалось в Брестском, Дрогичинском, Пинском, Пружанском поветах [12, s. 105].

Фольварком считалось обособленное хозяйство, как правило, принадлежащее одному или нескольким владельцам. Больше всего фольварков насчитывалось в Кобринском (146), Брестском (120), Лунинецком (111), Пружанском (97)

поветах [10]. Большинство из них, как самостоятельные населенные пункты, на сегодняшний день уже не существуют или изменили свой статус.

Большие по количеству дворов и числу жителей деревни были в Лунинецком повете. Прежде всего это было характерно для гмины Хорск. Так, например, в деревне Лядцы проживало 1 063 человек, Семигостичах – 1 025, Ольшанах – 1 962, а в деревне Рубель – 2 858 человек. В этом же повете большими деревнями были Плотница (375 дворов, 2 080 жителей), Стахов (360 дворов, 1 849 жителей), Белогуша (345 дворов, 2 229 жителей) [10]. Это были самые крупные деревни в воеводстве, по числу жителей превышающие многие полесские местечки.

Демографическая ситуация

В годы Первой мировой войны и до середины 1920-х гг. на землях Полесского воеводства произошли серьезные демографические изменения. Высокая смертность, эвакуация на восток, вывоз немцами местных жителей на принудительные работы в Германию привели к тому, что многие населенные пункты обезлюдели.

Начало 1920-х гг. характеризуется стремительным ростом численности населения Полесского воеводства за счет прежде всего массового возвращения беженцев. Наибольший показатель репатриантов отмечался в Брестском повете (31,3 % относительно числа репатриантов в воеводстве), а относительно местного населения – в Пружанском и Кобринском поветах (43,3 % и 42,4 % соответственно) [6].

Для Полесья был наибольший в Польше показатель естественного прироста – 19 человек при среднем в стране 15,8 человек на 100 жителей. Рост численности населения в 1921–1931 гг. в гминах достигал от 22 до 126 %. Это отражалось на структуре населения, в которой доминировали молодые люди. Наибольшую группу в 1931 г. представляли люди в возрасте от 0 до 9 лет – 29,8 %, дети и подростки в возрасте до 16 лет составляли 40 % и это был самый большой показатель среди северо-западных воеводств, что свидетельствует о положительной динамике рождаемости в воеводстве. Население в трудоспособном возрасте (с 17 до 59 лет) составляло 53 % [5, с. 238].

Высокий уровень естественного прироста населения Полесского воеводства был характерен лишь для сельской местности. Прирост населения в городах и местечках Полесья был самым низким в восточных регионах Польши. Показатели естественного прироста населения в Полесском воеводстве не распространялись равномерно среди отдельных религиозных и национальных групп, наибольшие показатели были в православной среде – 19,4 %, затем у католиков – 17 % и последователей иудаизма – 14 % [9, 11].

Низкий уровень системы здравоохранения и материального благосостояния, антисанитарные условия труда и быта были причинами высокой смертности. Например, в Дрогичинском повете этот показатель составлял 68,7 чел. на 1 000 чел., а средняя продолжительность жизни – 49 лет [4, с. 115].

Для Полесья был характерен низкий уровень плотности населения – 31 человек на км² [5, с. 237]. Однако, при этом необходимо принимать во внимание наличие большой площади земли, непригодной для обработки (леса, болота и т. п.). На самом деле полесская деревня была очень переселена, а неразвитость промышленности не позволяла городам принимать сельское население.

Этноконфессиональный состав населения

Для этнического состава сельского населения Полесского воеводства была характерна полиэтничность и выраженное превалирование региональной

(локально-территориальной) идентичности над этнической. Существование на территории Западного Полесья множества этнолокальных групп в начале XX в. хорошо описал этнограф И. А. Сербов: «... Все полешуки, хотя бы они жили и в других селениях, прозываются по имени центрального пункта своей общины. Поэтому на Полесье всем известны: денискоўцы, макоўцы, малкоўцы, бостынцы, дятелоўцы, бороўчане, бродничане, вичинцы, городчане и лахвинцы» [8].

Первая послевоенная перепись была проведена польскими властями в 1919 г. Перепись показала, как и прежде, явное доминирование на Полесье православного населения (72,9 %). Католики по численности уступали православным и составляли 11,25 %. Традиционно большую группу населения, прежде всего в городах и местечках и значительно в меньшей степени в сельской местности, составляли иудеи (15,4 %) [7, с. 76–77]. Показания конфессиональной принадлежности коррелировали с национальностью. Католики в большинстве своём отождествляли себя с польской национальностью, православные христиане указывали либо на белорусскую национальность, либо подчеркивали свою «тутэйшость», а верующие, которые исповедовали иудаизм, декларировали свою принадлежность к еврейской национальности. Однако, результаты переписи 1919 г. показывали лишь некоторые тенденции распределения конкретных национальностей, а не фактическую ситуацию в регионе, так как значительная часть населения ещё не вернулась из эвакуации и беженства.

Основной вопрос переписи в 1921 г. был напрямую связан с национальностью. В восточных регионах Польши особенно в Полесском воеводстве, это вызвало множество трудностей. У значительной части населения были очевидные проблемы с определением их национальности. В некоторых случаях это приводило к идентификации национальности с государственной принадлежностью и в итоге к завышенной информации о количестве польского населения. Нельзя не брать во внимание факт воздействия на итоги переписи польских чиновников, в результате чего искусственно была занижена численность белорусского и русского населения, и завышено число поляков.

Перепись 1921 г. показала, что в Полесском воеводстве (без учёта Камень-Каширского и Сарненского поветов) 59,5 % жителей заявили о своей национальности как белорусской, 27,1 % – польской, русской – 0,5 %, евреи – 11,1 %, другие – 1,8 % [7, с. 87]. 10 833 человека или 1,6 % от общей численности населения этих территорий были отнесены к русинам. Больше всего «русинов» по данным переписи проживало в Дрогичиснском повете в гминах Бездеж (деревни Лядовичи, Ополь, Вавалучи, Тулятичи), Дружиловичи (деревни Дружиловичи, Новолучки), Одрижин (деревня Глинно) и Кобринском повете в гминах Антополь, Городец, Мокраны (деревня Борки – 570 чел.), Борки, Рогожна. В гмине Лахва Лунинецкого повета было зафиксировано 1547 русинов. В Брестском повете русины проживали в гминах Домачево, Мотыкалы, Олтуш, Ратайчицы, Верховичи, Турна (деревня Хмелево – 378 чел.) [10].

Что касается конфессиональной принадлежности, то 77,8 % считали себя православными, 13,8 % – приверженцами иудаизма, 7,9 % – католиками, а 0,5 % населения были представителями иных религий [7, с. 89].

Согласно данным переписи 1921 г. большинство деревень в Полесском воеводстве по составу населения являлись православными. К деревням с преобладающим католическим населением можно отнести такие, как Пелище (525 католиков из 786 жителей), Богдюки (246 из 312), Турна (329 из 420),

Лесная (162 из 242), Лешанка (163 из 195) Брестского повета; Бошня (150 из 152) Дрогичинского повета, Митковичи (100 % жителей – 203 человека – католики), Малые Островичи (все 178 жителей – католики), Осово (223 католика из 345 жителей) Лунинецкого повета; Городище (432 католика и 131 православный житель) Пинского повета; Сегневичи (424 католика из 468 жителей) Пружанского повета. Ярким примером деревень с поликонфессиональным составом могут быть Радзиловичи Лунинецкого повета, где в 1921 г. проживало 37 католиков, 816 православных, 10 протестантов, 44 иудея. В деревне Великое Село Пружанского повета 365 жителей были католиками, 244 – православными, 21 – иудеями. В деревне Святая Воля Коссовского повета 377 жителей были православного вероисповедания, 52 – католики, 183 – иудеи. Из 594 жителей деревни Замосты Брестского повета 305 жителей были иудеями, 290 – православными, 82 – католиками. В деревне Чернавчицы Брестского повета из 749 жителей 138 были католиками, а 428 – иудеями.

Таким образом, евреи проживали не только в местечках, но и в деревнях. Для Полесского воеводства не было редкостью, когда среди жителей деревни было 10–20 иудеев. Как правило, это были крупные деревни или расположенные вблизи местечек или городов. К деревням с большим числом иудеев можно отнести такие, как Лядовичи (75 чел.) и Симоновичи (83 чел.) Дрогичинского повета, Черняны Брестского повета (105 чел.), Бежево (101 чел.) Лунинецкого повета. А в деревне Якубово (гмина Вороцевичи) Дрогичинского повета иудеями являлись 155 человек из 177 жителей. В Ружанской гмине Коссовского повета размещалось две крупных колонии, жителями которых были только иудеи: Константиново (228 чел.), Павлово (301 чел.). Тоже было характерно и для колоний Абрамово (97 жителей) и Сарово (47 жителей) Брестского повета [10]. Уже упомянутые выше колонии Нейбров и Нейдорф Брестского повета являлись крупными голландскими поселениями. Согласно официальной статистике, в 1921 г. в Нейброве насчитывалось 233 двора, а население колонии составляло 1 381 человек, в т.ч. 1 163 жителя евангелического вероисповедания (лютеране) [10]. В Нейдорфе было 228 жилых домов, 1 252 жителя, из которых 732 лютеранина. История т.н. «бужских голендров» является одной из интереснейших и малоизученных страниц в истории Домачевского региона. Это были немецкоязычные поселения, жителями которых были потомками по одной из версий выходцев из Прусского княжества, по другой – из Вюртемберга, по третьей – голландцев с низовья Вислы. Так или иначе, очевиднее всего в период со второй половины XVI в. (1564 г.) по начало XVII в. (1617 г.) были основаны эти два поселения по правому берегу р. Буг – Нейдорф и Нейбров [3].

Обращает на себя внимание существенное расхождение результатов переписи между такими категориями населения, как «православные» и «беларусы». Очень частыми были случаи отнесения православных жителей деревень к польской национальности. Только по Брестскому повету можно привести много таких примеров. Так, из 400 жителей православного вероисповедания в деревне Дмитровичи 391 был записан как «поляк». Все 123 православных жителя деревни Рожковка были отнесены к польской национальности. В деревне Дубок (гмина Приборово) все 270 православных жителя были записаны как «поляки». В деревне Кустычи (гмина Ротайчицы) все 222 жителя православного вероисповедания были отнесены к полякам. Абсолютное большинство жителей уже упомянутых колоний Нейбров и Нейдорф было отнесено к польской национальности [11]. Часто к полякам причисляли и иудеев.

Заклучение

Традиционная модель общества в сочетании с локальной самоидентичностью и низким национальным самосознанием создали специфический характер сельского населения Полесского воеводства. Местные власти пытались использовать эти недостатки в проводимой в регионе национальной политике, направленной на национально-культурную ассимиляцию и полонизацию. Однако такие характерные для Полесья признаки, как периферийность, труднодоступная местность, низкий уровень урбанизации, удаленность от крупных научных, культурных и образовательных центров в какой-то мере замедляли осуществление ассимиляционных процессов. С одной стороны, традиционализм, регионализм, локальная замкнутость, приверженность местным обычаям способствовали сохранению белорусами-полешуками своей самобытности. С другой, при недостаточном государственном финансировании, Полесье по-прежнему оставалось аграрным и экономически отсталым регионом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши: [пер. с польского] / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак [предисл. З. М. Черниловского]. – М. : Юридическая литература, 1980. – 559 с.
2. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 139 с.
3. Пачкаев, Н. Евангелическо-лютеранская община / Н. Пачкаев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.domachevo.com/historu-luterane-ru.htm>. – Дата доступа : 08.04.2020.
4. Памяць: Іванаўскі раён: гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал. : Р. Р. Бысюк [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997.
5. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. – Кн. 1 / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 593 с.
6. Статистические сведения о количестве репатриированного населения // Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2001. – Л. 1.
7. Эберхард, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898 – 1989 гг. / П. Эберхард. – Менск : Беларускі фонд Сораса, 1997. – 282 с.
8. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 621 с.
9. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1927. – S. 18–22.
10. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – T. VIII. Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1924.
11. Sleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Sleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 336 s.
12. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / Janina Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : Rytm ISP PAN, 2003. – 418 s.

Pashkovich Alena. Rural settlements of the Polesky Voivodeship in the 1920s: administrative-territorial structure, demography structure

The article discusses the administration system, which was built on the village after the joining of Western Belarus to Poland. The main attention is paid to the most common types of rural settlements in the Polesian voivodeship. Based on the results of the census 1919 and 1921, an analysis of the demographic state and the ethnocon confessional structure of rural settlements is carried out.

Key words: *Western Belarus, Polesie voivodeship, demography, rural settlements, polonization.*

Посохина Г. И.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Статья посвящена анализу основных концепций внешней политики КНР в эпоху проведения политики реформ и открытости. Каждый новый исторический этап, связанный со сменой поколений китайских лидеров, характеризовался как преемственностью, так и появлением новых концептуальных идей во внешнеполитической стратегии. В статье рассматриваются новые стратегические идеи и дипломатические инициативы Китая, современные подходы китайского руководства к международным проблемам и тем вызовам, которые встают перед страной.

Ключевые слова: Китай, КПК, внешняя политика, «теория гармоничного мира», концепция «китайской мечты», концепция «сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина.

Введение

С момента своего создания в 1949 г. и до настоящего времени Китай не раз менял свою внешнеполитическую стратегию. В первую очередь, это было связано с изменениями во внутренней политике страны. В соответствии с официальной китайской историографией, в истории компартии Китая сменилось пять поколений руководителей: первое поколение – поколение Мао Цзэдуна, второе – Дэн Сяопина, третье – Цзян Цзэминя, четвертое – Ху Цзиньтао, нынешнее, 5-е, возглавляет Си Цзиньпин. Каждое из поколений китайских руководителей внесло свой вклад в теорию построения социалистического общества, в формирование основ внешнеполитического курса страны.

Основная часть

Переломный момент в формировании внешнеполитической стратегии Китая произошёл на III пленуме ЦК КПК, состоявшемся в 1978 г. Именно там были заложены теоретические основы современной внешней политики КНР. На пленуме был сделан акцент на необходимости экономических преобразований внутри страны, и внешняя политика должна была служить фактором, обеспечивающим благоприятные внешние условия. Китай приступает к построению «социализма с китайской спецификой», что было связано с проведением радикальных экономических реформ. В связи с этим Китай фактически избегал проведения активной внешней политики, не присоединялся к блокам, не выступал с глобальными инициативами, не вмешивался в региональные конфликты. По мнению российского исследователя И. Е. Денисова, «мотивами Дэн Сяопина при выработке «скромной» внешнеполитической доктрины были не только экономия ресурсов, необходимых прежде всего для внутреннего развития, но и боязнь проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам... Проигрыш на «внешнем фронте» для китайского руководства означал шаг к делегитимации власти КПК» [1].

Главным содержанием внешней политики Китая стал отказ китайских руководителей от поиска постоянных противников, от постоянного противоборства, что было характерной чертой внешней политики Китая в предшествующий период. На первый план выходят проблемы обеспечения мирного стабильного

окружения, вопросы развития, расширения экономических и научно-технических контактов.

Основной концепцией внешней политики Китая, дошедшей с середины XX в. до наших дней, стали «пять принципов мирного сосуществования». Впоследствии данные принципы были включены в Конституцию КНР 1982 г.: «Китай последовательно проводит независимую самостоятельную внешнюю политику, твёрдо придерживается пяти принципов – взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования» [2].

Вскоре руководство КНР выдвигает концепцию «комплексной государственной мощи», суть которой заключалась в том, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяются не только величиной его военного потенциала, но и уровнем экономического и научно-технического развития. В конце 1980-х гг. в анализе международной обстановки китайское руководство делает акцент на многополюсности современного мира, что означало конец безраздельного доминирования «одной-двух сверхдержав» и демократизацию международных отношений.

В дальнейшем, в условиях роста экономической мощи, Китай стремится исключить негативное влияние со стороны США и других иностранных держав и расширить своё участие в поддержании существующего международного порядка. Китайское руководство в первой половине 1990-х гг. выдвигает важные концептуальные положения о необходимости установления мирного, стабильного, справедливого и разумного нового международного порядка [3, с. 120].

В 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь в своём выступлении на XV Всекитайском съезде КПК заявил, что Китай будет придерживаться внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина, т.е. твёрдо придерживаться мирного курса, курса самостоятельности и независимости внешней политики. Выступая на XVI съезде Компартии Китая, Цзян Цзэминь перечислил главные угрозы, стоящие перед его страной и всем миром: В частности, он упомянул несправедливый и нерациональный международный экономический порядок, а также локальные конфликты, вспыхивающие в регионе из-за этнических, религиозных и территориальных факторов: «Несправедливый и неразумный старый международный политический и экономический порядок не изменился в корне. Нарастают непредсказуемые факторы, которые оказывают влияние на мир и развитие. Факторы угрозы безопасности в традиционном понимании переплетаются с факторами такой угрозы в нетрадиционном понимании, растёт вред терроризма. Возникли новые формы проявления гегемонизма и политики силы, то и дело вспыхивают конфликты на почве национально-религиозных противоречий, пограничных и территориальных споров... Но как бы ни менялась международная ситуация мы будем неизменно проводить независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику. Внешняя политика Китая призвана защищать мир во всём мире и содействовать совместному развитию... Мы выступаем за создание справедливого и разумного нового политического и экономического порядка Мы выступаем против гегемонизма и силовой политики во всех их формах. Китай никогда не будет претендовать на гегемонию и заниматься экспансией» [4].

«Концепция нового международного порядка» может рассматриваться в качестве важнейшей теоретической основы внешней политики Китая. В начале 2000-х гг. она была дополнена концепцией «гармоничного мира», разработанной председателем КНР Ху Цзиньтао. В её основу были положены традиционные китайские ценности. Социальная гармония всегда являлась неотъемлемой частью менталитета китайского народа, его культурных ценностей. Лозунг «гармонии» вошёл в официальную идеологию и стал одним из символов правления Ху Цзиньтао.

В 2007 г. на XVII съезде КПК Ху Цзиньтао вновь призвал к строительству «гармоничного мира» для противостояния вызовам, возникшим перед человечеством в последнее время. Основой политической стратегии китайского лидера стали следующие положения: «гармоничное общество» во внутренней политике и «мирное развитие» во внешней политике. Результатом усилий китайского руководства по реализации этой стратегии стала большая открытость внешней политики Китайской Народной Республики, её нацеленность на достижение мира и развитие сотрудничества [5].

Дальнейшие экономические успехи Китая привели к усилению его влияния на мировой арене и появлению амбиций мировой державы. Выступая на XVIII съезде КПК 29 ноября 2012 г., новый генеральный секретарь ЦК КПК, лидер «пятого поколения» китайских руководителей Си Цзиньпин провозгласил новую концепцию «Чжунго мэн» – «Китайская мечта» о великом возрождении китайской нации. Эта концепция была выдвинута фактически без предварительного коллективного обсуждения и партийных дебатов, сразу после избрания Си Цзиньпина главой партии. В дальнейших выступлениях и докладах уже в ранге председателя КНР Си Цзиньпин назвал три главных условия осуществления «Китайской мечты»:

1. Неотступное движение по пути социализма с китайской спецификой.
2. Возвышение духа китайской нации, сердцевиной которого является патриотизм; возвышение духа эпохи, сердцевину которого составляют реформы и новаторство.
3. Объединение сил нации.

Председатель Си определил и этапы достижения поставленной цели:

- а) к 100-летию основания Компартии Китая (2021 г.) решить задачу создания общества сяокан – средней зажиточности;
- б) к 100-летию образования КНР (2049 г.) решить задачу создания богатого, цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства [6].

В целом, во время первого пятилетнего срока Си Цзиньпина сохранялись основы того внешнеполитического курса, который был заложен ещё Дэн Сяопином. В октябре 2017 состоялся XIX съезд Компартии Китая, который стал знаковым событием. По сравнению ситуацией, сложившейся в преддверии XVIII съезда КПК, Китай столкнулся с новой тенденцией – снижением темпов ежегодного прироста валового внутреннего продукта (ВВП) с 9–11 % в 2002–2011 гг. до 6–9 % в 2012–2016 гг. [7, с.9].

Это объясняется это как внутренними причинами – достигнут высокий объём ВВП, что приведёт к большим сложностям при попытке обеспечить ещё более высокие показатели ВВП, так и внешними – связанными со значительным

снижением спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса. По мнению ряда экспертов, предполагалось, что на съезде будут внесены существенные корректировки в проведение политического и экономического курса китайского руководства, направленные на большую либерализацию экономической и политической жизни для более тесной интеграции с мировой экономикой. Но КПК в очередной раз подтвердил свою приверженность «социализму с китайской спецификой». Об этом свидетельствует тот факт, что в основных документах, принятых на съезде, подтверждено, что Китай идёт к осуществлению «двух вековых целей» – к 2020 г. (100-летию образования КПК) построить общество «малого благоденствия» (сяокан шэхуэй) и к 2049 г. (100-летию образования КНР) построить «богатую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую мощную державу» [7, с. 11].

Съезд признал наличие у Си Цзиньпина концептуальных идей, которые двигают вперёд развитие не только современного Китая, но и всего человечества. Включение в партийные документы в качестве идеологической основы текущих преобразований «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новом веке» означает укрепление его власти, как внутри партии, так и в государстве. Фактически Си Цзиньпин был поставлен в один ряд с такими политическими деятелями, как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин.

Следует отметить, что основное внимание на съезде было уделено внутренним проблемам Китая. Но это не означало, что Китай намерен проводить курс на самоизоляцию и отказываться от глобальных амбиций. «Ни одна страна не может в одиночку справиться с разнообразными вызовами, стоящими перед человечеством, и ни одна страна не может вернуться обратно на закрытый изолированный остров» – заявил китайский лидер [8].

Миссия нынешних китайских руководителей состоит в превращении Китая в могущественное современное государство, чьё влияние будет распространяться и за пределы его границ. Но в официальных китайских документах делается акцент на том, что дальнейший рост влияния Китая в мире будет происходить не так, как это происходило раньше в истории человечества, т.е. через конфликты и войны. Официальный Пекин заявляет об отказе от агрессии, силовой политики и гегемонизма: «Китай будет неизменно проводить независимую, самостоятельную, мирную внешнюю политику, уважать право народов всех стран на самостоятельный выбор пути развития, защищать равенство и справедливость в международных отношениях, выступать против навязывания своей воли другим, против вмешательства во внутренние дела других стран, против притеснения слабых сильными... Китайская национальная оборона носит оборонительный характер. Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии» [8].

В докладе Си Цзиньпина на съезде отмечалось, что человечество находится перед лицом множества общих вызовов: выраженная нестабильность и неопределенность в мировом развитии, недостаток драйверов для роста мировой экономики, непрерывно увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, возникающие одна за другой острые региональные проблемы. Продолжают нарастать

терроризм, киберопасность, особо серьёзные инфекционные заболевания, климатические изменения и другие нетрадиционные угрозы безопасности.

В качестве крупных заслуг Китая на съезде отмечалось участие страны в реализации целого ряда проектов, таких как «Один пояс – один путь» (беспрецедентный по масштабу план развития транспортной инфраструктуры на всём Евразийском континенте), участие в деятельности БРИКС, ШОС. При Си Цзиньпине Пекин стал инициатором создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Фонда Шёлкового пути и Нового банка развития – трёх международных финансовых учреждений с совокупным уставным капиталом более 200 млрд долл. Тем самым Китай продемонстрировал стремление играть более активную роль в мировой политике. Идеологическим обоснованием этой политики стала концепция «сообщества единой судьбы», озвученная Си Цзиньпином ещё в 2015 г. на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Мы призываем народы всех стран, – заявил на съезде китайский лидер, – общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества, создавать чистый и прекрасный мир, где царит долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность. Мы должны уважать друг друга, проводить равноправные консультации, с твёрдой решимостью отказаться от менталитета холодной войны и политики силы. К межгосударственным отношениям следует применить новые подходы, исходящие из диалога и партнёрства, а не конфронтации и блокового мышления» [8].

В настоящее время мир стоит на пороге глобальных перемен, происходят грандиозные изменения, меняется ситуация на международной арене. Актуальным остаётся вопрос, какой будет внешняя политика Китая в предстоящем десятилетии, какими будут внешнеполитические шаги Китая в условиях новых вызовов, стоящих перед страной, когда США и страны Евросоюза проводят откровенную политику «сдерживания Китая через санкционные механизмы».

В октябре 2020 г в Пекине прошёл 5-й пленум ЦК КПК 19-го созыва, на котором были одобрены рекомендации ЦК относительно содержания 14-го пятилетнего плана. По оценкам китайских экспертов Китай завершил 2020 г. с наилучшими результатами среди крупных экономик мира (2,3 % рост). Но теперь КНР предстоит научиться жить в условиях резкого ухудшения внешней конъюнктуры и сильно возросшей неопределённости. Внешнеполитическая ситуация остаётся крайне неблагоприятной и сохраняется значительная вероятность введения новых санкций со стороны США и их партнёров. Китай фактически отказался от обозначения ориентиров экономического роста на предстоящую пятилетку. Вероятно, речь идёт о нежелании придавать слишком большую значимость долгосрочным целевым показателям в условиях глобального экономического и политического кризиса [9].

В 2021 г. человечество столкнулось с новыми вызовами и угрозами, связанными с началом пандемии коронавирусной инфекции. Китайское руководство в этой связи озвучило идею о «создании сообщества здравоохранения человечества» и другие важные инициативы, такие как объединение усилий в совместной борьбе с эпидемией, поддержка профильных международных организаций в лице ВОЗ и др. Китай развернул глобальную гуманитарную кампанию, в рамках которой противоэпидемическую помощь получили более 150 стран

и 10 международных организаций. Китай поставил более 220 млрд шт. масок, 2,3 млрд защитных костюмов и 1 млрд тест-приборов. «В этих практических шагах, – как заявил Член Госсовета, Министр иностранных дел Китая Ван И, – находит отражение искренний настрой Китая на формирование сообщества единой судьбы человечества» [10]. Со дня выдвижения генсеком КПК этой важной инициативы она постоянно обогащается и совершенствуется её теоретическое и практическое наполнение. Лидер Китая Си Цзиньпин на разных международных трибунах разъясняет приверженность КНР многосторонним подходам, принципам «совместного обсуждения, совместной реализации и совместного пользования» и «концепцию о формировании сообщества единой судьбы человечества». Китай выступает за реформирование систем глобального управления, отстаивает «ооноцентричную» международную систему и миропорядок, основанный на верховенстве международного права. Для формирования мирного, защищённого, открытого и совместного международного киберпространства Китай выдвинул «Инициативу по глобальной безопасности цифровых данных» [9].

Эти инициативы находят всё больше понимания не только у традиционно дружественных стран, но и среди новых партнёров Китая – от близких соседей вплоть до стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Заключение

Таким образом, в последнее время важной частью внешнеполитического дискурса Китая становятся пропаганда китайского вклада в развитие глобального управления, а также идея общности судьбы Китая с судьбой мира. При этом внешняя политика КНР становится всё более агрессивной в защите своих национальных интересов. Совершенно очевидным является тот факт, что задача «великого возрождения китайской нации» будет являться главным приоритетом китайского руководства вплоть до 1949 г.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Денисов, И. Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине : преемственность и новаторство / *И. Е. Денисов* // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2016. – Т. 10. – № 5. – С. 83–98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mgimo.ru>. – Дата доступа : 11. 09. 2021
2. Конституция КНР 1982 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://rcit.su> – Дата доступа : 15. 09. 2021
3. *Голобоков, А. С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / *А. С. Голобоков* // *Ойкумена.* – 2010. – № 3. – С. 117–124. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru>. – Дата доступа : 15. 09. 2021
4. Доклад Цзян Цэминя на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://russian.china.org.cn/russian>. – Дата доступа : 16. 09. 2021
5. Ху Цзиньтао об углубленном претворении в жизнь научной концепции развития [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://russian.china.org.cn/russian>. – Дата доступа : 11.09.2021.
6. *Лукьянов, А. Е.* Философские прообразы «Китайской мечты» [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.kitaichina.com/se/txt/2016-02/05/content_712793.htm. – Дата доступа : 18.09.2021
7. *Островский, А.* XIX съезд КПК: новые задачи перед страной – новые вызовы / *А. Островский* // *Азия и Африка сегодня.* – 2018. – № 1. – С. 9 – 16.

8. Си Цзиньпин. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19 съезде КПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.china-embassy.org>. – Дата доступа : 11.09.2021.

9. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР / Аналитическая записка 6/03/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cctis.hse.ru>. – Дата доступа : 19.09.2021.

10. Ван И. Способствовать великому возрождению китайской нации 2021/01/09 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.china-embassy.org>. – Дата доступа : 11.09.2021.

G.I. Posokhina. Conceptual framework for contemporary China's foreign policy

The following paper focuses upon the analysis of the main concepts found in the PRC's foreign policy during the period of the policy of reforms and openness. Each new historical stage associated with the generation changes among Chinese leaders was characterized by both continuity and emergence of new conceptual ideas within the country's foreign policy strategy. The paper studies China's new strategic ideas and diplomatic initiatives, as well as the contemporary ways the Chinese leadership approaches international problems, and the challenges the country faces.

Keywords: *China, CPC, foreign policy, the theory of "harmonious world", the concept of Chinese dream, Xi Jinping's concept of "community of common destiny for mankind"*

УДК 902/904(476)

Синчук И. И.

РАСКОПКИ НА МОЗЫРСКОМ ЗАМЧИЩЕ В АВГУСТЕ 1988 Г.

В 1988 г. экспедицией НИИ «Белспецреставрация» были выполнены археологические исследования на территории Мозырского замчища, памятника археологии XII – XVII вв. с целью изучения культурного слоя. Выполнено 2 раскопа, 13 шурфов и привлечен материал 21 геоскважины. Обнаружено большое количество венчиков керамической посуды времен существования замка.

Введение

Археологические исследования на территории Мозырского замчища, памятника археологии XII–XVII вв., были выполнены в августе 1988 г. экспедицией НИИ «Белспецреставрация» под руководством Синчука И. И. [1; 2].

Главной целью работ было изучение культурного слоя в зоне предполагаемого строительства 112-квартирного жилого дома. Для исследования памятника заложено у западного и южного склонов Замковой горы 2 раскопа общей площадью 36 кв. м. и 12 шурфов площадью 42 кв. м. Шурфом 13 названа промоина на северном склоне. На замчище зафиксирована траншея, вырытая под канализацию (длина 16 м), собраны сведения о 21 геоскважине. Отметки даны в балтийской системе.

Кроме того, проведена разведка по течению реки Припять, собран подъемный материал в районе Примостовой площади, на месте обнаружения клада монет XVII в. (1,5 км от Примостовой площади) в районе Цистерцианского монастыря. В границах охранной зоны проведено наблюдение за земляными работами на площади Горького (траншея 2).

Находки публиковались ранее отдельно по категориям (керамическая посуда, стеклянные браслеты, металлические изделия) [3–6].

Основная часть

РАСКОП 1. Заложен во дворе бывшей гимназии около юго-восточного угла здания с целью изучения культурного слоя (л. 3). Его площадь равна 20 кв. м. и разбита на 5 квадратов со сторонами 2x2 м. Кв. 5 примыкает к стене здания.

Пл. 1. Под слоем гумуса идет серый слой с бытовым мусором XX в. На границе кв. 1 и 2 выявлена бетонная плита, в кв. 2 и 4 – кирпичный колодец второй половины XX в.

Пл. 2. Продолжается серый слой, в кв. 5 и северо-западной части квадрата 3 – темно-серый культурный слой. Обнаружен кованый гвоздь (кв. 1), фрагмент донца стопки XIX в. (кв. 2), фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды конца XIX – начала XX в.

Пл. 3. Посредине раскопа выявлена теплотрасса, которая не нанесена на подоснову. Частью теплотрассы является описанная в пл. 1 бетонная плита. Культурный слой перекопан почти по всей площади раскопа, не потревоженные части сохранились фрагментарно по краям раскопа (в первую очередь северо-западная часть кв. 3 и северо-восточная кв. 5). Встречаются вещи конца XIX – начала XX в., из перекопа происходят находки конца XVIII – XIX вв.

Пл. 4. На границе кв. 3–4 выявлен бетонный колодец, в кв. 1–2 на глубине 80 см от дневной поверхности начался песок. Характер находок прежний, в кв. 3 найдено донце цилиндрической бутылки 18 в. Продолжили выборку грунта в кв. 3–5 с менее потревоженным слоем.

Пл. 5. Стратиграфия прослеживается в кв. 3, стали отчетливо видны границы перекопов. Под слоем песка (подсыпка?) идет глинистая прослойка толщиной 10 см, которая понижается в сторону здания.

Пл. 6–10. Начался чёрный культурный однородный слой с материалами конца XVIII – первой пол. XIX в., который прослеживается в кв. 3 и кв. 5. В пл. 7 в кв. 5 выявлены остатки бревен и досок, вероятно, это следы какого-то деревянного сооружения, которое было повреждено при прокладке водопроводной трубы по центру кв. 5 на глубине пл. 8. В кв. 5 вскрыта часть бутового фундамента здания гимназии, повреждённого при прокладке водопроводной трубы. Материк залегает на глубине 1,60–1,90 м от дневной поверхности, падение материка прослеживается в направлении здания гимназии.

РАСКОП 2. Заложен во дворе приёмного пункта стеклотары у юго-западного склона Замковой горы для изучения культурного слоя. Его площадь равна 16 кв. м и разбита на 4 квадрата со сторонами 2x2 м. Раскоп ориентирован по сторонам света. Раскопом выявлены остатки фундамента столярной мастерской домоуправления № 1, сооруженной в послевоенное время на песчаной подсыпке и снесённой в 1976 г. В кладке фундамента вторично использованы кирпичи старой постройки (табл. 1).

Таблица 1 – Размеры кирпича фундамента (в см)

30,0x?x9,5	?x14,0x9,0
28,0x?x9,0	?x14,0x9,0
29,0x?x9,0	?x14,0x7,5
27,0x?x9,0	?x16,0x7,5
27,0x?x9,0	?x12,0x7,5
28,0x?x10,0	? x15,0x8,0
?x15,0x8,0	? x14,0x7,5
? x15,0x9,0	? x16,0x7,5

Ниже подсыпки идет слой слежавшегося материкового песка с прослойками различных оттенков белого и желтого цветов. Находки датируются второй половиной XX в.

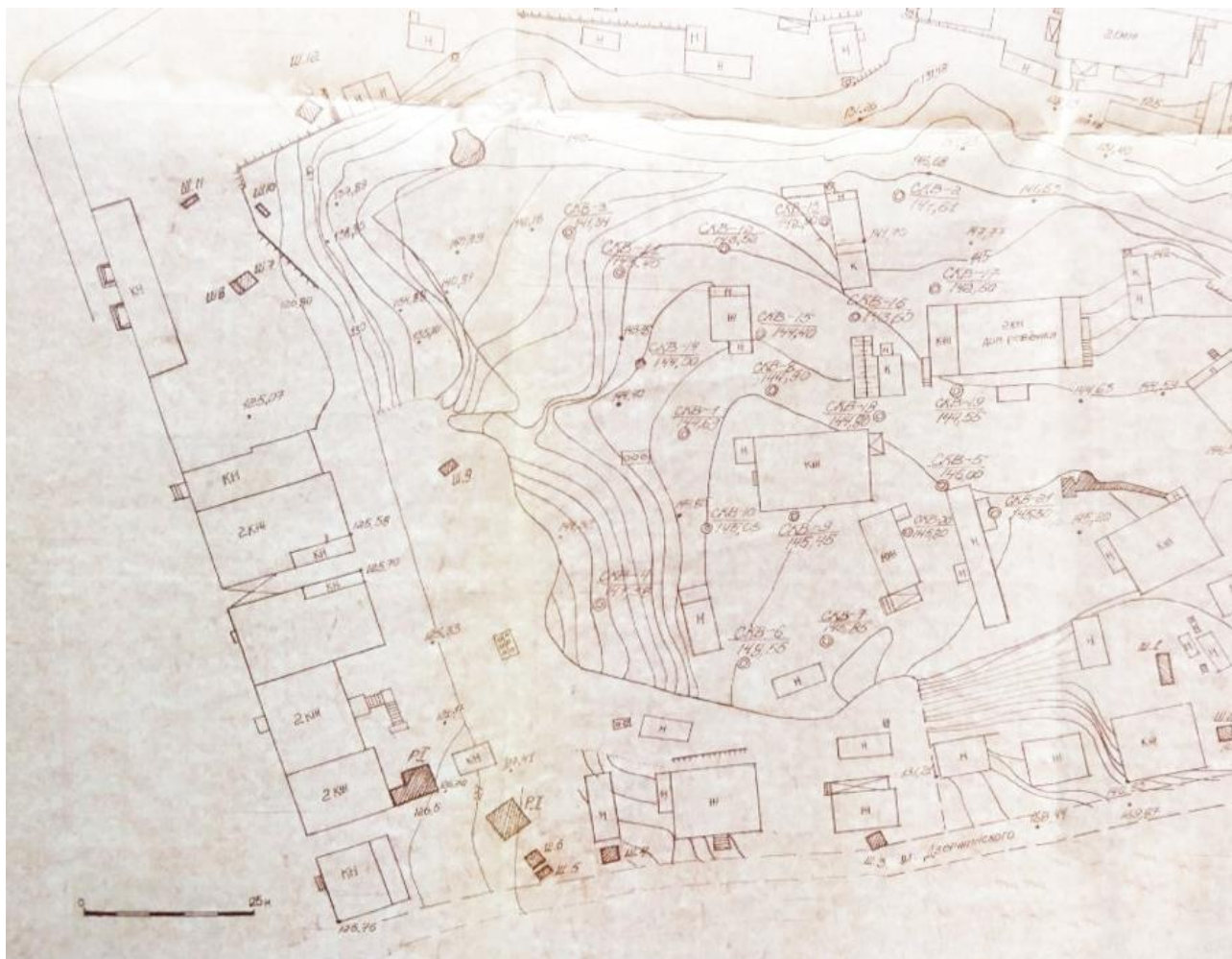

Рис. 1. Схема размещения раскопов, шурфов, геоскважин

ШУРФ 1 (4x2 м). Заложен на месте предполагаемой трассы подводки коммуникаций к дому № 7 по ул. Дзержинского.

Пл. 1. Слой гумуса и тёмно-серый слой. Находки датируются конца XVIII – начала XX в.

Пл. 2–3. Слой песчаной подсыпки, вероятно, конца XIX в. Выявлены следы обширных перекопов.

Пл. 4. На глубине 0,15 м под слоем песка идет тонкая (5–7 см) прослойка темно-серого цвета. Датированных находок нет. Материк начинается на глубине 0,8 м.

ШУРФ 2 (2x2 м). Заложен на трассе, предполагаемой подводки коммуникаций к дому № 7 по ул. Дзержинского.

Пл. 1–3. Под слоем гумуса темно-серый слой, в котором встречаются материалы XVI – XX вв. Образован, вероятно, в результате подсыпки культурным слоем с Замковой горы в конце XIX в.

Пл. 4–6. Идет светло-серый слой с материалом XIX в., по северному профилю виден перекоп, который доходит до уровня материка из суглинка (1,20 м).

ШУРФ 3 (1,5x2,0 м). Заложен около мостовой ул. Дзержинского около дома № 3 с целью изучения культурного слоя.

Шурф копался на глубину 1,30 м. В пл. 1–2 в светло-сером слое встречаются находки XVII– XVIII вв. (стекла кварты, венчики тарелки, дымленого горшка, курительной трубки) и много фрагментов белоглиняной посуды XIX – нач. XX в., расписанных красным ангобом (горшки, кувшины).

В пл. 3–4 встречаются среди гравия фрагменты горшков, мисок и латок конца XVIII – начала XX в. Вероятно, и светло-серый слой пл. 1–2, и нижележащий гравий – следы нивелировки поверхности при строительстве конца XIX в.

ШУРФ 4 (2x2 м). Заложен во дворе дома № 1 по ул. Дзержинского на расстоянии 2,0 м от мостовой (л. 8).

Выборка грунта велась по пластам толщиной 20 см. В результате выяснили, что культурный слой образовался вследствие нивелировки поверхности в конце XIX – второй половине XX в. и содержит материалы этого времени. Материк начинается на глубине 1,00 м в восточной части шурфа, в западной – на глубине 1,55 м.

ШУРФ 5 (1,0x2,0 м). Заложен около мостовой по ул. Дзержинского западнее шурфа 4 на расстоянии 6,00 м с целью изучения культурного слоя (л. 8).

Пл. 1–10 содержат хронологически разновременный материал. Культурный слой поврежден перекопом конце XIX – первой половины XX в. На глубине 1,90 м выявлен фрагмент кирпичной кладки из большемерного кирпича-пальчатки.

Пл. 11–12. По северному профилю фиксируется темно-серый культурный слой с тонкой прослойкой песка. Содержит материалы XVI – XVII вв. Материк начинается на уровне 2,25 м от дневной поверхности.

Пл. 13–15. В северной части шурфа идёт суглинок материка, в южной – перемешанный светло-серый культурный слой с материалами XVI – XVIII вв.

ШУРФ 6 (2x2 м). Заложен на расстоянии 2.20 м от мостовой ул. Дзержинского в юго-западном углу двора пункта приёма стеклотары с целью изучения выявленных шурфом 5 фрагментов строения.

Пл. 1–5 содержат материалы первой половины – середины XX в. На глубине 1,10 м выявили стену из кирпича-пальчатки большого размера (табл. 2).

Таблица 2 – Размеры кирпича стены (в см)

36,5x16,5x8,0	33,0x17,0x9,0
?x17,0x8,0	33,0x17,0x8,5
?x17,0x9,0	35,5x?x8,0
?x17,0x8,5	?x17,0x9,0
?x17,0x8,0	?x17,5x9,5
35,0x17,0x8,0	34,5x17,0x8,5
33,0x?x9,0	32,5x?x8,5
?x17,0x10,0	?x18,5x8,0
32,5x17,0x8,0	?x18,0x8,0
32,5x17,0x8,0	?x17,0x8,0
?x16,5x8,0	28,5x17,0x8,0

Ширина стены 52 см. В стене выявлен проём в 84 см (в узкой части) и 1,21 м (в широкой части). С востока к старой кладке подходит стена из битого кирпича на цементе, которая залегает почти на одинаковой глубине с древней кладкой. Вся сохранившаяся часть кладки XVI в. запущена в светло-серый песок. Кладка кончается на глубине 2,45 м от дневной поверхности. находки немногочисленны, носят явно случайный характер (пл. 8 – фрагмент неполированного венчика XVIII в., неполированная миска полного профиля XVIII – XIX вв.).

Особо следует отметить ранее не известный большемерный кирпич 16 в. с двусторонними бороздами, открытый шурфами 5 и 6 (рис. 2). Размеры кирпичей выявленного сооружения 32,5–36,5x16,5–18,5x8,0–10,0 см.

Рис. 2. Целый экземпляр большемерного кирпича XVI в. с двусторонними бороздами, вид с обеих сторон.

ШУРФЫ 7–8 (2x2, 1x1 м). Шурфы заложены к западу от Замковой горы у её подошвы с целью изучения культурного слоя. Шурф 7 начинается на расстоянии 3,0 м от крепёжной кирпичной стены, шурф 8 прирезан к западу от шурфа 7.

Шурфами выявлен сруб размерами 1,50x1,80 м, сделанный из досок в первой половине XX в. Сруб использовался под отстойник воды у посудомойки столовой. Позднее был использован как мусорная яма под битую посуду. В срубе обнаружена масса фрагментов фаянсовой посуды 20-х – 30-х гг. XX в., из них с клеймами фабрики им. Калинина – 11, Всеуктреста – 11, Гос. Тверской фабрики – 1, фабрики Красный фарфорист в Грузино – 2. На глубине 0,83 м от дневной поверхности выявили рядом со срубом лавку бондаря конца XIX – первой половины XX в.

ШУРФ 9 (1x2 м). Заложен к западу от Замковой горы у её подошвы с целью изучения культурного слоя.

Пл. 1–3. Образованы строительным мусором конца XIX – первой половины XX в.

Пл. 4. Пласт образован битыми кирпичами разных размеров: 26,0x12,5x7,0; ?x12,5x6,5; ?x13,5x7,0; ?x12,0x6,5; ?x12,0x6,5. В нём встречены электрический провод в оплетке и др. предметы начала XX в. На глубине 0,75 м начинается материковый песок.

ШУРФ 10 (1x2 м). Заложен на западном склоне Замковой горы над крепезной кирпичной стеной с целью изучения культурного слоя. Копался до глубины 1,20 м. Материковый суглинок начинается на глубине 1,0 м. Пл. 1–5 образованы мусором второй половины XX в.

ШУРФ 11 (1,5x2,0 м). Заложен к западу Замковой горы у её подошвы с целью изучения культурного слоя.

Пл. 1. Под слоем гумуса выявлено булыжное мощение на песчаной подсыпке. Находок нет.

Пл. 2–3. Пласт начинается с полоски интенсивного черного цвета (слой жженого дерева?), ниже – слой светло-серого песка с угольной прослойкой. Найдено 3 горлышка бутылок XIX в., 3 донца бутылок этого же времени, 20 фрагментов фаянсовой тарелки XIX в.

Пл. 4. Под светло-серым слоем идёт в северо-западном углу линза охристого суглинка.

Пл. 5–8. Темно-серый слой, который на глубине 1,20–1,30 м пересекает полоска угольев. Среди находок – помадные банки XVIII – начала XIX в., горлышки и донца бутылок того же времени, донца и венчики стаканов конца XVIII – первой половины XIX в.

Пл. 9. Слой чёрного цвета, в котором материалы конца XVIII – первой половины XIX в.

Пл. 10–11. Идёт слой темно-серого цвета. Среди находок – фрагменты ножи рынка конца XVIII – начала XIX в., фрагмент чернильницы конца XVIII – начала XIX в. На глубине 2,05 м начинается материк из песка.

ШУРФ 12 (2x2 м). Заложен с северо-западной стороны Замковой горы у её подошвы с целью изучения культурного слоя. Шурф копался на глубину 1,30 м, им открыт фрагмент погребка середины – второй половины XX в. В восточной части шурфа материк из суглинка начинается на глубине 0,15 м от дневной поверхности. Среди находок можно отметить горлышко цилиндрической банки темно-зелёного стекла конца XIX – начала XX в.

ШУРФ 13 (ок.16 кв. м). Шурф заложен в промоине, которая образовалась на верхней кромке Замковой горы с северной стороны. Повреждённый во время самовольных раскопок профиль зачищен. Во время переборки вымытого слоя найдены материалы XII – XVII вв.: 9 фрагментов стеклянных браслетов конца XII – начала XIII в., 2 шиферных пряслица, шиферный крестик того же времени, большое количество фрагментов неполивной керамики. В профиле толстая прослойка крупной рыбьей чешуи. Промоина засыпана привозным грунтом.

Рис. 3. Стекланные браслеты, шиферные и известковое пряслица, шиферный нагельный крестик из траншеи 1 и шурфа 13.

ТРАНШЕЯ 1 (ок. 20 кв. м.). Траншеей 1 названа зафиксированная на Замковой горе вырытая под канализацию траншея, часть которой (примыкающая к дому 1 по ул. Коммунаров) вырыта вручную.

По северному профилю фиксируется перекоп да глубины 1,50–1,60 м (ранее здесь была траншея для водопроводной трубы), по южному на глубине 0,6 м от дневной поверхности идёт 0,20 м темно-серого слоя, который лежит на материке из суглинка. В восточной части траншеи на глубине 1,20 м выявлен костяк, ориентированный на юг, без черепной коробки, грудной клеткой вниз, со сложенными за спиной руками. Среди находок – 15 фрагментов стеклянных браслетов конца XII – начала XIII в., известковое пряслице, фрагмент топора XII – XIII вв., гжельский фаянс конца XVIII – начала XIX в.

ТРАНШЕЯ 2. Выполнена на пл. Горького под кабель высокого напряжения на расстоянии 3,0 м от здания СПОП № 1. В отвале собрана керамика XVII – XIX вв., фрагменты изразцов XVII – XVIII вв. На расстоянии 4,0 м от здания СПОП проследили глубину залегания материка. Для этого с глубины 1,0 м углубились до 1,70 м. Материк светлого песка начинается на глубине 1,70, предматериковый слой светло-серого цвета начинается на глубине 1,45 м. Встречались куски кирпича-пальчатки с прямыми бороздами (?x17,5x7,0 см). Верхняя часть грунта (с глубины 1,20–1,30 м) перемешана.

В результате археологической разведки по течению реки Припять выявлено сосредоточение бытовой керамики XVII – XX вв. в районе Примостовой площади. По левому берегу р. Припяти на расстоянии 1,5 км от Примостовой пл. выявлена полоска длиной около 100 м, которая насыщена керамикой. Вся керамика залегает в слое песка на глубине 0,6–1,0 м от дневной поверхности. Подобраны венчики датируются XVII в. – началом XVIII в. В районе бывшего Цистерцианского монастыря собрана коллекция керамики XVIII – начала XX в.

Подъёмный материал

Среди подъёмного материала есть две стенки горшкового изразца с квадратным устьем второй половины XV – XVI в. [1, фото 8] и донце горшкового изразца белой глины XVI в. [1, фото 9]. Собранные изразцы немногочисленны,

представлены единичные экземпляры конца XVI – первой половины XVII в. [1, л. 24:606], первой половины XVII в. [1, л. 24:609], второй половины XVII – первой половины XVIII в. [1, л. 24:608].

Среди подъёмного материала имеется кирпич конца XIX в. с клеймом производителя и датой «1891» [1, л. 25:2]. Такие кирпичи использованы в кладке крепостной стены у западного склона горы и в вымостке двора бывшей гимназии.

Геоскважины

Для изучения культурного слоя Замковой горы собраны сведения о 21 геоскважине. Геоскважина № 5 явно пришлась на засыпанный колодец (заполнение боем кирпича до глубины 15 м) (табл. 3).

Таблица 3. Выявленная геоскважинами мощность культурного слоя

№ скважины	отметка устья (в балтийской системе, м)	характер слоя	мощность слоя, м
1	144,69	почвенно-растительный слой	0,3
2	141,61	насыпной грунт	1,5
3	141,34	почвенно-растительный слой	0,3
4	141,58	почвенно-растительный слой	0,3
5	144,97	насыпной грунт – битый кирпич, песок пылевой	15,0
6	145,55	почвенно-растительный слой	0,6
7	145,85	насыпной грунт	1,5
8	144,90	насыпной грунт	1,5
9	145,45	насыпной грунт	0,9
10	145,05	почвенно-растительный слой	0,3
11	143,40	насыпной грунт – песок	1,8
12	143,50	насыпной грунт	1,0
13	142,00	насыпной грунт – песок	6,5
14	144,00	насыпной грунт	2,2
15	144,40	насыпной грунт	2,2
16	143,60	насыпной грунт – бытовые отходы	2,5
17	142,50	насыпной грунт – песок вперемешку с камнями	1,0
18	144,80	насыпной грунт – песок, кирпич и др. отходы	3,5
19	144,55	насыпной грунт – песок с камнями, древесиной и др. быт. отходами	3,2
20	145,60	насыпной грунт – кирпич битый песок и др. быт. отходы	2,8
21	145,30	насыпной грунт – отходы битого кирпича, древесины вперемешку с песком	2,4

Заключение

В результате проведённых исследований у подошвы Замковой горы г. Мозыря выявлен незначительный культурный слой конца XIX – начала XX в. у склона (раскоп 2, шурфы 7, 8, 9, 10, 12) и более мощный конца XVIII – XX в. на некотором удалении от него (раскоп 1, шурф 11). Выявлено выравнивание поверхности, осуществленное в конце XIX в. (шурфы 1, 2, 3, 4) по южному склону Замковой горы. Шурфами 5 и 6 вскрыты остатки сооружения XVI в. из большемерного кирпича с двусторонними бороздами. Наиболее старый материал происходит из шурфа 13 (промоина) и траншеи 1. Собранные сведения о материалах геологического бурения характеризуют мощность культурного слоя Замковой горы.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Синчук, И. И. Археологический отчет о проведении раскопок на Мозырском замчище в августе 1988 г. / И. И. Синчук. – Минск, 1989 – 54 л., 22 фото, 30 л. рис. // Архив НИИ «Белспецреставрация». – Объект № 159–78. – Инв. № 30.
2. Синчук, И. И. Археологические исследования в г. Мозыре в 1988 г. / И. Синчук // Гомельщина : Археология, история, памятники. Тезисы Второй Гомельской областной научно-практической конференции по историческому краеведению, 1991 г. Секция археологии и нумизматики. – Гомель, 1991. – С. 63–66.
3. Зданович, Н. И., Синчук, И. И. Керамическая бытовая посуда из Мозыря (по материалам раскопок 1988 г.) / Н. И. Зданович, И. И. Синчук // Гомельщина : Археология, история, памятники. Тезисы Второй Гомельской областной научно-практической конференции по историческому краеведению, 1991 г. Секция археологии и нумизматики. – Гомель, 1991. – С. 67–68.
4. Зданович, Н. И., Синчук, И. И. Керамическая бытовая посуда Мозырского замчища (Беларусь) / Н. И. Зданович, И. И. Синчук // Археология и история Пскова и Псковской земли : Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). – Псков, 2009. – С. 381–393.
5. Синчук, И. Стекланные браслеты из мозырской коллекции 1988 г. / И. Синчук // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 18. – Минск, 2003. – С. 191–196.
6. Григорьев, М., Синчук, И. Предметы вооружения 10-16 вв. из Мозырского краеведческого музея / М. Григорьев, И. Синчук // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 15. – Минск, 2000. – С. 139–144.

Sintchouk I. I. Excavations at the Mozyr castle in August 1988

In 1988, the expedition of the Research Institute "Belspetsrestavratsiya" carried out archaeological research on the territory of the Mozyr castle, an archaeological monument of the 12-17 centuries. In order to study the cultural layer 2 excavations, 13 pits were done, and material from 21 geo-wells was involved. A large number of rims of pottery from the time of the castle's existence have been discovered.

УДК 902/904(476)

Сінчук І. І., Пачобут Н. А.

НУМІЗМАТЫЧНЫЯ І СФРАГІСТЫЧНЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ З РАСКОПАК І НАДЗОРАЎ НА ВУЛІЦЕ ЗАМКАВАЯ Ў Г. ГРОДНА У 2019–2020 ГГ.

Артыкул датычыцца археалагічных знаходак пломбы дрогічынскага тыпу, перстня-пячаткі новага часу, монет сярэднявечча, новага і навейшага часу ў гістарычнай частцы г. Гродна ў 2019–2020 гг.

Уступ

Пры археалагічных раскопках пад кіраўніцтвам Н. А. Пачобут сезонаў 2019–2020 гг. у г. Гродно па вул. Замкавай, якая адносіцца да гістарычнага цэнтра горада [1], знойдзены звычайныя для гарадскога культурнага слоя некалькі дзесяткаў разрозненых медных солідаў Яна II Казіміра Вазы, 3 грошы Станіслава Аўгуста Панятоўскага, манеты Расійскай імперыі др. пал. 19 ст., першых дзесяцігоддзяў 20 ст., манеты 20 ст. Таварныя пломбы к. 19 – пач. 20 ст. знойдзены па ўсёй плошчы раскопаў 1-4. Некалькі апісаных ніжэй знаходак выдзяляюцца з агульнага шэрагу.

Асноўная частка

Пломба драгічынскага тыпу

Пломба драгічынскага тыпу знойдзена металадэтэктарам пры археалагічным наглядзе за будаўнічымі працамі па аб'екце «Адміністрацыйна-камерцыйны аб'ект у раёне дома па вуліцы Замкавай, 12 у Гродне» у 2020 г. Культурны пласт разбураны ў 19 ст. будаўніцтвам цаглянага будынка.

Мал. 1. Пломба драгічынскага тыпу: аверс і рэверс, прамалёўка тамгі

Яна мае на адным баку партрэтную выяву, на другім – двухзубец (мал. 1). Таўшчыня пломбаў без рэльефных выяваў (знака і твару) – 1,2 мм, разам з рэльефам 1,9–2 мм, вышыня 15,8 мм, шырыня 9,6 мм. Знойдзеныя ў слоі 13 ст. экзэмпляры пломбаў з раскопак 2019 г. Н.А. Кізюкевіч на Старым замку ў Гродне маюць двухзубец таго ж тыпу (скрыжаванне асновы двухзубца публікуемай пломбы часткова разбурана шнурком, адноўленая частка пазначанай адсутнасцю заліўкі-фактуры на прамалёўцы). Гэтая пломба адрозніваецца наяўнасцю малюнка твара.

Аўтахтонныя «люстэркавыя» двухзубцы на берасцейскім туюску 12 ст. са Старога замка ў Гродне [2, мал. 100] калі і маюць падабенства з двухзубцам пломбы, то толькі ілюзорнае. Яны маюць скрыжаванне то на левым, то на правым зубцы, але ў адрозненне ад знака пломбы ў іх на ножцы скрыжаванне адсутнічае і маецца выражаны адрог на супрацьлеглым зубе адносна зуба са скрыжаваннем. Акрамя таго, у Гродне ў Каложскай царкве была выяўлена на плінфе др. пал. 12 ст. тамга, падобная на публікуемую, але ў люстэркавым выглядзе [3, с. 228, мал. 65]. Аднак на тэрыторыі Гродна дагэтуль не знойдзена ні адной загатоўкі для пломбы, што магло б сведчыць пра мясцовае паходжанне пломбаў.

Пломбы са знакам падобным на тамгу друкуемага артэфакта вядомыя з 19 ст., але дагэтуль з імі не суаднесены ніхто з князёў [4, табл. IV, (№ 151a), табл. XV (№ 712), табл. XVII (№ 766, 806), табл. XIX (№ 914), табл. XXI (№ 951); 5, Мал. 64, трэці знізу шэраг, другая і трэцяя злева пломбы; 6, табл. XXV (№ 31); 7, tabl. I (№ 5); 8, с. 151]⁷.

⁷ Аўтары з задавальненнем выказваюць падзяку С.В. Бялецкаму за аператыўную кваліфікаваную дапамогу ў атрыбуцці знаходкі.

Вось выявы боку з тыгой адхілена на 150 ад восі з выявай твару, што дазваляе здагадацца аб адсутнасці насімай зафіксаванай штэмпельнай пары, напрыклад, выкарыстанне для пламбавання аднаго замацаванага ў калодзе альбо сталешніцы штэмпеля і ўтрымліваемага ў руцэ другога. Вышыня рэльефа таксама кажа пра выкарыстанне ўдарнага інструмента.

Пражскі грош

Пражскі грош Вацлава IV быў знойдзены на глыбіні 3 м у 2019 г. пры раскопках (Раскоп-3). Яго дыяметр 27,6 мм, таўшчыня ад 0,2 мм да 0,5 мм (так!). З-за сістэмнай памылкі ў разліку неабходнай магутнасці ўдарнага штампавачнага абсталявання бок са львом недастаткова выбіты (*мал. 2*), як і ў большасці г.з. «сцёртых» пражскіх грошаў⁸.

Мал. 2. Пражскі грош Вацлава IV.

Верагодна, манета па класіфікацыі J. Napa адносіцца да тыпу XIV перыяду 1400–1415 гг. [9, s. 175–182]. Даследчыкі адзначаюць: «Використання типології і хронології для пражьких грошів тривалого правління Вацлава IV (1378–1419) для монетного матеріалу із східноєвропейських скарбів показало, що тут домінують пражькі гроші, карбовані після 1405–1407 рр.» [11, с. 59; 10, с. 66]. Знойдзеная манета цалкам адказвае чаканням і па тыпу ўкладаецца ў гэтыя храналагічныя рамкі.

Адзінкавая знаходка пражскага гроша ў Гродне мае значэнне як яшчэ адзін пункт у тапаграфіі, які паказвае пазначаны знаходкамі апошніх гадоў шлях паступлення грошаў з Польшчы ў басейны рэк Буга і Немана [12, с. 104].

Персцень-пячатка

Медны персцень-пячатка з выявай папулярнага сюжэта на літой шкляной устаўцы «Битва орла со змеем над воротами Царьграда» (*мал. 3*) знойдзены

⁸ Да захаванасці манеты гэты дэфект адносін не мае.

металадэтэктарам пры археалагічным наглядзе за будаўнічымі працамі па аб'екце «Адміністрацыйна-камерцыйны аб'ект у раёнах дома па вуліцы Замкавай, 12 Гродно» в 2020 г. Ён мае наступныя параметры: 8-кутны шчыток памерам 1,5x1,3x0,7 см (апошняя – таўшчыня); унутраны дыяметр кальца 1,8x1,6 см; сячэнне дротавага кальца плоска-выпуклае – 0,4x0,4 см. Шкляная ўстаўка ўтоплена ў шчыток перстня. Выкарыстаны глухі каст – прасцейшая асноўная форма апраўкі, якая забяспечвае надзейнае замацаванне ўстаўкі.

Мал. 3. Персцень-пячатка 18–19 стст. : адбітак шчытка, персцень

Сярод апублікаваных беларускіх асабістых пячатак 16–17 стст. чвэрць (68 з 301) мае форму адбітка ў выглядзе васьмікутніка (прамакутніка з усечанымі кутамі) [13, с. 57–106]. Сярод украінскіх асабістых пячатак 16–17 стст. трэць (280 з 868) мае васьмікутны кшталт [14]. Маюцца васьмікутнага кшталту ўзоры і сярод расійскіх пячатак [15, табл. XII: 50; XIX: 82, 83, 85; XX: 94; XXIII: 117–120; XXIV: 17]. Аналагічны персцень знойдзены ў Валагодскай вобласці РФ на беразе р. Сухона [16].

Тыражнасць уставак-ліцікаў асабістых пячатак можа гаварыць пра патрэбнасці ўладальніка да некаторага сацыяльнага паведамлення, напрыклад, серыйны персцень можа быць карпаратыўным атрыбутам члена цэха, гільдыі або братэрства.

Верагоднае датаванне з улікам палітычнай гісторыі беларускіх зямель і геаграфіяй распаўсюджвання сюжэта – 18–19 стст.

Манетна-рэчывы скарб

Манетна-рэчавы скарб без прыкмет упаковачнай тары быў знойдзены ў падвале дома па вуліцы Замкавай, 12 ніжэй за ўзровень падлогі ў 2020 г. Скарб складаецца з трох карманых гадзіннікаў, пары запанак, гузікаў, булавак, спражак, партсігара, буйных і дробных срэбраных манет 17–20 стст. (сярод іх пяць паўтаракаў 1623–1625 гг., тры экзэмпляры рублёў 1816 г., 1829 г., 1834 г., два экзэмпляры 20 кап. 1913 г. і 1914 г., два экз. 15 кап. 1915 г.) Малодшая

датаваная рэч скарба – 2 дынары Каралеўства Сербіі, Харватыі і Славенцыі (серб. Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца) 1925 г.

Верагодна, пасля раздзялення спаяных карозій рэчаў, ачысткі і дэталёвага вывучэння скарб будзе аднесены да серыі скарбаў Гродзенскага гэта перыяду Другой сусветнай вайны.

СПІС ЦЫТАВАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Супрон, М., Шчукін, С.* Гісторыка-архіўныя і бібліяграфічныя даследаванні страчанага гістарычнага забудовы квартала вуліцы Падзамча, Збройнай і ўсходняй часткі вуліцы Замкавай у Гродне / *М. Супрон, С. Шчукін.* – Гродна, 2020. – 145 с. // [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://drive.google.com/file/d/122NVipKFbzQ-M97hqj_drLY1wPrmQb0p/view – Дата доступу : 01.09.2020.

2. *Трусаў, А. А., Собаль, В. Е., Здановіч, Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVII стст. / *А. А. Трусаў, В. Е. Собаль, Н. І. Здановіч.* – Мінск, 1993.

3. *Трусаў, А. А.* Эвалюцыя будаўнічых матэрыялаў і тэхнікі манументальнага дойлідства Беларусі XI–XVIII стст. / *А. А. Трусаў.* – Мінск, 2020.

4. *Болсуновский, К. В.* Дрогичинские пломбы. Ч. I. / *К. В. Болсуновский.* – К., 1894.

5. *Лихачев, Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. / *Н. П. Лихачев.* – Л., 1930. – (Труды музея палеографии. Вып. II.)

6. *Лихачев, Н. П.* Сфрагистический альбом // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. 444.

7. *Hanc-Maikowa, E.* Plomby drohiczyńskie zbiorów Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi / *E. Hanc-Maikowa* // Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. – № 8. – 1988.

8. *Белецкий, С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. / *С. В. Белецкий, Р. С. Веретюшкин, К. В. Горлов* // Записки Института истории материальной культуры РАН. – Вып. 16. – СПб., 2017.

9. *Hána, J.* Pražské groše Václava IV. z let 1378–1419. / *J. Hána.* – Plzeň, 2003.

10. *Соболева, Н. А.* К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV–XV вв. / *Н. А. Соболева* // Вестник МГУ, 1967. – № 2.

11. *Козубовський, Г. А.* Празькі гроші XIV–XV ст. з археологічних пам'яток України / *Г. А. Козубовський* // Археологія, 2010. – № 4.

12. *Синчук, И. И., Колединский, Л. В.* Пражские гроши из Слуцка и его округа / *И. И. Синчук, Л. В. Колединский* // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. 16–20 апреля 2019 г. – Великий Новгород. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2019.

13. *Цітоў, А.* Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі / *А. Цітоў.* – Мінск, 1993.

14. *Алфьоров, О., Однороженко, О.* Українські особові печатки XV–XVII ст.: За матеріалами київських архівосховищ. / *О. Алфьоров, О. Однороженко.* – Харків, 2008.

15. *Станюкович, А. К., Авдеев, А. Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. / *А. К. Станюкович, А. Г. Авдеев.* – М., 2007.

16. «Битва орла со змеем над воротами Царьграда» // [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://perstni.com/collection/bitva-nad-tsargradom-4> – Дата доступу : 01.09.2020.

Sintchouk I. I., Pochobut N. A. Numismatic and sphragistic materials from excavations and surveillances on zamkova street in the Grodno city in 2019–2020

The article concerns archeological finds of Droghichyn-type seals, rings-seals of modern times, coins of the Middle Ages, modern and modern times in the historical part of Grodno in 2019–2020.

Сурта Е. Н.

ИЕРОНИМ ПРАЖСКИЙ НА КОНСТАНЦСКОМ СОБОРЕ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ

В настоящей статье на основании свидетельств современников и участников Констанцского собора рассматриваются и анализируются обстоятельства религиозно-судебного процесса над чешским реформатором, учеником и последователем Яна Гуса Иеронимом Пражским, завершившимся его казнью.

Введение

Религиозно-судебный процесс над Иеронимом Пражским, учеником и последователем известного чешского реформатора Яна Гуса, прибывшим вслед за своим наставником на Констанцкий собор, чтобы помочь своему другу Гусу, а также «из-за хитрой клеветы на королевство чешское» [2, с. 426], неожиданно растянулся на целый год и стоил учёному проповеднику жизни. Иероним, как и Гус был виклифистом, учился в Праге и Оксфорде, в котором познакомился с учением английского теолога-реформатора Джона Виклифа и привёз его сочинения в Чехию. Иероним говорил «о книгах Виклифа и его учении, что никогда не видел человека, который столь хорошо и глубоко писал. Его писаний равным образом желал держаться и считал злом выступления против», как это было зафиксировано в актах Констанцкого собора [2, с. 432]. В качестве магистра свободных искусств (*magister artium*) он преподавал в университетах Парижа, Кёльна и Хайдельберга.

Основная часть

О событиях, произошедших с Иеронимом Пражским на Констанцком соборе, помимо актов самого собора, мы узнаём также из ряда нарративных источников, различающихся по степени детальности, полноте и точности, а также субъективности описания того, свидетелями и очевидцами чему являлись соответствующие авторы. При этом почти все они, как правило, отмечают большую учёность, образованность и ораторский талант Иеронима. В частности, автор хроники Констанцкого собора Ульрих Рихенталь сообщает о том, что академически образованные люди считали Иеронима во многом более учёным, чем Ян Гус: «К нему [Иерониму] приходили многие учёные, которые вели с ним диспуты по поводу его ложной веры и по другим теологическим вопросам. Они считали, что он в четыре раза учёнее чем Гус» [3, 56 REC, с.100-101], но дар Иеронима Пражского прежде всего заключался в его риторическом таланте, в ярких и убедительных, имеющих сильное воздействие на публику речах, проповедовавших реформаторские идеи Яна Гуса [4, с. 147].

Также, как и Гус в 1412 г. Иероним выступал против индульгенций папы Иоанна XXIII, против «духовенства, благосостояния духовных лиц, приводя в своих проповедях, как пресвитеры и церковный клир выступают в постыдных нарядах, непрестанно совершают пиршества, ... и поглощены делами с блудницами и другими празднествами, и обольстительной роскошью. Говорил, что бенефиции были установлены богом, чтобы кормить и давать приют беднякам и возводить церкви, и не должно доходы тратить в пирах, блудодеяниях, на наряды

и другую роскошь» [2, с. 431]. Кроме того, будучи чешским патриотом он участвовал в создании, Куттенбергского декрета Вацлава IV и изгнании немецких профессоров из Праги, что усилило негативное отношение к нему и Яну Гусу в Священной Римской империи.

На собственном опыте убедившись в опасностях и рисках, связанных с посещением Констанцкого собора, в своём письме от 3 января 1415 г. чешским друзьям Ян Гус призывал их предостеречь Иеронима от поездки в Констанц: «Ни в коем случае не должен он или один из наших прибыть сюда» [4, с. 147]. Однако Иероним не прислушался к совету своего друга и наставника и отправился на церковный собор. О происходивших с ним там событиях, а также о процессе над Иеронимом и его казни информирует прибывший на церковный форум в качестве секретаря Яна Хлума, сопровождавшего Яна Гуса, Пётр из Младонёвиц в своём «Повествование о магистре Иерониме Пражском, сожженном в Констанце во имя Христа» (*Narratio de magistro Hieronymo Pragensi pro Christi nomine Constantiae exusto*) [7, с. 339–350]. Согласно Младонёвицу, Иероним добровольно прибыл в Констанц 4 апреля 1415 г., но затем бежал оттуда ввиду процесса над Гусом в Иберлинген и написал там письмо королю, знати и собору с просьбой о личной неприкосновенности и свободном передвижении. На что получил ответ: «Мы предоставим ему *salvus conductus* для прибытия, но не для возвращения домой» [7, с. 339–340]. Хроника Рихенталя в свою очередь сообщает об этих событиях следующим образом: «В понедельник после дня Святой Пасхи, в Констанц тайно с учеником прибыл Иероним, чтобы никто из народа не смог его узнать или заметить, и прибил на дверь церкви Святого Стефана послание. В нём он писал на латыни, [что] уверен в том, что магистр Ян Гус учил и проповедовал верно. Но из ненависти и враждебности ему ложно приписывали некоторые положения, из-за которых, – если бы он действительно их проповедовал, – он не мог бы и не хотел бы его защищать. Но он не верит, что Гус это действительно делал» [3, 55 VERS, с.99]. В послании, которое было прикреплено к воротам города, Иероним также написал о том, что собор не принимает решения «по праву и справедливости», и поэтому он считает себя свободным от обязательств. Он хотел вернуться назад в Чехию, но на пути туда был задержан и передан в Зульцбахе герцогу Баварии Иоганну III, который 23 мая 1415 г. доставил Иеронима в Констанц «в железных оковах на длинной цепи, звеневшей при каждом движении» [7, с. 340–341]. Хроника Рихенталя сообщает дополнительные детали об этом: «Как только он прибил послание, он и его ученик покинули Констанц так, что их никто не заметил. И это произошло в такой спешке, что он [Иероним] забыл свой меч на постоялом дворе или может быть из опасения не захотел взять его с собой. Тогда [в городе] каждого спрашивали, где он жил, но никто этого не знал. И только спустя шесть дней узнали, что он нашёл приют в доме Гутьяра [Gutjahr] на Санкт-Паулсгассе и ... оставил там свой меч. Тем временем он [Иероним] достиг Богемского Леса и хотел там отдохнуть. И так как каждый учёный человек ищет другого учёного человека, то он отправился к одному приходскому священнику. А тот неожиданно пригласил много других духовных лиц, и так Иероним тоже попал к нему на трапезу. Затем [после трапезы], будучи очень разговорчивым, он начал рассказывать, как на латыни, так и на немецком, что был в Констанце на соборе, и что он [собор] ни что иное, как сборище сатаны и синагога вершащих несправедливость

и испорченных людей. И у него с собой были послания с 70 печатями о том, что магистр Ян Гус и он непоколебимы, и ни один из учёных не смог им ни возразить, ни их победить. Он говорил так много плохого о соборе, что все присутствующие духовные лица сильно испугались и тайно решили сообщить об этом местному сеньору¹. Тот им ответил, [что] они должны молиться и до утра хранить молчание и не говорить об этом. На следующее утро данный господин со своими слугами ожидал его у города или рынка. И как только он [Иероним] вышел из ворот, он схватил его, арестовал и сказал: «Магистр Иероним, вы вчера вели речи о соборе Констанца. И теперь я хочу знать, являются ли они правдой или нет, так как я и все сеньоры поклялись защищать собор. Поэтому вы должны снова вместе со мной отправиться в Констанц.» Иероним ответил, [что] у него есть охранная грамота, и [что] то, что он сказал, является правдой. И тогда сеньор возразил: «Это может быть [правдой], но также может и не быть. После того, что вы сказали, вы должны снова вернуться в Констанц.» ...И он доставил его [Иеронима] в Констанц на 21 день после Пасхи, где его [Иеронима] сразу отвели в особый покой в замке Готтлибен²» [3, 55 VERS-56 REC, с.100]. Узнав об этом, в письме к своим друзьям от 10 июня 1415 г. Гус выразил обеспокоенность тем, что его «дорогой товарищ» заключён в тюрьму и ожидает смерти [5, с. 144].

Над Иеронимом Пражским, как и ранее над Яном Гусом, на соборе был организован религиозно-судебный процесс. Первое слушание проходило столь же сумбурно, как и в случае с Яном Гусом. Один из епископов сказал: «Иероним, почему ты сбежал и не явился по вызову?» [7, с. 342]. На что допрашиваемый ответил, что не прибыл, так как ему было отказано в охранной грамоте, а также из-за своих озлобленных врагов на соборе, и что он без сомнения вернулся бы назад в Чехию» [7, с. 342]. «И тогда поднялась толпа и криками высказывала ему различные обвинения и свидетельства против него» [7, с. 342]. С претензиями к нему выступили представители университетов, в которых он преподавал (Парижа, Кёльна, Хайдельберга), и выдвигали против него различные обвинения. В то время как «некоторые кричали»: «Его следует сжечь, его следует сжечь» [7, с. 342], он ответил: «Если вы желаете моей смерти, то с богом». Тут вмешался Роберт Халлум, епископ Солсбери: «Нет Иероним, ибо написано: Я не желаю смерти грешника, а, наоборот, хочу, чтобы он жил и обратился в истинную веру» [7, с. 342–343].

Иеронима заключили в башню Св. Павла и «приковали ногами и руками к столбу – столб был таким высоким, что он нигде не мог сидеть, а только висел вниз головой» [7, с. 343]. Там он находился два дня и две ночи, «только на воде и хлебе» и через два дня тяжело заболел. Собор при этом не предоставил ему духовника. «В этой башне он пролежал год за вычетом семи дней» [7, с. 343].

В отличие от других исторических свидетельств о процессе над Иеронимом Пражским, Пётр из Младонёвиц не скрывает, что после казни Яна Гуса из-за страха смерти (*metu mortis*) Иероним согласился отречься от учения Гуса, «так как надеялся вырваться из их (то есть судей на соборе – прим. авт.) рук» [7, с. 343]. 23 сентября 1415 г., опасаясь за свою жизнь и на фоне телесных страданий,

¹Иероним Пражский был арестован местным фогтом 24 апреля 1415 г. в Хиршау в Верхнем Пфальце и 23 мая 1415 г. доставлен в железных цепях на открытой телеге в Констанц.

²В действительности Иероним был заперт в башне церкви Санкт-Паулус.

переносимых им во время содержания под стражей, он отрёкся от своих взглядов и всех учений, которые он и Гус защищали [7, с. 343–344]. После этого его снова поместили в башню, хотя уже и не так сильно связали, но под вооружённой охраной. Однако чешский священник и юрист римской курии Михаил de Causis (вероятно Михаил из Брода Немецкого согласно актам собора [2, с. 431] – прим. авт.), а также чешский теолог, ректор Пражского университета Штефан Палеч (Stefan Paleč) (позднее примкнувший к гуситам), осудили отречение как неискреннее, а совершённое только с целью бегства [7, с. 345]. Их жалоба послужила важной причиной последующего процесса, завершившегося осуждением и приговором чешскому реформатору. Также некоторые кармелиты, с которыми Иероним ещё в Праге вступил в конфликт, выдвинули против него новые обвинения [7, с. 345]. И когда некоторые кардиналы пытались взять реформатора под свою защиту и высказались за его освобождение, один из врагов Иеронима, доктор канонического и гражданского права, секретарь и советник короля Чехии Вацлава IV, а также папский капеллан и аудитор Йоханнес Насо из Праги заявил кардиналам: «Я опасюсь, что вы получили дары от тех еретиков и короля Чехии» [7, с. 345]. Скомпрометированные таким образом кардиналы после этого отказались от поддержки Иеронима. «Зачинщики назначили других судей, Латинского патриарха Константинополя [Жана де ла Рошталъе] и известного немецкого доктора теологии [Николауса фон Динкельсбюля], так как они знали, что указанный патриарх был ярким противником Иеронима» [7, с. 346]. Результаты нового расследования в виде 107 статей были представлены Иерониму 23 мая 1416 г. «как смертельная удавка, которую ему подготовили», пишет Пётр из Младонёвиц [7, с. 346]. Иероним ответил на 40 из этих статей, утверждая, что он их не проповедовал, а что они были выдвинуты против него ложными свидетелями клеветнически и несправедливо [7, с. 346].

26 мая состоялось следующее заседание, на котором Иероним сослался в качестве примера на мучеников Ветхого и Нового Завета, «которые все погибли невинными во имя правды» [7, с. 346–347]. Он утверждал, что Гус и Виклиф были святыми мужами, взгляды которых относительно разложения клира он всегда разделял и разделяет, а грех, который больше всего тяготит его совесть, это отречение, которое он «совершил на этой вызывающей гибель, роковой кафедре» и тем самым одобрил приговор в отношении хорошего и святого человека. И он полностью отказывается от отречения, так как это случилось из-за страха смерти и малодушия» [7, с. 346–347].

Слышавшие это сказали, что этими словами он сам вынес себе приговор. «И его опять вернули в темницу с железными цепями на руках и ногах» [7, с. 347]. На заключительном в рамках процесса над Иеронимом заседании, состоявшемся 30 мая 1416 г., епископ Лоди, как и во время приговора Яну Гусу, читал проповедь на тему «И упрекал их за неверие и жестокосердие» (Мар. 16, 14), в которой он напрямую обратился к Иерониму: «Ввиду твоего долгого упорства, Иероним ..., подумай, что если даже мои порицания внешне звучат ужасно, но внутри, в сердце царит любовь к милосердию, и если я не могу пощадить тебя словом..., то я хочу предостеречь тебя, виновного, благочестивой любовью к ближнему» [7, с. 347–348]. Собор обвинял Иеронима Пражского, как и Яна Гуса, в том, что их безрассудство привело к тому, что «низкие, плебейские люди неизвестного происхождения отважились сотрясти Чешское

королевство и посеять среди граждан раздор. Ни один из еретиков никогда не имел такой дурной славы как Иероним. Дурная слава его ереси распространилась в Англии, Франции, Венгрии, Польше, Литве, Русском государстве, Италии и всей Германии» [7, с. 346]. Известно, что после отъезда из Праги по причине гонений в конце 1412–1413 г. Иероним посетил Польшу, Великое княжество Литовское и русские земли, в том числе такие города как Краков, Витебск, Псков, распространяя идеи виклифизма и чешской реформации.

«Я не бросаю тебе в лицо чужие нечистоты, а твои собственные... Тебя не пытали, но, если бы пытали! Тогда бы ты смиренно как блевотину полностью изрыгнул бы все свои заблуждения», – такие слова бросал Иерониму в лицо на соборе епископ Лоди [7, с. 347–348]. На это Иероним возразил собору: «Вы хотите приговорить меня несправедливо и не по праву. Но после моей смерти я буду угрызением вашей совести и занозой в вашем сердце, и я вас всех приглашаю ответить мне пред высшим и справедливейшим судьёй через сто лет» [7, с. 347–348]. Кардинал Гильом Филластр хотел продолжить дискуссию с Иеронимом Пражским, когда тот утверждал, что Гус был приговорён как еретик, потому что проповедовал против высокомерия клира. Собору также не нравится высокомерие многих представителей церкви, говорил Иероним, и чтобы это реформировать он [собор], собственно, и собрался [7, с. 347–348]. «Но это же особенность еретиков, что они к своему ложному учению подмешивают немного правды, чтобы простые люди вместе с истинным также и ложное считали правдой», – утверждали в ответ оппоненты Иеронима на Констанцском соборе [7, с. 347–348].

Приговор Иерониму Пражскому перечисляет все его проступки, и прежде всего отозванное отречение [4, с. 151]. Собор отлучил чешского реформатора от церкви, предал анафеме и передал светской власти. Как сообщает Пётр из Младонёвиц, в день казни бумажную позорную корону с изображённым на ней дьяволом Иероним сам надел себе на голову и сказал при этом: «Наш господин Иисус Христос нёс на голове терновый венец. Но я хочу вместо того венца из любви к нему носить эту корону» [7, с. 349].

Во время движения к месту казни Иероним произносил символ веры и пел литания, как об этом сообщается в хронике Рихенталя: «... Он также [как и Ян Гус] был осуждён как еретик, и собор передал его герцогу Людвигу Баварскому. Тот приказал вывести его [за городские стены] и сжечь. И его также, как и Гуса, вывели за город... И когда его вели, то он произносил молитву «Credo in unum Deum»³, и когда он закончил эту молитву, он начал громко петь литания «Sancte Petre, ora pro nobis; Sancte Paule, ora pro nobis»⁴. Когда они были закончены, он снова начал «Credo». Он ...не исповедовался, ибо был еретиком и не желал отречься, поэтому никто не хотел его исповедовать... Затем его сожгли на том же месте, что и Гуса. Но он жил намного дольше, чем Гус, и ужасно кричал, так как был полным, крепким мужчиной с чёрной, густой, длинной бородой. И когда он наконец был сожжён, то пепел и всё, что не сгорело, ...было выброшено в Рейн. И многие учёные мужи оплакивали его, что такой учёный человек должен был сгубить душу и тело, ибо он был намного учёнее, чем магистр Ян Гус. Он был магистром искусств [Magister de Artibus] в Праге, Кёльне, Лондоне в Англии и в Эрфурте» [3, 59 REC – 59 VERS, с.107].

³«Я верую во единого Бога».

⁴«Святой Пётр, святой Павел, молитесь о нас».

Также одним из наиболее важных и известных источников о событиях, происходивших с Иеронимом Пражским на соборе в Констанце является адресованное Леонардо Аретинскому (Леонардо Бруни из Ареццо) письмо итальянского гуманиста Поджо Браччолини, который прибыл на собор в качестве секретаря папской курии и присутствовал на процессе, [1, с. 226], в то время как Леонардо Бруни, будучи секретарем папы, покинул Констанц после низложения Иоанна XXIII и позднее стал канцлером Флоренции. Письмо написано очевидцем событий в день казни Иеронима и представляет весьма позитивный и даже идеализированный образ чешского реформатора, личность, и особенно учёность, которого со всей очевидностью произвели сильное впечатление на итальянского гуманиста. Сравнение текста письма с описаниями Петра из Младонёвиц и сведениями, содержащимися в хронике Ульриха Рихенталя, подтверждают достоверность сообщаемой информации. В письме Браччолини описывал ход процесса и активную защиту обвиняемого «поскольку дело это чрезвычайно важное и муж этот известен своим красноречием и образованием» [1, с. 226]. «Через несколько дней началось дело Иеронима, которого многие публично обвиняли в ереси... Признаюсь, я не видел никого, кто, выступая в суде, особенно когда дело идет о жизни, более приближался бы к красноречию древних, которыми мы так восхищаемся. Приходилось удивляться его словам, красоте его речи, его доводам, его взгляду, выражению его лица, твердости, убежденности, с какой он отвечал своим противникам и защищал свою правоту» [1, с. 227]. Также Браччолини представляет предельно реалистичное описание Иеронимом своего заточения: «Где же тут справедливость?! 350 дней, пока я сидел в ужасной темнице, в пыли, в грязи и нечистотах, в оковах, лишенный всего необходимого, вы постоянно слушали моих врагов и клеветников, меня же не хотите слушать даже один час!» [1, с. 226–227].

Своим судьям реформатор возражал: «Вы в умах своих осудили меня как нечестивого человека уже раньше, чем могли узнать, каков я в действительности. Но ведь вы, ...люди, а не боги, не вечны вы, а смертны, вы можете не знать правды, ошибиться, быть обманутыми и введенными в заблуждение. Вас называют светочем мира, мудрецами земли. Тем более вы должны всячески избегать необдуманных, неразумных и несправедливых решений... Куда мне теперь обратиться, господа сенаторы? Кого молить о помощи? Кого просить? Кого заклинать? Не вас ли? Но эти гонители мои отвратили ваши души от меня, представив меня врагом всех тех, кто должен меня судить. Они думали так: если даже их доносы на меня покажутся недостаточно вескими, – вы все же решите казнить меня, как вашего противника и врага, каким они меня обрисовали в подлой лжи своей. Если вы поверите их словам, у меня не может быть никакой надежды на спасение» [1, с. 227]. Как отмечает Браччолини, многих Иероним «задел острым словом, многих поразил метким замечанием, многих в столь печальном деле заставил смеяться, отражая шутками удары своих противников» [1, с. 227]. При этом чешский реформатор ставил себя в один блестящий ряд с несправедливо преследуемыми: «Я знаю, ... что много выдающихся людей претерпели бедствия, которых они отнюдь не заслужили своими добродетелями, были оклеветаны лживыми свидетелями, осуждены несправедливыми судьями» [1, с. 227]. Сократ, несправедливо приговорённый своими, пленение Платона, оковы Анаксагора и Зенона, невинно осужденный на смерть Боэций,

а также клевета сограждан на Моисея, освободителя своего народа, создателя законов, гонения на почти всех пророков, и, наконец, Иоанн Креститель и сам Спаситель, из-за «лживых свидетелей приговорённые неправым решением судей» [1, с. 227]. Иероним напомнил также об «апостолах, которые были осуждены на смерть ... как мятежники, возмутители народов, презирающие богов, и вершители всяческих злодеяний» [1, с. 227]. Чешский реформатор заявлял, как пишет Браччолини, что «нет ничего ужаснее, чем несправедливое осуждение священника церковным собором» [1, с. 227]. «Так он стоял, спокойный и бесстрашный, не только не боясь смерти, но даже устремляясь ей навстречу. Ты назвал бы его вторым Катонем. Вот человек, достойный вечной памяти людей! ... Я дивлюсь его учёности, всесторонним познаниям, ораторскому таланту, очарованию его речи и остроумию его ответов», – с практически нескрываемым восхищением описывает Иеронима итальянский гуманист [1, с. 227–228], что само по себе довольно необычно, учитывая, что речь идёт об осуждённом на казнь еретике.

Поджо Браччолини также, как и Пётр из Младонёвиц сообщает об отношении Иеронима Пражского к своему учителю Яну Гусу и его учению, которого считал «человеком честным, справедливым, святым и никак не достойным такой смерти... Восхваляя Яна Гуса, он сказал, что тот выступал не против положений церкви божьей, а против злоупотреблений духовенства, против надменности, роскоши и расточительности прелатов. Этому честному человеку казалось недостойным, что имущество церквей, предназначенное для бедных, для странников, для церковных мастерских, расточается на распутниц, на попойки, на содержание лошадей и собак, на роскошные одежды и многое другое, недостойное христианского благочестия» [1, с. 227–228]. Браччолини, отмечает, что Иероним «говорил поистине талантливо. Несмотря на то, что его часто прерывали шумом и некоторые вставляли колкости, пытаясь поймать его на слове, он никого не оставлял безнаказанным и, отвечая ударом на удар, заставлял противников краснеть и умолкать» [1, с. 227–228]. Сам Иероним, как пишет Браччолини, тоже вслед за своим другом и наставником Гусом был «готов идти на любую пытку с твердой и непреклонной душой. Он прощал своих врагов и свидетелей, так неразумно лгавших против него», ибо, как он считал, настанет час, и они будут отвечать за свои слова перед богом, которому не смогут лгать» [1, с. 227–228]. Браччолини был уверен, что «все вокруг слушали с душевной болью. Ведь они хотели спасти этого превосходного человека; если бы только у него хватило благоразумия! Но он упорствовал на своем, и казалось, что он ищет смерти» [1, с. 227–228].

Поджо Браччолини также весьма детально описывает драматический момент смерти чешского реформатора: «Со спокойным, ясным лицом шел он к своей гибели; ни огня не испугался, ни пытки, ни смерти. Никто из стоиков не принял смерть с такой твердой и бесстрашной душой, как встретил ее этот человек. Когда он пришел к месту казни, он сам снял с себя одежду; опустившись на колени, он поклонился столбу, к которому был прикован; сначала его, голого, привязали к столбу мокрыми веревками и приковали цепью; потом обложили кругом поленьями, перемешанными с соломой, – не маленькими, а толстыми, до самой его груди, набросав между дров мякины. Потом, когда поднялся огонь, он запел какой-то гимн, который долго не могли прервать ни дым, ни

огонь» [1, с. 227–228]. Ещё одним доказательством твёрдости духа Иеронима, по мнению Браччолини, является описанный только итальянским гуманистом эпизод (вероятно, им придуманный), когда палачу, который хотел зажечь огонь за спиной осуждённого, чтобы тот не видел, Иероним якобы крикнул: «Подойди сюда и здесь, на виду у меня, зажигай огонь. Если бы я боялся его, я никогда не пришел бы на это место. Ведь я мог его избежать» [1, с. 227–228]. И поражённый мужеством чешского реформатора Браччолини в конце своего письма к Леонардо Бруни с восхищением отмечает: «Ибо даже известный Муций⁵ не сжигал свою руку с такой твердостью, как этот человек все свое тело; и Сократ не выпил свой яд так невозмутимо, как Иероним принял огонь» [1, с. 227–228]. При этом, в отличие от других очевидцев тех событий, Поджо Браччолини не упоминает ни о бегстве Иеронима из Констанца и последующем аресте, ни о его первоначальном отречении в ходе первого слушания дела.

И если Браччолини делал из Иеронима античного героя, то Якубек из Мизы (Якубек из Стршибра), магистр свободных искусств Пражского университета, друг и последователь Яна Гуса, приверженец причащения под обоими видами, представлял его в образе христианского мученика. Унаследовав после смерти Гуса место проповедника в Вифлеемской часовне, он произносил там поминальную речь в честь Яна Гуса и Иеронима Пражского «Блаженны, изгнанные за правду» (Мат. 5, 10) [6, с. 231–242], в которой он констатировал, что все пророки были убиты не языческими королями, а Своими же. Учение Яна Гуса, представляемого Якубеком как «звучные трубы, неустанная проповедь правды, врага симонистов, герольда Евангелия, божьи уста», услышали не только в Чехии, но и во всей церкви [6, с. 238]. Якубек утверждает, что Иеронима обвинили по ложному свидетельству, и когда он потребовал доказательств, то только услышал: «Учёные доктора говорят, что утверждения в твоих книгах ложные, поэтому ты должен отречься» [6, с. 239]. Своё первое отречение он отозвал. Иероним утверждал, что Гуса он знал, как святого проповедника Евангелия, а не как распутника, пьяницу или преступника [6, с. 239]. Так они поднялись в сонм ангелов, как считает Якубек (Иаков) из Стршибра [6, с. 239].

Спустя десятилетия совсем иную оценку событиям, связанным с Яном Гусом и Иеронимом Пражским, даёт ещё один итальянский гуманист, Энеа Сильвио Пикколомини, впоследствии ставший римским папой под именем Пия II (1458–1464). В своей работе *Historia Bohemica*, созданной в 1458 г. и посвящённой гуситской ереси, он писал: «Приговорённые на великом соборе в Констанце к сожжению на костре Ян и Иероним» несут покаяние «за святотатство в аду. Они будут каяться вечно» [8, с. 54–55].

Заключение

Несмотря на некоторые различия в описании деталей, касающихся пребывания Иеронима Пражского на Констанцском соборе, и эмоционально-личностном видении ситуации все нарративные источники сходятся в том, что Иероним прибыл в Констанц ради спасения Гуса. Он подробно и обстоятельно говорил в своей речи на соборе о борьбе чехов с немцами и о реформе университета, страстно защищал дело Гуса на процессе и отстаивал свои взгляды, но

⁵ Муций Сцевола, по древнеримскому преданию, юноша-герой, отправившийся в лагерь осаждавших в VI в. до н. э. Рим этрусков с целью убить их царя Порсену. Он был схвачен и во время допроса, чтобы показать неустранимость перед пытками и смертью, сжёг свою правую руку в огне жертвенника.

несмотря на своё красноречие и убедительность, был осуждён как еретик, виклефист и сторонник Гуса. Иеронима Пражского, как и Яна Гуса, можно по праву считать чешскими символами непоколебимой стойкости и воли в отстаивании своих взглядов и убеждений перед латинским и немецким Западом, иными словами перед католической церковью и Священной Римской империей, воплощавшихся тогда в Констанцском соборе и римско-немецком короле Сигизмунде I. Причины произошедших над Иеронимом и Гусом процессов и их казней коренились в тяжёлом кризисном положении, в котором в начале XV в. находилась католическая церковь, Священная Римская империя и сама Чехия, в том числе и в результате деятельности обоих чешских реформаторов. И никто тогда не подозревал, какие последствия в будущем будут иметь приговоры, вынесенные Яну Гусу и Иерониму Пражскому в Констанце.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Браччолини, П.* Письмо к Леонардо Бруни [Электронный ресурс] / По изд. : Поджо Браччолини. Письмо к Леонардо Бруни / Пер. Ю. Х. Копелевич // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. – М. : АН СССР, 1963. – <https://facetia.ru/node/3296>. – Дата доступа : 27.01.2021.
2. *Руколь Б.М.* Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица, как источники об Иерониме Пражском [Электронный ресурс] / Б.М. Руколь // Ученые записки Института славяноведения. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. III. – С. 421–433. – Режим доступа : <https://inslav.ru/images/stories/pdf/UZIS-3-1951.pdf>. – Дата доступа : 25.01.2021.
3. *Augenzeuge des Konstanzer Konzils. Die Chronik des Ulrich Richental / Die Konstanzer Handschrift ins Neuhochdeutsche übersetzt von M. Küble und H. Gerlach. Mit einem Nachwort von J. Klöckler.* – Darmstadt : Theiss, 2014. – 249 S.
4. *Buck, Th. M., H.* Das Konstanzer Konzil. Kirchenpolitik. Weltgeschehen. Alltagsleben / Th. M. Buck, H. Kraume. – Ostfildern : Jan Thibecke, 2013. – 390 S.
5. *Hus, J.* The Letter To His Friends In Constance. (June 9 Or 10, 1415) [Электронный ресурс] / J. Hus // The Letters of John Hus. With Introductions and Explanatory Notes by Herbert B. Workman and R. Martin Pope. – London: Hodder and Stoughton, 1904. – 198 P. – https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/1994/Huss_1328_EBk_v6.0.pdf. – Дата доступа : 17.01.2021.
6. *Misa, J. de.* Sermo habitus in Bethlehem a quodam pio in memoriam novorum martyrum M. Johannis Hus et M. Hieronimi [Электронный ресурс] / J. de Misa // Fonte Rerum Bohemicarum. VIII. Petri de Mladoňonovic opera historica nec non aliae de M. Jahanne Hus et M. Hieronymo Pragensi relationes et memoriae. – Prameny Dějin českých. VIII / V. Novotný. – Praha: Františka Palackého, 1932. – 231–242 P. Режим доступа : <https://sources.cms.flu.cas.cz/src/-index.php?s=v&cat=11&bookid=182&page=393/> – Дата доступа : 20.01.2021.
7. *Mladoňowic, P. de.* Narratio de magistro Hieronymo Pragensi pro Christi nomine Constantiae exusto [Электронный ресурс] / P. de Mladoňowic // Fonte Rerum Bohemicarum. VIII. Petri de Mladoňonovic opera historica nec non aliae de M. Jahanne Hus et M. Hieronymo Pragensi relationes et memoriae. – Prameny Dějin českých. VIII / V. Novotný. – Praha : Františka Palackého, 1932. s. 339–350. Режим доступа : <https://sources.cms.flu.cas.cz/src/-index.php?s=v&cat=11&bookid=182&page=501>. – Дата доступа : 20.12.2021.
8. *Piccolominei, A. S.* Postea Pii II. Papae Historia Bohemica Ort [Электронный ресурс] / A. S. Piccolominei // Papst, Pius. – [Online-Ausg.]. – Helmestadii : Sustermannus, 1699. – 148 S. Режим доступа : <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=drucke/gm-526&pointer=54>. – Дата доступа : 21.01.2021.

Surta E. N. Hieronymus of Prague at the Constance cathedral according to contemporaries

Based on the testimonies of contemporaries and participants of the Council of Constance, the article examines and analyses the circumstances of the religious trial of the Czech reformer, disciple and follower of Jan Hus, Jerome of Prague, which ended with his execution

Телепень С. В.

***VIRI MILITARES* – ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОГО РОСТА (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)**

*В статье на основе авторитетных исследований рассматривается вопрос о факторах, повлиявших на карьеру римских командиров периода Принципата. Проанализировав существующие точки зрения, автор приходит к заключению о наличии в науке двух основных позиций. Первая из них состоит в отнесении римских военачальников к типу т. н. «любителей», в то время как другая точка зрения, приобретающая в настоящее время все больше сторонников, обнаруживает в среде римских командиров *virī militares*, т.е. профессиональных, по сути, командиров уровня от префекта когорты до легата легиона. Вывод: на современном уровне науки наиболее аргументированной является точка зрения о преобладании в карьере *virī militares* факторов личных командирских способностей и опыта.*

Введение

Основную информацию о карьерном продвижении в административной системе Римской империи содержат эпиграфические источники, повествующие о *cursus honorum* того или иного сенатора, эквита или представителя муниципальной верхушки. К сожалению, «надписи, содержащие рассказ о карьере, сообщают лишь о том, какие посты занимало то или иное лицо, но не показывают того, почему соответствующее назначение было произведено» [1, с. 329]. Соответственно, из надписи как правило весьма сложно вывести мотивы назначения (и продвижения по карьерной лестнице), поскольку такой текст обычно представляет лишь перечень последовательно занимавшихся постов. При этом порядок указываемых рангов и должностей мог строиться как по восходящей, так и нисходящей (т.е. – от низших постов к высшим либо наоборот).

В исторической науке неоднократно делались попытки объяснить те мотивы, которые стояли за назначением на офицерский пост. Две наиболее устоявшиеся в историографии позиции здесь представлены, во-первых, мнением, что ведущим критерием при назначении на должность была протекция (со стороны императора или его доверенных лиц), а во-вторых, точкой зрения, что в расчет брались прежде всего деловые качества потенциального назначенца. Именно эти две трактовки и будут нами разобраны в данной статье, носящей, таким образом, историографический характер.

Основная часть

В своё время выдающийся специалист по истории римской военной организации Эрик Бёрли написал: «Я сделал попытку выяснить принципы, сообразно которым, римская армия периода Принципата была укомплектована офицерами соответствующего ранга, имевшими достаточный опыт» [2, с. 94]. Вопрос о роли патронажа в сенаторской и всаднической карьере был тщательно изучен Ричардом Саллером [3, с. 62–63]. По мнению последнего, «протекция была незаменима (в Ранней Римской империи – С.Т.), поскольку не существовало никаких формальных бюрократических механизмов для привлечения императорского внимания к персоне претендента на пост» [4, с. 111]. Высшая административная власть находилась в руках самого императора. Наместники императорских

провинций (а таковые были наиболее значимы, особенно в военном отношении) и командиры легионов назначались в качестве легатов императора. Об этом свидетельствует их титулатура – *legatus Augusti pro praetore provinciae* либо *legatus Augusti legionis*. И таким образом, «все сенаторские магистратуры, назначаемые должности и почести были в распоряжении императора. Мы располагаем примерами протекции как непосредственно со стороны принцепса, так и со стороны его окружения. К сожалению, эти разрозненные примеры не позволяют выяснить, была ли протекция обычным или исключительным фактором при назначении» [4, с. 45]. Тем не менее очень трудно установить (или даже выдвинуть гипотезу), которая позволила бы объяснить, на какой стадии сенаторской карьеры (т.е. *cursus honorum*) император останавливал свой выбор на той или иной фигуре, чтобы затем вручить такому выдвигенцу высшие посты в армии и администрации. Здесь Эрик Бёрли, прежде всего, обратил внимание на такую магистратура, как вигинтивират, трактуемую им в качестве предпосылки дальнейшего карьерного роста молодого представителя сенаторской фамилии [5, с. 231]. Будущие сенаторы (формально в сенат вступали лишь по достижении квестуры) назначались вигинтивирами уже к двадцати годам. Представляется, что место в вигинтивирате было показателем статуса соответствующего лица, поскольку высший вигинтивирский пост (*III viri monetales*) обычно замещался патрициями и/или сыновьями консуляров, а наименее престижный вигинтивират (*III viri capitales*) поручался почти исключительно *homines novi*, т.е. представителям наименее значимых фамилий внутри римского нобилитета. Данная должность была связана с надзором за экзекуциями, казнями и т.д., что для римского общества не могло быть особенно престижным.

Вторая ступень (после вигинтивирата), на которую будущий сенатор мог быть продвинут, была офицерская служба в качестве *tribunus militum legionis laticlavii* выглядит более закономерной. В таком качестве будущий сенатор обычно служил только в одном легионе. Однако, например, будущий император Адриан последовательно состоял в качестве латиклавного трибуна в трех различных легионах. С другой стороны, обычно в данной должности молодые аристократы служили три года [2, с. 95]. Безусловно, как полагает Эрик Бёрли, «если бы *laticlavii* назначался всего на год, это было бы не очень эффективной схемой (командирской подготовки – С.Т.). Срок службы был установлен в два или три года. Возраст, в котором *laticlavii* получал свое назначение, вероятней всего, составлял девятнадцать или двадцать лет» [6, с. 9].

Военные трибуны обычно (или, во всяком случае, очень часто) служили под командой своих близких родственников, которые выполняли обязанности командиров легионов или даже наместников провинций. В последнем случае, если речь шла об императорских провинциях, это могли быть одни и те же лица. Таким образом, по мнению Рональда Сайма, «военный трибуна́т предоставлял шанс получить покровительство со стороны легата самого высокого ранга» [7, с. 564]. С другой стороны, отмечает Бриан Добсон, наместник, назначая своих *tribuni militum laticlavii*, «должен был печься о карьере не только своих сыновей и родственников, но также действовать сообразно рекомендациям насчёт других претендентов» [8, с. 131]. По мнению Артура Бёрли, «для назначения на такие, не слишком высокие посты, как военный трибуна́т, императоры полагались, надо думать, на своих генералов» [6, с. 3].

Многие молодые аристократы, преимущественно происходившие из патрицианских семей, не стремились к военной службе, особенно если речь шла о какой-нибудь дальней провинции, например, Сирии [9, с. 1391]. Как следствие, «некоторые будущие сенаторы, очевидно, не проходили трибунат (военный – С. Т.) – примерно восемь из двадцати каждый год» [6, с. 8]. В результате император был вынужден выдвигать людей из всаднического сословия или даже еще более низких социальных слоев. Эрик Бёрли отмечает, что критерии, по которым он это делал установить очень непросто [5, с. 230].

Возникает вопрос – в ситуации наличия большого количества вакансий, может быть, император назначал на конкурсной основе тех претендентов, которые прошли определенный отбор? По этому поводу Бриан Добсон пишет: «Чтобы получить командиров легионов и наместников приграничных провинций, императорам приходилось уговаривать сыновей сенаторов служить военными трибунами и проводить годы вдаль от дома... Те, кого удавалось уговорить, всегда были в меньшинстве, и их приходилось дополнять офицерами из числа эквитов» [10, с. 99].

Вместе с тем военный опыт, который молодой трибун мог получить, зависел от условий его военной службы. Если он направлялся в легион, стоявший в замиренной и романизированной провинции, например, в Испании, то будущий сенатор, как полагает Добсон, мог и не приобрести никакого боевого опыта: «Дискуссионным остается вопрос о том, насколько командир легиона мог опереться на свой опыт былой трибунской службы... Офицеры таких легионов, как VII Gemina в Испании или VIII Augusta в Аргенторате, выглядели менее компетентными чем те, кто успел принять участие в настоящих войнах» [8, с. 132]. К тому же, полагает Хуберт Девийвер, возраст военного трибуна senatorского ранга (*tribunus militum legionis laticlavii*) обычно был чуть больше двадцати, что резко контрастировало со средним возрастом трибуна всаднического ранга (*tribunus militum legionis angusticlavii*), который был сорок лет [11, с. 204].

Вторично (после завершения своего военного трибуната) представитель senatorского *ordo* мог вернуться к делам военной службы уже в качестве командира легиона (*legatus Augusti legionis*). Обычно это имело место после прохождения претуры, т.е., как установил Девийвер, в возрасте тридцати с небольшим лет [11, с. 204]. Некоторые сенаторы занимали последовательно два легатских поста – между претурой и консулатом, а именно в качестве командира легиона и затем наместника императорской провинции в звании легата пропреторского ранга. По отношению к этим категориям Бриан Кэмпбелл считает уместным римское выражение *virii militares* [12, с. 12]. По его мнению, такие сенаторы были довольно молоды для консулата, но таким путем могли занимать высокое положение, особенно в провинциях. И хотя помимо этих двух легатских постов они могли больше не иметь опыта высшего командования, развивает мысль Артур Бёрли, тем не менее «большинство наместников высшего (т.е. консулярного) ранга в прошлом прошли этап службы в качестве легата легиона» [6, с. 29].

Обычно легат легиона занимал свой пост в течение трёх лет. Как правило, это была другая провинция (или, по крайней мере, другой легион), нежели та, где он ранее служил в качестве *tribunus militum*. Причина заключалась не только в необходимости приобретения бóльшего и максимально разнопланового опыта, но и в том, что «его *dignitas* (репутация – С.Т.) могла пострадать, если бы слишком много центурионов и других нижних чинов запомнили его

молодым офицером, каким он был лет за десять до того» [6, с. 108]. Кроме того, по мнению Артура Бёрли, «политика избегания узкой специализации (командирских кадров – С.Т.) гарантировала, что методы военного руководства и его стандарты будут поддерживаться по всей империи единообразно и при этом на достаточном уровне» [6, с. 34].

Практически невозможно определённо сказать о мотивах, которыми императоры руководствовались в своём назначении командиров легионов. «Нет никаких доказательств того, – пишет Эрик Бёрли, – что наместник провинции имел какое-либо решающее слово при назначении своих командиров легионеров» [2, с. 96]. Такое назначение зависело от воли самого императора. Добсон добавляет: «Очень трудно выяснить те мотивы, которыми обуславливалось назначение конкретного легата легиона... Ещё труднее показать, что такой выбор был прямым результатом командирских способностей, продемонстрированных за десять лет до того» [13, с. 34]. Разумеется, под продемонстрированными за десять лет до назначения легатом легиона способностями здесь подразумевается то, что было связано с опытом военного трибуната. Как следствие, Добсон приходит к мысли: «Подводя итог, можно утверждать, что сенаторская карьера никогда не была приспособлена специально к задаче выявления военных талантов на ранней стадии» [8, с. 133].

Закономерно, что по мнению многих исследователей, римской императорской армией командовали непрофессионалы, впрочем, всегда относившиеся к высшему социальному слою. По этому поводу Кэмпбелл пишет: «Командиры редко были подготовленными в военном ремесле на профессиональном уровне. Многие же сенаторы и всадники вообще не участвовали в военных делах» [14, с. 152]. Тем не менее Артур Бёрли высказывает иное мнение: «Однако известно достаточно случаев, когда сенаторы несли многолетнюю военную службу, корректируя этим наше впечатление» (об их командирском дилетантизме – С. Т.) [6, с. 33]. Кроме того, военный опыт, вероятно, был лишь одним из критериев для занятия должностей в римской императорской армии и администрации. Как писал Рональд Сайм, «хотя большинство консулов имели опыт командования легионами, тем не менее скорее их образование и социальный статус, а не военная подготовка открывали им путь к высоким почестям. При этом опыт консулярного командования войсками редко был непрерывным и продолжительным» [15, с. 31].

Несомненно, более профессиональными и подготовленными (или, скорее, опытными) были центурионы. В связи с этим Девийвер пишет о роли старших центурионов: «*Primus pilus iterum* был технически наиболее квалифицированным офицером; за ним следовали *praefectus castrorum* и *primus pilus bis*. Это трио профессиональных военных составляло противовес малоопытным *legatus legionis*, *tribunus laticlavus* и пяти *tribuni angusticlavii* – теоретикам, интеллектуалам, идеологам *romanitas*. Однако все вместе они составляли штаб римского легиона» [11, с. 204].

Конечно, трудно согласиться с точкой зрения, что легаты легионов, эти командиры сенаторского ранга, были всего лишь любителями, вынужденными в важнейших вопросах командования полагаться на своих младших офицеров, происходивших из эквитов, если вообще не из простолюдинов. Возможно, подобная ситуация существовала во внутренних провинциях империи – в Испании или Галлии, давно и прочно замиренных. Однако на границах ситуациях

была другой. На Рейне, в Сирии и особенно на Дунае (со II в.) положение требовало концентрации командирской власти. Если назначение латиклавым трибуном зависело от покровительства со стороны влиятельного лица, то «для промежуточного уровня – такого, как пост легата, можно предположить развитие какой-то системы, хотя бы и не вполне очевидной. Ведь даже самые деятельные императоры, – настаивает Артур Бёрли, – не могли лично знать все шестьсот членов сената» [6, с. 3].

Возможно, одной из причин стабильности Римской империи в «золотой век Антонинов» (II в.) была налаженная система замещения командных кадров как в администрации, так и в армии. Патрисия Саузерн утверждает, что в период правления Марка Аврелия, которому пришлось вести тяжелые войны, «сформировался командирский корпус, представители которого показали выдающиеся знания и опыт. Их карьера была почти исключительно военной, предполагавшей лишь небольшой административный опыт» [16, с. 19]. Некоторые из них посвящали большую часть своего *cursus honorum* военной деятельности, главным образом в отдаленных провинциях. Артур Бёрли обратил внимание, что будущий император Публий Гельвий Пертинакс провел на командных должностях 21 год, а такие известные военачальники II в., как Секст Юлий Север и Марк Стаций Приск, соответственно, – 21 год и 15 лет [17, с. 111]. Все эти три деятеля занимали более чем один командный пост в войсках, стоявших на особо опасном участке римской границе – на Нижнем Дунае. Пертинакс одно время был легатом легиона *I Adiutricis* (около 171 г.) и затем последовательно был наместником двух провинций – Нижней, затем Верхней Мёзии и потом Дакии (176–179 гг.). Юлий Север был легатом легиона *XIII Geminae* (118–119 гг.), а затем был назначен наместником Верхней Дакии (120–126) и после – Нижней Мёзии (128–130). Он переводился из одного конца империи в другой по мере возникновения там военных угроз. Стаций Приск командовал легионом *XIII Geminae* и затем *XIII Geminae* (около 155 г.), после чего был наместником Дакии (156–158 гг.), а затем – Верхней Мёзии (161 г.), о чем пишет Марек Жиромский [18, с. 105, 110, 116].

Долгая служба на ответственных постах в приграничных провинциях требовала, конечно, многих усилий. Закономерно, что уже император Адриан создал несколько постов в центральной имперской администрации, которые могут рассматриваться как своего рода «оплачиваемый отпуск» для таких *virii militares*, т.е. практически профессиональных командиров. Подобными должностями, по мнению Сайма, били, например, *curator aerarium Saturni* и *curator operum publicorum* [19, с. 265]. Во время своей деятельности в качестве *virii militares* эти командиры получали военные награды – *dona militaria* – не столько за личную храбрость, сколько за успешные действия их легионов. В итоге своей карьеры они занимали высшие административные посты – проконсула Азии или Африки, префекта Рима, получали почётный консулат (*consul iterum*) [20, с. 129].

Существенно, что назначенцы, особенно интенсивно задеиствовавшиеся на военных и административных должностях, лишь в исключительных случаях происходили из старых патрицианских или консульских фамилий. Скорее напротив, замечает Артур Бёрли, «легаты военных провинций чаще всего были из относительно новых семей» [17, с. 117]. Следовательно, настаивает Жиромский, успешная и отмеченная наградами командирская деятельность в важных

приграничных провинциях может считаться фактором социальной мобильности [21, с. 90]. Таковыми являются примеры всех трёх вышеупомянутых *virii militares*. «Статий Приск последовательно занимал должности, включенные в *quartae militiae equestre*, находясь под командованием Гнея Миниция Фаустина. Кроме того, он был награждён за свои победы в Иудейской войне Адриана» [18, с. 62]. Иначе говоря, карьерные успехи в армии были тесно связаны с поддержкой со стороны влиятельных лиц. Артур Бирли составил список «сенаторов, которые имели опыт более чем двух командных постов консульского ранга» – 29 таких *virii militares*. Примечательно, что 20 из них в разное время занимали посты в «высшем командовании» на Нижнем Дунае [17, с. 111–113].

Несомненно, категория командиров, о которой мы говорим, чаще представлена легатами легионов и наместниками провинций. Однако в источниках встречаются и командиры, так сказать, сил особого назначения – *vexillationes*, особенно часто действовавших на наиболее опасных участках римского пограничья, на Нижнем Дунае – чаще всего. Благодаря своим командирским способностям, они были отмечаемы наградами (т.е. *dona militaria*) и заканчивали свой *cursus honorum* на высших административных постах в Риме, хотя в большинстве своём это были *homines novi*. На основании этих обстоятельств Жиромский полагает, что в Римской империи существовала некая форма военной специализации [22, с. 60]. И она, судя по всему, не была связана исключительно с командованием на Нижнем Дунае. Подобное можно увидеть и на примере рейнской границы, Сирии и Британии. При этом повсюду обнаруживается вышеотмеченная особенность военной карьеры: командир легиона никогда не становился легатом там, где ранее был военным трибуном. Роберт Шерк пишет: «Специализация в пределах одной провинции, такая как у Агриколы в Британии, вероятно, была довольно редкой во время Принципата... Обычной практикой была ротация кадров, как в современных армиях, но в более крупных провинциях специализация была возможна» [23, с. 120]. С другой стороны, Шерк, который первым указал на возможную специализацию части римской верхушки на военных делах замечает, что «из-за организационных особенностей системы Принципата было неизбежно, что командиры... и администраторы будут переходить с одной должности на другую» [23, с. 110]. Вопрос о специализации здесь особо остро стоит для II в. с его многочисленными войнами, так как «рост специализации в армии способствовал большему профессионализму», – добавляет Саузерн [16, с. 20]. С другой стороны, некоторые историки скептически относятся к идее подобной специализации, даже если речь идет о представителях всаднического сословия. К таким скептикам относится Кэмпбелл. Он утверждает: «Известные нам карьеры всадников не предполагают общепринятых схем продвижения (по карьерной лестнице – С. Т.) и противоречат идее о наличии специализации» [1, с. 331]. Отметим, что на этом этапе выражение *militiae equestres* ещё не было общепринятым обозначением всаднической офицерской службы [24, с. 20; 25, с. 260].

Несомненно, карьера римских всадников в армии и государственном управлении также была обусловлена покровительством со стороны влиятельного патрона и могла предполагать соответствующую специализацию. На сегодняшний день известно более двух тысяч офицеров всаднического ранга периода принципата [25, с. 262]. «Первое назначение, – заключает Эрик Бёрли, – будь то

префектом когорты или ангустиклавным трибуном, обычно происходили по протекции» [2, с. 105]. По мнению Ричарда Саллера, «предполагалось, что эквитская военная служба представляет собой покровительственный ресурс, который распределяется сначала между ближайшими протеже, а затем – друзьями друзей» [4, с. 132]. Представляется, что протекция и патрон-клиентские связи имели решающее значение лишь в начале эквитской карьеры. После этого офицер из числа эквитов должен был отличиться, чтобы обеспечить себе дальнейшее продвижение по службе. «Если первоначальная рекомендация обеспечила первое назначение, то дальнейшее продвижение по службе в ещё большей степени зависело от конфиденциальных отчётов вышестоящего начальника» [26, с. 14]. Иначе говоря, Эрик Бёрли отверг гипотезу о том, что офицеры из числа всадников были «любителями».

Эквитские военные должности в своей совокупности именовались *militiae* (со времен Адриана – *quartae militiae equestres*). Впрочем, последнее из новшеств имеет едва ли определяющее значение, лишь дополняя иерархию эквитских постов, сложившуюся до Адриана [25, с. 261–262; 27, с. 12, п. 34]. По этому поводу Эрик Бёрли пишет: «Фактически, *militia* – это совокупность служебных рангов, а не индивидуальные назначения, и это объясняет, почему 4 – это наивысшее число, когда-либо указанное, даже несмотря на то, что в некоторых случаях засвидетельствовано до полдюжины последовательных назначений» [26, с. 150]. Стоит отметить, что все четыре офицерских ранга проходили лишь немногие эквиты. По статистике только 3–4 % офицеров всаднического достоинства могли достичь уровня четвёртого ранга (т. е. *militia quarta*). Как установил Девийвер, в середине II в. иерархия офицерских рангов для эквитов выглядела следующим образом (по восходящей): префект когорты (*praefectus cohortis quingenariae* либо *tribunus cohortis voluntariorum*), военный трибун (*tribunus angusticlavii legionis* либо *tribunus cohortis milliariae*), префект кавалерийского отряда – алы (*praefectus alae quingenariae*), префект двойной алы (*praefecti alae milliariae*). Причём количество вакансий на каждом уровне иерархии было соответственно (примерно) – 300, 190, 90, 10 [28, с. 108; 29, с. 183].

Заключение

Таким образом, «офицер-эквит автоматически возвращался к гражданскому статусу, как только его преемник приходил на смену ему» [2, с. 110]. Несомненно, командирские способности и/или опыт офицерской службы обеспечивали лишь часть условий для продвижения по службе в рамках *militiae equestres*. «С точки зрения командующего, – делает вывод Артур Бёрли, – желательные качества офицера-эквита, без сомнения, включали надёжность и ответственность. Однако использование такого ярлыка, как «любитель», представляется модернизаторством. Ведь военных академий не существовало, а офицеры из числа всадников в основном были всего лишь относительно состоятельными землевладельцами... Армейские командиры были в основном образованными людьми. Вдали от Рима они были рады повстречать среди сослуживцев столь же начитанных соратников. Отсюда акцент на культуре в рекомендательных письмах Плиния Младшего и Фронтон» [30, с. 5]. Из замечания А. Бёрли следует ещё один мотив – социально-психологического порядка, который лежал в основе армейского протекционизма. Тем не менее, как мы видим, в науке преобладает точка зрения, согласно которой деловые качества офицера (особенно

что касается эквитов и преимущественно на наиболее ответственных участках) постепенно играли все более важную роль. Именно эти качества, как это утвердилось в историографии, были главным ресурсом карьерного роста такой категории римских командиров, как *viri militares*.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Campbell, J. B.* The Emperor and the Roman Army 31 B.C. – A.D. 235 / *J. B. Campbell.* – Oxford : Oxford University Press, 1984. – 468 p.
2. *Birley, E.* Promotions and transfers in the Roman Army: senatorial and equestrian officers / *E. Birley* // The Roman Army Papers 1929–1985. vol. IV. – Amsterdam : Gieben, 1988. – P. 93–114.
3. *Saller, R. P.* Promotion and Patronage in Equestrian Careers / *R. P. Saller* // JRS. – 1980. – vol. 70 – P. 44–63.
4. *Saller, R. P.* Personal Patronage under the Early Empire / *R. P. Saller.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – x, 222 p.
5. *Birley, E.* The Epigraphy of the Roman Army / *E. Birley* // Actes du Deuxieme Congres International d'Epigraphie Grecque et Latin Paris 1952. – Paris : Société d'édition Les Belles Lettres, 1956. – P. 226–238.
6. *Birley, A. R.* Fasti of Roman Britain / *A.R. Birley.* – Oxford : Clarendon Press, 1981. – xii, 476 p.
7. *Syme, R.* Praesens the Friend of Hadrian / *R. Syme* // Roman Papers, vol. V. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – P. 563–578.
8. *Dobson, B.* The 'Rangordnung' of the Roman Army / *B. Dobson* // *D.J. Breeze, B. Dobson,* Roman officers and frontiers. Mavors X. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1993. – P. 129–142.
9. *Syme, R.* Governors dying in Syria / *R. Syme* // Roman Papers, vol. 3. – Oxford : Clarendon Press 1984. – P.1376–1392.
10. *Dobson, B.* The centurionate and social mobility during the principate / *B. Dobson* // Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique. – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1970. – P. 99–116.
11. *Devijver, H.* Commanders and officers of legio III Scythica / *H. Devijver* // The twin towns of Zeugma on the Euphrates. Rescue works and historical studies. – Portsmouth, 1998 (JRA suppl. series 27). – P. 204–232.
12. *Campbell, B.* Who were the "viri militares" // JRS – 1975. – vol. 65. – P. 11–31.
13. *Dobson, B.* The Roman Army: Wartime or Peacetime Army? / *B. Dobson* // *D. J. Breeze, B. Dobson,* Roman officers and frontiers. Mavors X. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1993. – P. 218–241.
14. *Campbell, B.* War and Society in Imperial Rome 31B.C. – A.D. 284 / *B. Campbell.* – London and New York : Routledge, 2002. – xiv, 208 p.
15. *Syme, R.* The career of Arrian / *R. Syme* // Roman Papers. – vol. IV. – Oxford : Clarendon Press 1988. – P.21–49.
16. *Southern, P.* The Roman Empire from Severus to Constantine / *P. Southern.* – London, 2001. – 414 p.
17. *Birley, A.R.* Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedankenschrift für Eric Birley. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. – P. 97–119.
18. *Żyromski, M.* The question of specialization in the Roman administrative system – the case of Pannonia / *M. Żyromski* // Eos. – 1995. – vol. LXXXIII. – P. 337–353.
19. *Syme, R.* Curtailed Tenures of Consular legates/ *R. Syme* // ZPE. – 1985. – vol. 59. – P. 265–279.
20. *Żyromski, M.* The *dona militaria* as factor of senatorial career in the Roman Empire during the Principate // Eos. – 1996. – vol. LXXXIV. – P. 115–136.
21. *Żyromski, M.* Some patterns of senatorial vertical social mobility in the Early Roman Empire / *M. Żyromski* // Eos. – 2001. – vol. LXXXVIII. – P. 87–94.
22. *Żyromski, M.* Specialization in the Roman provinces of Moesia / *M. Żyromski* // Athenaeum. – 1991. – vol. 79. – P. 59–102.
23. *Sherk, M.* Specialization in the provinces of Germany / *M. Sherk* // Historia. – 1971. – vol. 20. – P. 110–121.

24. *Saddington, D. B.* An Augustan officer on the Roman army: *militaria* in Velleius Paterculus and some inscriptions / *D. B. Saddington* // Documenting the Roman Army. Essays in Honour of Margaret Roxan. London : Institute of Classical Studies, 2003. – P. 19–29.

25. *Davenport, C.* A History of the Roman Equestrian Order / *C. Davenport*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – xxv, 716 p.

26. *Birley, E.* The Equestrian Officers of the Roman Army / *E. Birley* // Roman Britain and the Roman Army. Collected Papers. – Kendal : Titus Wilson and Son, Ltd, 1953. – P. 133–153.

27. *Duncan-Jones, R. P.* Power and Privilege in Roman Society / *R. P. Duncan-Jones*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – xii, 229 p.

28. *Devijver, H.* La Prosopographia Militarium Equestrium. Contribution a l'histoire sociale et economique au Principat / *H. Devijver* // Histoire economique de l'Antiquite. – Louvain-la Neuve : Presses Universitaires de Louvain, 1987. – P. 107–122.

29. *Devijver, H.* Les milices equestres et la hierarchie militaire / *H. Devijver* // La hierarchie (Rangordnung) de l'Armee romaine sous le Haut Empire. – Paris : de Boccard, 1995. – P. 175–191.

30. *Birley, A. R.* The commissioning of equestrian officers / *A. R. Birley* // Documenting the Roman Army. Essays in honour of Margaret Roxan. – London : Institute of Classical Studies, 2003. – P. 1–18.

31.

Сокращения

JRS – The Journal of Roman Studies

JRA – Journal of Roman Archeology

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Telepen S. V. Viri militares – factors of career growth (to the historiography of the question)

Based on authoritative research, the article examines the factors that influenced the careers of the Roman commanders of the Principate period. After analyzing the existing points of view, the author concludes that there are two main positions in science. The first of them consists in the classification of the Roman military leaders to the type of the so-called. "Amateurs", while another point of view, which is now gaining more and more adherents, finds viri militares among the Roman commanders, that is, professional, in fact, commanders of the level from the prefect of the cohort to the legate of the legion. Conclusion: at the modern level of science, the most reasoned point is the prevalence of factors of personal commanding abilities and experience in the viri militares career.

УДК 94 (476)+26

Ціхаміраў А. У.

ЗНАКАМІТЫЯ ЯЎРЭІ – УРАДЖЭНЦЫ ГОРАДА БАРАНАВІЧЫ

Артыкул прысвечаны біяграфіям выдатных прадстаўнікоў яўрэйскай супольнасці, якія нарадзіліся ў горадзе Баранавічы ў XX ст. Сярод іх былі ваеначальнікі, грамадскія, палітычныя і рэлігійныя дзеячы, літаратары, спевакі і музыкі, якія ўнеслі значны ўклад у развіццё культуры Беларусі і іншых краін.

Уводзіны

Яўрэйская супольнасць Баранавіч з'яўляецца неад'емнай часткай гісторыі і сучаснасці горада. Развіццё чыгуначнага вузла і паступовае фарміраванне мадэрнага паселішча прыцягвала шматлікіх яўрэйскіх купцоў, гандляроў і рамеснікаў з 80-х гадоў XIX ст. У 1897 г. яўрэі складалі амаль палову жыхароў Развадава: 2171 з 4692 з агульнай колькасці жыхароў [1, стб. 275]. Згодна з расійскім заканадаўствам 1882 г. яўрэі не мелі права жыць у мясцовасці пастаянна, бо існавала забарона сяліцца па-за гарадамі. Баранавічы тады фармальна

былі спачатку вёскай, а потым – мястэчкам. Толькі пасля прыняцця закона 9 снежня 1903 г. яўрэі маглі свабодна сяліцца ў Баранавічах, а супольнасць атрымала дадатковы штуршок для развіцця. Ужо ў 1913 г. у горадзе было 10 сінагог. Баранавічы былі важным месцам прыцягнення для хасідскіх супольнасцей: прыхільнікаў слонімскай, столінскай і койданаўскай дынастый. У горадзе развіваліся розныя яўрэйскія дабрачынныя і адукацыйныя ўстановы, вірвала палітычнае жыццё (у 1904 г. было заснавана мясцовае аддзяленне партыі Бунд) [2]. У 1908 г. у Баранавічах выступаў знакаміты пісьменнік Шолам-Алейхем. Да Першай сусветнай вайны яўрэі таксама аказвалі значны ўплыў на гаспадарчае развіццё горада.

З 1919 г. яўрэйская супольнасць пачала паступова адраджацца. Прадстаўнікі яўрэйскіх палітычных рухаў актыўна ўдзельнічалі ў мясцовым самакіраванні, засядалі ў гарадскім магістраце. У 1921 г. у Баранавічах пражывала 6605 яўрэяў (ці 57,5 % ад агульнага насельніцтва). У міжваенны перыяд у горадзе дзейнічала развітая інфраструктура грамадскіх арганізацый, аддзеленняў палітычных партый і рухаў, адукацыйных і спартыўных устаноў, рэлігійных арганізацый. Яўрэі былі актыўнай часткай эканамічнага жыцця: у 1920-я гады да іх належала 10 банкаў і крэдытных устаноў. У 1930-я гг. у сувязі з эканамічным крызісам іх засталася толькі два. У горадзе дзейнічала 11 сінагог і ешыва. Яўрэйская прэса Баранавіч была даволі разнастайнай: у 1928–1939 гг. выдавалася 6 тыднёвікаў на мове ідыш [2]. Згодна з перапісам насельніцтва 1931 г. 9 423 жыхары горада назвалі ідыш і іўрыт роднымі мовамі (35, 8 % ад агульнай колькасці жыхароў горада). Але іўдзеі складалі 43, 3 % (10 802 чал.) ад агульнай колькасці жыхароў [3, с. 15–17].

У 1939 г. у Баранавічы скіравалася шмат яўрэйскіх бежанцаў з цэнтральных рэгіёнаў Польшчы, частка з іх пазней выехала на тэрыторыю Літвы. Пасля ўстанаўлення савецкай улады паступова абмяжоўвалася актыўнасць яўрэйскіх арганізацый, праводзіліся антырэлігійныя кампаніі.

Баранавічы былі акупаваныя нямецкімі войскамі 27 чэрвеня 1941 г. 28 чэрвеня 1941 г. выйшла распараджэнне аб арганізацыі гета. Практычна з першых дзён акупацыі яўрэйскае насельніцтва падвяргалася здзекам, рабаўніцтву, арыштам, фізічным знішчэнням. Першая “акцыя” ліквідацыі ў гета адбылася 4 і 5 сакавіка 1942 г. на свята Пурым. Падчас яе было забіта каля 3 400 чалавек [4, с. 248–250]. 22 верасня – 2 кастрычніка 1942 г. на свята Ём Кіпур было забіта каля 5 тысяч чалавек. 17 снежня 1942 г. адбылася канчатковая ліквідацыя гета: падчас гэтага масавага злачынства было забіта ад 3 да 7 тысяч чалавек. У ліпені 1942 г. ва урочышчы Гай было расстраляна каля 3 тысяч чэхаславацкіх яўрэяў з канцлагера Тэразінштат [4, с. 248–250]. Частка жыхароў гета здолела ўцякчы, частку ўратавала мясцовае беларускае і польскае насельніцтва, а некаторыя змаглі далучыцца да дзеючых партызанскіх атрадаў. У гета існавала арганізаванае падполле і баявая група.

Жыццё яўрэйскай грамады пасля Другой сусветнай вайны адраджалася вельмі паволі. Рэлігійнае жыццё існавала практычна нелегальна, а на грамадскую атмасферу ўплывалі антысеміцкія кампаніі. З 1992 г. актыўна развіваецца грамадскае жыццё яўрэйскай супольнасці, існуюць рэлігійныя абшчыны, актывісты займаюцца адраджэннем культуры і мемарыялізацыяй важных месцаў памяці.

Асноўная частка

У Баранавічах нарадзіліся важныя прадстаўнікі яўрэйскай супольнасці, якія ўнеслі значны ўклад у развіццё Беларусі і іншых краін: ваеначальнікі, палітычныя і грамадскія дзеячы, літаратары, спевакі і музыкі.

У 1901 г. нарадзіўся ў сям’і рамесніка Ісаак Якаўлевіч Малашыцкі. Ён скончыў чатыры класы яўрэйскай школы ў Баранавічах, працаваў рамеснікам. Служыў у Чырвонай Арміі з 1919 г., удзельнічаў у Грамадзянскай вайне (1919–1921). Пасля вайны скончыў ваенна-пяхотную школу, а ў 1928 г. – Ваенную Акадэмію імя М. В. Фрунзэ ў Маскве. І. Я. Малашыцкі ў мірны час камандаваў стралковым палком, дывізіяй. З 1941 г. – намеснік начальніка штаба арміі, з 1942 г. – камандзір 180-ай стралковай дывізіі. 4 лютага 1943 г. яму было прысвоена званне генерал-маёра. Загінуў падчас бою 16 сакавіка 1943 г. у раёне Курскай дугі і пахаваны ў вёсцы Барысаўка Курскай вобласці. І. Я. Малашыцкі быў узнагароджаны ордэнам Чырвонага Сцяга, ордэнам Суворова II ступені, ордэнам Чырвонай Зоркі [5].

29 снежня 1903 г. у сям’і рамесніка нарадзіўся Ілья Яўхімавіч Прус. Удзельнічаў у Грамадзянскай вайне, у 1934 г. закончыў Ваенна-інжынерную акадэмію імя Куйбышава. У Чырвонай Арміі з 1918 г., служыў на Заходнім і Туркестанскім франтах у званні радавога, палітрука роты. Удзельнічаў у Вялікай Айчыннай вайне на Паўднёва-Заходнім, Сцяпным, Цэнтральным і 1-ым Беларуска-кім франтах на розных кіруючых пасадах: начальніка армейскага ўпраўлення ваенна-палявога будаўніцтва фронту, начальніка інжынерных войскаў арміі, начальніка ўпраўлення абарончага будаўніцтва рэзерву Вярхоўнага галоўнакамендавання. У 1945 г. І. Я. Прусу было прысвоена званне генерал-маёра інжынерных войскаў. Пасля вайны ён кіраваў ўпраўленнем будаўнічых работ. З 1968 г. у адстаўцы. Узнагароджаны ордэнам Леніна, чатырма ордэнамі Чырвонага Сцяга, пяццю іншымі ордэнамі, медалямі. Памёр 12 чэрвеня 1972 г. [4, с. 612].

16 жніўня 1904 г. у Баранавічах нарадзілася Жэня Твэрскі (імя і прозвішча пры нараджэнні – Геня Гінцбург) – палітычная і грамадская дзяўчка Ізраіля, дэпутат Кнесета. Да пераезду ў Палесціну (1923 г.) вучылася на юрыдычным факультэце Варшаўскага ўніверсітэта. У 1932 г. скончыла Інстытут сацыяльных работнікаў у Берліне. Разам з Генрыетай Сольд і Рахель Коэн-Каган была адной з заснавальніцаў канцэпцыі сацыяльнай работы ў Ізраіле, арганізавала першае Бюро сацыяльнай дапамогі. У 1932–1942 гг. кіравала сацыяльнай службай яўрэйскай абшчыны Хайфы, у 1942–1948 гг. – Іерусаліма. У 1945 г. Ж. Твэрскі накіравалася ў Еўропу для працы ў лагерах для яўрэяў, якія перажылі Халакост. Пасля вяртання ў Ізраіль яна пачала кіраваць аддзелам сацыяльнага забяспячэння мэрыі Хайфы. Была таксама членам Цэнтральнага камітэта партыі МАПАЙ (“Партыя рабочых зямлі Ізраіля”) (існавала ў 1930–1968 гг.), членам Прэзідыўма прафсаюзаўнага аб’яднання Гістадрут.

Жэня Твэрскі была дэпутатам Кнесета 1–5 скліканняў ад партыі МАПАЙ. У выніку парламенцкіх выбараў 1949 г. не атрымала дэпутацкі мандат, але 5 лютага 1951 г. атрымала яго пасля адмовы ад мандата Гэшеля Фрумкіна і такім чынам стала дэпутатам Кнесета першага склікання. Абараніла свой мандат у выніку выбараў 30 ліпеня 1951 г. і ў Кнесэце другога склікання кіравала падкамісіяй нацыянальнага сацыяльнага забяспячэння, была членам трох парламенцкіх камісій: будаўніцтва, працы і сацыяльнай дапамогі. На выбарах 1955 г.

прайграла, але 6 ліпеня 1959 г. стала дэпутатам пасля адмовы ад мандата Шэлома Гілея (да 30 лістапада 1959 г.). Восенню гэтага ж году ў выніку выбараў стала зноў дэпутатам Кнесета чацвёртага склікання, была членам камісіі канстытуцыі, права і справядлівасці, а таксама камісіі сацыяльнай дапамогі. Не атрымала мандат падчас датэрміновых выбараў 1961 г., але таксама трапіла ў Кнесет пятага склікання на некалькі месяцаў (24 лістапада 1963 г. – 9 красавіка 1964 г.) пасля смерці дэпутата Меіра Аргова. Жэня Твэрскі таксама кіравала замежнымі дачыненнямі ў Жаночым рабочым савеце і апублікавала некалькі артыкулаў на тэму сацыяльных пытанняў. Яе імем названа вуліца ў Іерусаліме. Памерла 9 красавіка 1964 г. [6].

Жэня Твэрскі была замухам за ветэрынарам Іосіфам Твэрскім. Сын – псіхалаг і эканаміст Амос Твэрскі (1937–1996). Ён з 1969 г. супрацоўнічаў з Даніэлем Канеманам па праблематыцы ацэнкі верагоднасці падзей. Д. Канеман сумесна з Вернанам Смітам у 2002 г. атрымаў Нобелеўскую прэмію па эканоміцы за даследванні ў вобласці прыняцця рашэнняў і механізмаў альтэрнатыўных рынкаў. Іх даследванні былі вынікам сумеснай працы з А. Твэрскім і іншымі аўтарамі па ўсталяванні кагнітыўнай асновы для агульных чалавечых памылак ў выкарыстанні эўрыстыкі.

У 1906 г. у Баранавічах нарадзіўся паэт Лейб (Леў) Талалай (варта звярнуць увагу на тое што, у большасці яго біяграфій на беларускай мове ўказваецца памылкова іншае месца нараджэння). Падчас Першай сусветнай вайны разам з бацькамі ён пераехаў у вёску Завярэжжа Магілёўскага павета Магілёўскай губерні і разам з імі працаваў на гаспадарцы. Пазней пераехаў у Мінск, дзе скончыў сярэднюю школу. Ёсць звесткі, што ў 1925–1926 гг. будучы паэт працаваў настаўнікам Вендаражскай пачатковай школы Магілёўскага раёна. Адукацыю Л. Талалай завяршыў у Віцебскім педагагічным тэхнікуме (1926–1928). Працаваў пэўны час рабочым, а пазней – настаўнікам ідыша ў мінскіх школах. У 1928–1932 гг. служыў у Чырвонай Арміі. Ёсць звесткі, што служыў у войску таксама звыштэрмінова [7; 8, с. 392].

У 1932–1936 гг. Л. Талалай – супрацоўнік яўрэйскай газеты “Der unger arbeter” (тут і далей транслітэрацыя назваў з ідыша прыводзіцца паводле нормаў Інстытута YIVO, у перакладзе – “Малады рабочы”), прымаў актыўны удзел у рэдагаванні часопіса “Shtern” (“Зорка”) (1925–1941) – важнага літаратурнага органа на мове ідыш у Беларускай ССР, у якім публікавалі не толькі ўсе тагачасныя ідышамоўныя пісьменнікі і паэты Беларусі, але таксама з іншых саюзных рэспублік [9, с. 71–72].

Упершыню Лейб Талалай апублікаваў свой верш у мінскай газеце “Der unger arbeter” у 1924 г., а пазней яго творы выходзілі ў наступных выданнях: “Der unger pyoner” (“Малады піянер”), “Oktyabr” (“Кастрычнік”), “Shtern”, “Atake. Almanakh fun roytarmeyishn landshuts-literatur” (“Атака. Альманах чырвонаармейскай абарончай літаратуры”) у 1934 г., “Sovetishe Vaysrusland. Literarishe zamlung” (“Савецкая Беларусь. Літаратурная калекцыя”) у 1935 г. (усё ў Мінску), “Yungvald” (“Малады свет”), “Emes” (“Праўда”), “Pyoner” (“Піянер”), “Eynikeyt” (“Адзінства”) (усе у Маскве); “Di royte velt” (“Чырвоны свет”) і “Prolit” (“Праліт” – “Пралетарская літаратура”) (у Харкаве) і іншых. Пры жыцці творцы было выдадзена дзве ягоныя кнігі паэзіі: “Maun spor, maun

ershtling. Lider” (“Мой сноп, мой першынец. Вершы”) (Мінск, 1932, 75 с.), “In marsh” (“У паходзе”) (Мінск, 1940, 74 с.) [7; 10, с. 5–6].

У чэрвені 1941 г. Л. Талалай быў мабілізаваны у якасці афіцэра ў Чырвоную Армію, ваяваў з нямецкімі акупантамі і загінуў на фронце у 1943 годзе. Ягонья творы публікаваліся таксама пасля смерці ў Савецкім Саюзе і за мяжой. У творчасці паэта важнай тэмай выступала праца на зямлі і ваенная тэматыка. Вершы Л. Талалая былі змешчаныя таксама у зборніках “Bafrayte brider. Literarische zamlung” (“Вызваленныя браты. Літаратурная анталогія”) (Мінск, 1939), “Мы іх не забудзем” (Мінск, 1949), “Ліра” (Мінск, 1985), “Недаспяваныя песні” (Мінск, 2015). Яго вершы на беларускую мову пераклалі А. Бялевіч, Р. Няхай, Р. Барадулін. Творы друкаваліся таксама у часопісе “Іскры Ільча”, газетах “Чырвоная змена”, “Літаратура і мастацтва” і іншых [7].

1 жніўня 1914 г. нарадзіўся публіцыст і рэдактар Шлоймэ Фуксман. Ён вучыўся ў ешыве, але скончыў толькі палову курса навучання і пазней займаўся самаадукацыяй. Жыў у Лодзі, Вільні і Варшаве. Да Другой сусветнай вайны быў актывістам прафесійнага саюза і партыі “Poalei Agudat Yisrael” (“Працаўнікі Агудат Ізраэль”, іншы варыянт назвы – “Рабочы саюз Ізраіля”) і аўтарам яе гімна. З 1931 г. Ш. Фуксман публікаваўся ў “Dos yudishe togblat” (“Яўрэйская штодзённая газета”) у Варшаве, “Dos vort” (“Свет”) і “Yidish far ale” (“Ідыш для усіх”) у Вільні, “Nayer folksblat” (“Новая народная газета”), “Beys-yankev zhurnal” (“Часопіс Бэйс Янкелеў”), “Idishe arbayer shtime” (“Голас яўрэйскага рабочага”, таксама быў адным з рэдактараў) у Лодзі, а таксама ў іншых выданнях. Разам з Л. Вараб’ёўскім стварыў выдавецкую серыю “Dos folk dertseylt” (“Народ расказвае”). Ш. Фуксман быў таксама адным з аўтараў кнігі “Dos Baranovitsher Sholem Aleykhem bukh” (“Баранавіцкая кніга Шолам Алейхема”), друкаваўся таксама ў “Foryoys” (“Наперад”) у 1939 г. у Варшаве і ў “Oktyabr” (“Кастрычнік”) ў Мінску ў 1939–1940 гг.

Ш. Фуксман таксама падрыхтаваў да друку і апублікаваў “Pinkes fun der gezelshaft gmiles-khsodim in Baranovitsh” (“Запісы Таварыства безпрацэнтных пазык у Баранавічах”) (Баранавічы, 1936, 74 с.). З пачаткам нямецкай акупацыі Ш. Фуксман знаходзіўся ў Баранавіцкім гета. Падчас экзекуцыі на свята Пурым 1942 г. разам з іншымі рэлігійнымі яўрэямі быў застрэлены немцамі. Захаваліся звесткі, што публіцыст перад смерцю спяваў гімн “Am yisroel hai” (“Яўрэйскі народ жыве!”) [11]. Яго брат Ёсэф-Мошэ Фуксман быў адным з арганізатараў падпольнага руху ў віленскім гета і актыўным дзеячом яўрэйскай эміграцыі у ЗША.

Выдатны філолаг Макс Вайнрайх (1894–1969) у сваёй фундаментальнай працы “Гісторыя мовы ідыш” нават узгадаў адзін з публіцыстычных артыкулаў Шлоймэ Фуксмана ў якасці прыкладу распаўсюджвання пэўнага вясельнага пажадання ў ідышы, характэрнага для жыхароў Новай Мышы і Баранавіч. Маладым жадалі “хуткага абразання”, гэта значыць, нараджэння у новай сям’і хлопчыка [12, р. А685].

Актыўным удзельнікам партызанскага руху ў Баранавіцкім краі падчас Другой сусветнай вайны і франтавіком быў Давід Калпеніцкі (нар. 1925). Пасля вайны ён вучыўся ў Кішынёўскім педагагічным інстытуце (1954–1957), у 1957 г. разам з сям’ёй рэпатрыяваўся ў Ізраіль, атрымаў прафесію інжынера ў Тэль-Авіўскім універсітэце. Д. Калпеніцкі (пад псеўданімам Давід Мышанка) напісаў

кнігу ўспамінаў аб сваім жыцці ў час вайны “Кому жить и кому умереть”, якая вытрымала ўжо два выданні [13, с. 5].

Урадженцам Баранавіч з’яўляецца Абрахам Фоксман (нар. 1940) – адвакат, у 1987–2015 гг. – старшыня Антыдэфамацыйнай лігі (ЗША), з 2016 г. кіруе Цэнтрам даследванняў антысемітызма пры Музеі яўрэйскай спадчыны ў Нью-Ёрку [14].

У 1968 г. нарадзіўся Яўген Шапавалаў – ізраільскі оперны спявак і музычны прадусар. Пачатковую музычную адукацыю атрымаў ў музычнай школе ў Баранавічах. У 1984 г. арганізаваў у родным горадзе рок-групу “Сентябрь”. Вучыўся ў Адэскай кансерваторыі і кансерваторыі пры Тэль-Авіўскім ўніверсітэце, стажыраваўся ў Метраполітан-опера ў Нью-Ёрку. У 1991 г. эміграваў у Ізраіль. Выконвае класічныя оперныя партыі, народную музыку Ізраіля і краін былога СССР, а таксама папулярную музыку. Спявае на больш чым 10 мовах, у тым ліку на іўрыце, ідышы, італьянскай, французскай, англійскай, беларускай, рускай. З 2008 г. жыве ў ЗША. Актыўна гастралюе ў Еўропе, Паўночнай Амерыцы, Блізкім Усходзе, а ў апошнія гады таксама ў Беларусі і Расіі [15].

Таксама з Баранавічамі звязана жыццё скрыпача і дырыжора Генрыка Мэсінга (1902–1942), графіка, стваральніка “класічнага” друкарскага шрыфта для мовы ідыш Цві Бергмана (1918–2006), равіна, кіраўніка баранавіцкай школы “Охэль Тора Ешыва” Эльхмана Васэрмана (1875–1941).

Заклучэнне

Нягледзячы на тое, што Баранавічы ў гістарычнай перспектыве лічацца даволі маладым горадам, варта звярнуць увагу на багатую гісторыю розных этнічных супольнасцей, якія ў ім жывуць. Яўрэі ўнеслі важкі ўклад у жыццё горада з самага яго пачатку. Яўрэйская мінуўшчына Баранавіч вартая глыбокага і ўсебаковага даследвання з пункту гледжання розных гуманітарных дысцыплін, у тым ліку біяграфістыкі і іўдаікі.

СПІС ЦЫТАВАНЫХ КРЫНІЦ

1. Еврейская энциклопедия : Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинцбурга. – Т. 13 : Проклятие – Сарагосси. – СПб. : Издание Общества для еврейских научных изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, 1912. – 962 стб.

2. Baranowicze. Historia społeczności [Электронны рэсурс] // Wirtualny sztetl. – Рэжым доступу : <https://sztetl.org.pl/pl/miejscowosci/b/1055-baranowicze/99-historia-spolesznosci/137039-historia-spolesznosci> – Дата доступу : 08.04.2021.

3. *Kuryniec, J.* Miasto Baranowicze. Charakterystyka ogólna / *J. Kuryniec* // *Kalendarz popularny baranowicki na rok 1937* / red. M. Barbanell i J. Kuryniec. – Baranowicze : Express, 1937. – 120 s.

4. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага раёна. – Мінск : БелТА, 2000. – 736 с.

5. Малошицкий Иссак Яковлевич (1901–1943) [Электронны рэсурс] // Интернет-проект по увековечиванию памяти воинов-евреев. – Рэжым доступу : <https://www.jewmil.com/biografii/item/401-maloshitskij-isaak-yakovlevich> – Дата доступу : 07.04.2021.

6. *Jenia Tversky* [Электронны рэсурс] // *Knesset*. – Рэжым доступу : https://www.knesset.gov.il/mk/eng/mk_print_eng.asp?mk_individual_id_t=429 – Дата доступу : 06.04.2021.

7. *Fogel, J. Leyb Talalay* (1906 – Summer 1943) (28 September 2016) [Электронны рэсурс] / *J. Fogel* // *Joshua Fogel*. – Рэжым доступу : <http://yleksikon.blogspot.com/2016/09/leyb-talalay.html> – Дата доступу : 31. 03. 2021.

8. Недаспяваныя песні : зборнік твораў паэтаў Беларусі, якія загінулі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / уклад., аўт. прад. і біягр. давед. *Алесь Бельскі*. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2015. – 462 с.

9. *Рубінчык, В. Іўдзейнасць / В. Рубінчык*. – Мінск : Шах-плюс, 2020. – 127 с.

10. *Клімуць, Я. І. Талалай Леў / Я. І. Клімуць* // Беларускія пісьменнікі. Біябібліяграфічны слоўнік. Т. 6 : Талалай – Яфімаў. Дадатак / пад рэд. *А. В. Мальдзіса*. – Мінск : БелЭн, 1995. – 684 с.

11. *Fuks, K. L. Shloyme Fuksman* (9 October 2018) [Электронны рэсурс] / *K. L. Fuks* // Joshua Fogel. – Рэжым доступу : <http://yleksikon.blogspot.com/2018/10/shloyme-fuksman.html> – Дата доступу : 31. 03. 2021.

12. *Weinreich, M. History of the Yiddish Language / Max Weinreich*. – Vol. 2. – New Haven and London : Yale University Press, 2008. – 1022 p.

13. *Мышанка, Д.* Кому жить и кому умереть... Из Барановичского гетто – в партизанский отряд, на фронт и к мирной жизни / *Д. Мышанка*. – Тель-Авив : М+. Издатель Мона Пастер, 2002. – 304. с.

14. *Foxman Abraham* [Электронны рэсурс] // *Wirtualny sztetl*. – Рэжым доступу : <https://sztetl.org.pl/miejscowosci/b/1055-baranowicze/106-biogramy/4289-foxman-abraham> – Дата доступу : 08.04.2021.

15. Евгений Шаповалов [Электронны рэсурс] // Сайт Барановичи br. – Рэжым доступу : https://br.1963.ru/readarticle.php?article_id=113 – Дата доступу : 08.04.2021.

Tsikhamirau Andrei. Outstanding Jews from Baranavičy

The issue deals with the remarkable representatives of Jewish community from Baranavičy. Among them were military personalities, public and religious figures, politicians, literary artists, singers and musicians who made a strong contribution to Belarusian culture and culture of other countries.

УДК 821.161.1-15-19-191Крылов

Писарук Г. В.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА «ВОРОНА И ЛИСИЦА»

В статье рассматривается дидактический потенциал известной басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» – её воспитательный, литературоведческий, лингвистический и лингвокультурологический аспекты. Центральное место в статье занимает описание разработанной системы лингвистических заданий для учащихся 5–11 классов, которые были апробированы в школах г. Бреста.

Ключевые слова: *басня, дидактический потенциал, воспитательный, литературоведческий, лингвистический и лингвокультурологический аспекты, образы, лингвистические задания, художественный и разговорный стиль, христианские мотивы.*

*Кто не слышал его живого слова?
Кто в жизни с ним не встретился своей?
Бессмертные творения Крылова
Мы с каждым годом любим всё сильнее.
М. Исаковский*

Русским поэтом и баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым написано более 200 басен. Все стихотворные рассказы пропитаны жизненной мудростью. С помощью персонажей басней затрагиваются проблемы общества

и нравственности, образы животных помогают точнее воплотить и раскрыть все стороны человеческого характера. Смысл каждой басни заставляет читателей задуматься и побуждает вынести важный поучительный урок.

Басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» делится на краткое вступление, содержащее идею, которую автор хочет донести до читателя (Нельзя слепо доверять человеку, иначе можно стать жертвой его обмана), и описание встречи Вороны и Лисицы, которая является иллюстрацией этой идеи. (Предложения в тексте басни пронумерованы для удобства поиска нужных слов, данных в заданиях).

Ворона и Лисица

- 1** Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
- 2** Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
- 3** На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
- 4** Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, –
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
- 5** Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, –
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Комплексный анализ небольшой басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» (всего 5 предложений, 154 слова) позволил сделать вывод о том, что этот текст имеет огромный дидактический потенциал – воспитательный, литературоведческий, лингвистический и лингвокуль-турологический. Это позволяет использовать басню в качестве дидактического материала на уроках русского языка в средней школе.

Литературоведческий аспект басни

Главными героями басни выступают Ворона и Лисица. Перед Лисой стоит задача – любыми способами заполучить желанный кусочек сыра. Выбрав хитрую тактику, она добивается своей цели. Ворона становится жертвой обмана. Крылов раскрывает в героях басни отрицательные качества. Ворона олицетворяет человеческую глупость. Во многих литературных произведениях сказочный персонаж вороны подразумевает вещую птицу. Поэтому Крылов в шуточной форме называет её вещуньей. Недальновидность птицы оставляет её без обеда. Пойдя на поводу у хищницы, ворона проявляет слабость. Всего на секунду расслабилась – и тут же угодила в мастерски расставленный капкан.

В образе Лисы с первых строк просматривается ехидность, вкрадчивость и осторожность. Она представлена как воплощение хитрости и ума. Понимая, что сила и ловкость в борьбе с вороной неуместны, Лиса борется за лакомый кусочек другим способом. Её льстивая речь звучит словно приятная музыка. Каждое движение лисы подчёркивает её коварность и изворотливость. Своей чрезмерной похвалой лиса мастерски очаровывает тщеславную ворону.

Лиса поставила перед собой цель и упорно не отступала, пока не получила результат. Её настойчивость достойна уважения. Однако Лиса позиционируется автором как отрицательный герой: в своих действиях она пользуется коварными методами, для неё на первом месте личные желания и интересы. Выбрав нечестный способ, Лиса одержала победу. Её выигрышное положение как бы противоречит морали басни. Ведь если лезть – это плохо, то почему лиса оказалась победительницей?! Выходит, что есть ситуации в жизни, когда все средства хороши. Наверняка у читателей складывается неоднозначное впечатление об этом персонаже.

Так же происходит и в жизни. Лезть очень часто присутствует в диалогах между людьми. Причём льстецов не интересуют чувства собеседника, наглая лесть часто звучит как высмеивание. Но человек, который льстит, может угодить в собственную ловушку, ведь умный и образованный собеседник способен сразу заметить льстивую похвалу. Человек, который падок на сладкие речи, как правило, глуп и самодоволен.

Лингвистические аспекты басни

Нами составлены 70 заданий для учащихся средней школы по разным разделам русского языка – «Развитие речи», «Фонетика», «Лексика и фразеология», «Состав слова и словообразование», «Морфология», «Орфография». «Синтаксис», «Пунктуация». 10 из 70 заданий были квалифицированы как задания повышенного уровня. К каждому заданию даются ответы. Эти материалы могут быть использованы в тех классах, в которых изучается данный раздел русского языка, в качестве текущего материала для работы по формированию умений и отработке соответствующих навыков, а также в 10–11 классах для систематизации изученного в базовом звене школы.

В настоящей статье дадим общую характеристику заданий.

В число заданий, направленных на совершенствование речевых (коммуникативных) умений учащихся, внесены задания на определение и формулировку смыслового ядра текста (темы и основной мысли), на определение и доказательство

признаков текста басни как лингвистической единицы, типа речи, стиля речи и жанра текста, на выделение и описание изобразительно-выразительных языковых средств и определение их роли в тексте и др. Текстовых заданий разработано 12.

В разделе «Фонетика» (8 заданий) обращено внимание на наличие в тексте басни слов, на примере которых учащиеся могут определять функцию Ъ (*сколько, льстец, воронье* и др.), двойную роль букв Е, Ё, Ю и Я (*держала, сестрица, ель, дыханье* и др.), наблюдать над фонетическими процессами оглушения, озвончения и смягчения согласных (*всё, сладко, к дереву, лесть* и др.).

В разделе «Лексика» 9 заданий, их содержательное наполнение таково: в тексте использованы разные тематические группы слов («части тела», «качества, свойства», «действия»), есть слова, значение которых учащиеся могут объяснить с помощью словаря (*мир, льстец, вещунья, взгромоздясь, плутовка*), есть фразеологизмы (*глаз не сводить, был таков*), образные выражения, которые стали устойчивыми и используются в современном русском языке (*сыр пленил, в зобу дыханье спёрло, вскружилась голова*).

Текст басни является прекрасным иллюстративным материалом для работы над составом слова и словообразованием – разбором слов по составу (*близёхонько, вещунья, ангельский* и др.) и словообразовательным разбором (*перушки, красота, вскружилась, мастерица* и др.). В заданиях обращено внимание на роль в басне слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*перушки, носок, голосок, сестрица*). В этом разделе 8 заданий.

Интересными оказались задания, разработанные по разделу «Морфология» (их 13). В тексте есть все изучаемые части речи, в том числе конкретные и абстрактные имена существительные (*сыр, ель, рот* и др.; *беда, красота, радость* и др.), имена прилагательные разных разрядов (*сырный дух, Лисицыны слова, ангельский голосок* и др.), имена прилагательные в краткой форме (*приветливы, гнусна, вредна*), местоимения разных разрядов (*все, ту, такова, сколько, что* и др.), глаголы разных наклонений (*спой, была б, видит* и др.), особая форма глагола – деепричастие (*взгромоздясь*), наречия разных разрядов по значению (*не впрок, всегда, на цыпочках, чуть* и др.). Можно наблюдать в тексте басни и служебные части речи: предлоги, выражающие разные смысловые отношения (*отыщет в сердце, взобралась на ель, глаз не сводит в Вороны, вскружилась с похвал* и др.), союзы, выполняющие разные функции, частицы разных разрядов.

С точки зрения орфографии в тексте есть слова с проверяемыми безударными гласными в корне слова (*твердили, близёхонько, пленил, сестрица* и др.), с разделительным Ъ (*вещунья, воронье* и др.), слова на правописание Ы после приставок на согласный и Ц (*отыщет, на цыпочках*), на правописание суффиксов в именах существительных (*кусочек, лисицыны*) и правописание безударных личных окончаний глаголов (*видит, подходит*), на правописание наречий (*не впрок, где-то*), на правописание НЕ со словами разных частей речи (*не сводит, не стыдись, всё не впрок*). Заданий по орфографии составлено 8.

Богатый материал содержится в тексте басни по разделу «Синтаксис» и «Пунктуация» (14 заданий): учащимся можно предложить определить роль в тексте восклицательных предложений (только в пр. 4 – это речь Лисицы – восемь восклицательных предложений), определить типы сказуемых в пр. 1

и пр. 4 (есть все 3 типа – сказуемое простое глагольное, составное глагольное и составное именное), определить способ осложнения пр. 2 и пр. 4 (обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом; обращения, вводные слова), определить тип пр. 1 (сложное с разными видами связи), объяснить употребление точки с запятой в пр. 1, двоеточия в пр. 3, определить роль восклицательных знаков и функцию тире в пр. 5.

Стилистические аспекты басни

Функциональный стиль текста басни – художественный, т. к. это произведение литературы: автор создаёт художественные образы – Вороны и Лисицы – и с помощью этих образов воздействует на мысли и чувства читателя, стремясь подтвердить свою точку зрения, выраженную в начале басни. В басне проявлены основные черты художественного стиля – образность и эмоциональность. В тексте используются изобразительно-выразительные средства: эпитеты (**4** *ангельский голосок, говорит сладко*), есть метафора (**1** *уголок в сердце*), метонимия (**1** *твердили миру*), перифраз (**3** *Лисица* – **4** *плутовка*).

В то же время басню как жанр, в том числе и басню «Ворона и Лисица», часто относят и к произведениям разговорного стиля, поскольку басня, как правило, содержит диалог, оформленный особым басенным стихом, передающим разговорную речь. В басне «Ворона и Лисица» есть языковые средства, которые характерны для разговорного стиля: существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в речи Лисицы (**4** *плутовка, голубушка, сестрица, пёрушки*), глаголы с разговорным оттенком при описании поведения Вороны (**2** *взгромоздясь, призадумалась*), наречия (**1** *не впрок, 2 где-то*), разговорные выражения (**5** *вскружилась голова, дыханье спёрло, была плутовка такова*).

Басня – довольно древний вид поэтического искусства, сохранивший своё значение до нашего времени, она распространена во всех мировых литературах, имеющих древнюю традицию. Басни И. А. Крылова стали основой, на основе которых в первой половине XIX в. появился так называемый вид – реалистическая басня. Басни Крылова – кладёшь мудрости, они просто и ненавязчиво обучают, как надо и как не надо поступать в тех или иных обстоятельствах, как надо и как не надо относиться к себе и к другим.

Лингвокультурологические аспекты басни

Басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» стала известна русскому читателю после публикации в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. Это была любимая басня Крылова: ещё подростком Ваня Крылов занимался переводами с французского языка на русский именно этой басни, а затем, став взрослым, использовал уже в своей басне древний сюжет, появившийся впервые у известного поэта-баснописца античной Эллады Эзопа, который жил примерно в VI в. до н. э. В басне Эзопа лиса обманывала ворона (не ворону) с помощью лести, чтобы заполучить мясо (не сыр).

Сюжет басни Эзопа интересовал многих баснописцев. Римский поэт-баснописец Федр, живший на рубеже тысячелетий, перевёл басню Эзопа «Ворон и Лисица» на латинский язык, в его версии вместо мяса появляется сыр. К этому же сюжету позже обращались и древнегреческий поэт-баснописец Бабрий, и в IX в. митрополит Никейский Игнатий Диакон, и французский поэт-баснописец и литератор XVII в. Лафонтен, и в XVIII в. немецкий поэт Готхольд

Лессинг. В XVIII в. сюжет Эзопа заинтересовал и русских поэтов – драматурга и литературного критика А. П. Сумарокова, а также переводчика и филолога В. К. Тредиаковского. В версии Сумарокова ворон сменяется на ворону.

В России с XVIII в. широкую известность получают переводы басен Эзопа, Пильпая, Лафонтена, Гольберга и Лессинга. В этот же век в России басни писали Кантемир, Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Майков, Фонвизин, Херасков, Попов, Чулков, Аблесимов, Хемницер, Измайлов и другие. Но именно Иван Андреевич Крылов в первой половине XIX в. сумел обобщить и превратил басню в истинно народный вид искусства, с её народным языком.

В русской культуре всегда существовало упомянутое в басне понятие **4 царь-птица**. Царь-птица – образ из русских народных сказок, это жар-птица, орёл, сокол, лебедь. Эти все птицы очень хороши собой, добры, как правило, они помогают попавшим в беду людям. Этот образ сопоставляется в басне И. А. Крылова с образом Вороны. Ворона же – предвестник чего-то плохого, а плутовка-Лисица начинает ей льстить и возвышает её, приравнивая к царь-птице. Как известно, лисицу на Руси традиционно ассоциируют с хитростью и умением ловко обманывать собеседника.

Христианские мотивы

Являясь членом общества, где христианское православие было и государственной нормой, и знаком духовной жизни народа, его культурой, Крылов не мог не отразить в своих произведениях приметы того мировоззрения, которое основывается на вечной культуре, – православного мировоззрения.

Христианские мотивы и образы, возникая в текстах басен И. А. Крылова, уводят нас в глубины подтекста и прообразов.

И. А. Крылов в своих баснях обличает пороки, от которых нужно освободиться с Божией помощью собственными внутренними усилиями. Он взывает к совести каждого – в этом характерное своеобразие его басенного творчества. Именно поэтому его басни так близки к притче, а ведь притчу Господь избрал для своих наставлений.

С первых же слов басни – *1. Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна...* – автор напоминает читателю-христианину о том, что тема басни и его авторское назидание на эту тему не новы: в Священном Писании⁹, которое является для верующих словом Самого Бога, в Ветхом Завете Бог через своих пророков неоднократно говорит людям о лести как о порочном средстве, которое избирает человек при общении с людьми для достижения своих целей.

В центральной части басни – в описанной ситуации – тоже прописаны христианские истины.

Так, слова «*2. Вороне где-то Бог послал кусочек сыру...*» отсылают читателя к тому, что то, что человек имеет, – от Бога. То, что Бог дал возможность каким-то образом Вороне получить сыр для пропитания, значит, что Бог заботится о каждой своей твари. Как говорит Иисус Христос в Нагорной проповеди: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них...» (Мф.6:28–29).

⁹ Здесь и далее использован текст Синодального канонического издания Библии – перевод с греческого на русский язык 1876 г. [1]. Все цитаты взяты оттуда с сохранением орфографии и пунктуации.

Далее в словах Лисицы и описанной реакции на них Вороны Крылов наглядно показал проявления трёх основных человеческих грехов – похоти плоти, похоти очей и гордости житейской, о которых писал апостол Иоанн: «... всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира» (Ин.2:16). Именно так согрешили Адам и Ева, это описано в Книге Бытие: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3:6–7).

В басне Крылова в поведении Лисицы проявлена похоть плоти и похоть очей (3. *Вдруг сырный дух Лису остановил: Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил*), а в состоянии Вороны – гордость житейская (5. *Вещунья с похвал вскружилась голова От радости в зобу дыханье сперло*, Результат несправедливой реакции на лесть – это полный «провал» всех ожиданий: у Адама и Евы открылись глаза, и они узнали, что желаемого – стать, как боги – они не достигли, и в басне Крылова Ворона тоже в итоге остаётся ни с чем. – *И на приветливы Лисицыны слова Ворона каркнула во все воронье горло: Сыр выпал – с ним была плутовка такова*).

Возможно ли жить без лести? В Новом Завете апостол Пётр, говоря об Иисусе Христе, утверждает, что «Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его» (1 Пет. 2:22). Греческий подстрочник даёт такой вариант: «Который грех не сделал и не была найдена хитрость в устах Его» [4, с. 872]. В этом случае то, что в русской Библии названо лестью, в греческом языке обозначает «хитрость».

Заключение

Басня И. А. Крылова прекрасно раскрывает глубину ситуаций, которые встречаются в повседневной жизни. Лестец легко найдёт, на что можно нажать и какие струны человеческой души затронуть. Поэтому – вот нравственный урок, который преподносит читателю И. А. Крылов, – чтобы противостоять лести и не быть кем-то использованным, нельзя отключать свой разум.

Уроки русского языка с использованием разработанных материалов были проведены студентами филологического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина в СШ № 7, 15, 23, 27, 30, 33 г. Бреста, СШ д. Вистычи Брестского района. Кроме того, материалы были апробированы с учащимися гимназии № 4 г. Бреста (учитель русского языка и литературы Т. А. Подуто) и Омеленецкой СШ Каменецкого района (учитель русского языка и литературы В. Н. Философ).

G. V. Pisaruk. Didactic potential of I. A. Krylov's fable " The Crow and the Fox»

The article considers the didactic potential of the famous fable of I. A. Krylov "The Crow and the Fox" – it's educational, literary, linguistic and linguoculturological aspects. The central place in the article is the description of the developed system of linguistic tasks for students of grades 5-11, which were tested in schools in Brest.

Keywords: *fable, didactic potential, educational, literary, linguistic and linguoculturological aspects, images, linguistic tasks, artistic and conversational style, Christian motifs.*

Ипатова О. В.

ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» И «ПРАВА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ»

Интеллектуальная собственность относительно новое понятие, которое на сегодняшний день четко не определено ни в законодательстве Республики Беларусь, ни в законодательстве Российской Федерации, ни в международных конвенциях об интеллектуальной собственности. «Понятие «интеллектуальная собственность» конкурирует с понятием «права на интеллектуальную собственность», порой подменяется им, хотя и логически, и юридически – это разные понятия. Если интеллектуальная собственность – это права на результаты интеллектуальной собственности, то, что такое результаты интеллектуальной собственности (произведения, изобретения, исполнение? Отсутствие единой концепции интеллектуальной собственности, которая могла быть взята за основу при разработке норм международного и национального права, приводит к тому, что международные договоры и законодательство ряда стран, в том числе и Республики Беларусь, в области интеллектуальной собственности содержит ряд пробелов и противоречий. Это негативно сказывается и на судебной практике и других формах правоприменения, и, в конечном итоге, не способствует установлению единого правопорядка. Единый подход в отношении институтов одной из важнейшей сегодня подотрасли гражданского права – интеллектуальной собственности – позволит быстрее унифицировать законодательство государств, не только входящих в интеграционные образования, но и являющихся полноправными участниками мирового рынка.

Введение

Если право собственности является традиционным и понятным, то интеллектуальная собственность (ИС) – относительно «новым» понятием, которое до конца концептуально не проработано. Этим объясняется отсутствие определения этого понятия как в международных договорах, так и в национальных законодательствах ряда стран, в том числе Республики Беларусь. В свою очередь, это вызывает сложности определения круга её объектов и их признаков, в частности, признаков произведения как объекта авторского права.

Следует отметить, что использование понятия «интеллектуальная собственность» в качестве общего термина для всех видов «интеллектуальных» объектов не является повсеместным. Изначально во Франции, стране подписания Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года, под интеллектуальной собственностью (*propriété intellectuelle*) часто понимали «нефункциональные» творения в области литературы и искусства (объекты авторского права (*copyright*)), тогда как термин «промышленная собственность» использовался для обозначения «функциональных» творений, которые можно использовать в промышленности (патенты, товарные знаки, промышленные образцы и т. д.). Следы этого все еще можно найти в официальных международных договорах или актах Европейского союза [1].

В конце концов, термины, используемые в неанглоязычных странах, иногда приводят к небольшому смешению понятий «интеллектуальная собственность» (*Intellectual Property*) и «права на интеллектуальную собственность» (*Intellectual*

Property Rights, IPR). Например, в Швейцарии, а также в скандинавских странах права на интеллектуальную собственность рассматриваются как «права на нематериальные объекты» (Immaterialgüterrechte) или нематериальные права (immaterialrettigheder), подчеркивая тем самым аспект нематериальности, общий для всех объектов, охраняемых правом интеллектуальной собственности и игнорируя имущественные аспекты прав на «интеллектуальные» объекты [2, Р. 4–6].

Основная часть

Можно выделить два подхода к пониманию интеллектуальной собственности. Первый основан на том, интеллектуальная собственность – это права на результаты интеллектуальной деятельности. Однако в странах Европы и в разработках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) права на результаты интеллектуальной деятельности обозначено термином «права на интеллектуальную собственность» (Intellectual Property Rights, IPR).

Данный подход применяется в Республике Беларусь, однако не закреплен ни в Гражданском кодексе, ни в специальном законодательстве. В правовой доктрине Республики Беларусь существует следующее понимание интеллектуальной собственности: «В широком понимании этот термин означает закрепленные законом временное исключительно право, а также личные неимущественные права авторов на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации» [4]. Данное определение дано на сайте Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь и в его продолжении есть противоречие с вышесказанным: «Законодательство, которое определяет права на интеллектуальную собственность, устанавливает монополию авторов на определенные формы использования результатов своей интеллектуальной, творческой деятельности, которые, таким образом, могут использоваться другими лицами лишь с разрешения первых». Фраза «права на интеллектуальную собственность» означает, что интеллектуальная собственность – это не права на результаты интеллектуальной собственности, а сами результаты (иначе читалось бы «права на права на результаты интеллектуальной деятельности»). А это есть второй подход к пониманию интеллектуальной собственности, и он, на наш взгляд, более логичен и понятен.

Второй подход – понимание интеллектуальной собственности как результатов интеллектуальной деятельности – используется Европейским союзом, ВОИС [5], Российской Федерацией. В англоязычных странах используется термин «Intellectual Property», который обозначает информацию, обладающую определенными признаками, один из ключевых – создание в результате интеллектуальной деятельности. В Российской Федерации (ст. 1225 ГК РФ) интеллектуальной собственностью являются результаты (*a ne права*) интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

В научных трудах порой дается двойственное определение термина «интеллектуальная собственность» – и как результата, и как права на результат: «интеллектуальная собственность – собственность на результат интеллектуальной деятельности, интеллектуальный продукт, входящий в совокупность объектов авторского и изобретательского права» [6, с. 7].

Судариков С. А., известный учёный, специализирующийся по вопросам интеллектуальной собственности, определяет интеллектуальную собственность как правовое положение результатов интеллектуальной деятельности [7, с. 5], что не дает четкого понимания, отсылая лишь к перечню объектов.

Такой же подход нашел отражения в Гражданском кодексе Республики Беларусь, в котором не содержится определения понятия «интеллектуальная собственность», а только приводится перечень объектов ИС (ст. 980 ГК «Объекты интеллектуальной собственности»). В прежней редакции кодекса от 28.08.2012 глава V называлась «Интеллектуальная собственность (исключительные права на результаты интеллектуальной собственности)», то есть Гражданский кодекс Республики Беларусь определял ИС как «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности», что было не верным, т.к. исключительные права – лишь вид имущественных прав, которые наряду с неимущественными (личными) правами определяют правовой режим ИС.

По определению ВОИС, которое использовалось долгое время (было опубликовано в 1998 году), «в самом широком смысле интеллектуальная собственность означает закреплённые законом права, которые являются результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной и художественной областях» [8, с. 3]. Как видим, здесь смешались два подхода: интеллектуальная собственность – это права как результаты интеллектуальной деятельности, что с точки логики является спорным, и сами результаты интеллектуальной деятельности. В результате интеллектуальной деятельности создаются не права, а мысли, образы, идеи в форме произведений, исполнений, изобретений. А права возникают либо с момента создания произведения (изобретения, исполнения), либо с разрешения государства – регистрации/получения патента (объекты промышленной собственности).

По-видимому, отсюда ряд исследователей придерживались понимания интеллектуальной собственности как прав на результаты интеллектуальной деятельности. Так, Кудашов В. И. под интеллектуальной собственностью понимает исключительное право юридического или физического лица на результаты интеллектуальной (творческой) деятельности, а к правам интеллектуальной собственности относятся также права на средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг (например, фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания) [9, с. 10]. Сам термин «права интеллектуальной собственности» вводит путаницу, понятнее, представляется, звучит «права на интеллектуальную собственность».

Патентовед и учёный Л. К. Герасимова определяет интеллектуальная собственность как, прежде всего, результаты интеллектуальной деятельности, которые признаются тем или иным объектом интеллектуальной собственности. Правовой режим такого признания может быть разным – авторское право, патентное право, охрана нераскрытой информации («ноу-хау»), что предопределяет и разный механизм возникновения исключительных прав [10, с. 5–6].

Интеллектуальная собственность – это собирательное название для результатов умственной деятельности, которые охраняются законом. Речь идет именно о творческой деятельности – той, которая связанная с созданием чего-то нового. Что касается конкретного перечня объектов, охраняемых в рамках ИС,

в законодательстве разных стран этот вопрос решается по-разному – в зависимости от представлений, лежащих в основе режимов ИС. Определение ИС не приводится ни в Конвенции по охране промышленной собственности [11], ни в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [12]. Вместо этого в данных документах перечисляются различные категории объектов, относящихся к ИС, с указанием их определений и устанавливается объем их охраны. В конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности 1967 г. приводится определение ИС не как результата интеллектуальной, творческой деятельности, а как права на эти результаты: «"интеллектуальная собственность" включает права, относящиеся к: литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях [3, ст. 2(viii)].

Круг объектов с развитием науки и усложнением гражданского оборота все время расширяется. Поэтому так важно четко обозначить понятие интеллектуальной собственности, чтобы не возникало вопросов по поводу отнесения новых объектов к ИС. Так, позднее, чем другие объекты, в сферу деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности были включены географические указания (что на наш взгляд, является спорным – географическое указание в отличие от товарного знака (знака обслуживания) или фирменного наименования не создается правообладателем, а заимствуется), новые сорта растений и породы животных, базы данных, интегральные микросхемы, радиосигналы, доменные имена (в Республике Беларусь радиосигналы и доменные имена не являются объектом интеллектуальной собственности). Кроме того, к объектам ИС относят нераскрытую информацию (ноу-хау (секреты производства), служебную тайну, коммерческую тайну, банковскую тайну и т. п.), защиту от недобросовестной конкуренции, хотя они и не представляют по своей сути и признакам объект ИС. Служебная тайна может и не являться результатом интеллектуальной деятельности, как не всякая информация является интеллектуальной собственностью. Защита же от недобросовестной конкуренции может быть условно отнесена как одно из прав на объекты ИС лишь в случае понимания интеллектуальной собственности не как результатов интеллектуальной деятельности, а как прав на эти результаты.

Заключение

Как видим, отсутствие единой концепции интеллектуальной собственности, которая могла быть взята за основу при разработке норм международного и национального права, приводит к тому, что международные договоры и законодательство ряда стран, в том числе и Республики Беларусь, в области интеллектуальной собственности содержит ряд пробелов и противоречий. Это негативно сказывается и на судебной практике и других формах правоприменения, и, в конечном итоге, не способствует установлению единого правопорядка.

Единый подход в отношении институтов одной из важнейшей сегодня подотрасли гражданского права – интеллектуальной собственности – позволит быстрее унифицировать законодательство государств, не только входящих в интеграционные образования, но и являющихся полноправными участниками мирового рынка.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. European Commission [Electronic resource]. – Access mode : ec.europa.eu/internal_market/indprop/index_en.htm and ec.europa.eu/internal_market/copyright/index_en.htm; see also www.wipo.int/about-ip/en. – Access date : 10.07.2021.

2. Kur, A. European Intellectual Property Law : test, cases and materials / Annette Kur, Max Planck. – Edward Elgar Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA, 2013. – 548 p.

3. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [заключена в г. в Стокгольме 14.07.1967 г., изменена 2.10.1979 г.]. – Режим доступа : <https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/textdetails/12412>. – Дата доступа : 10.07.2021.

4. Интеллектуальная собственность / Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gknt.gov.by/deyatelnost/intellektualnaya-sobstvennost/intellektualnaya_sobstvennost/. – Дата доступа : 10.07.2021.

5. Об интеллектуальной собственности / Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.wipo.int/about-ip/ru/>. – Дата доступа : 10.07.2021.

6. Антошин, Ю. Т. Основы управления интеллектуальной собственностью : учебно-методический комплекс / Ю. Т. Антошин, В. Б. Ловкис, В. В. Маркевич, В. В. Носко. – Минск. : БГАТУ – 180 с.

7. Судариков, С. А. Интеллектуальная собственность : монография / С. А. Судариков. – М. : Издательство учебной и деловой литературы, 2007. – 796 с.

8. Введение в интеллектуальную собственность / ВОИС. – Женева, 1998. – 652 с.

9. Кудашов, В. И. Интеллектуальная собственность: охрана и реализация прав, управление: Учебное пособие / В. И. Кудашов. – Минск : БНТУ, 2004. – 321 с.

10. Основы управления интеллектуальной собственностью : конспект лекций для студентов / сост. Л. К. Герасимова. – Минск : БГУ, 2018. – 67 с.

11. Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Париже 20.03.1883 г., изменена 27.09.1979 г.]. – Режим доступа : <https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/textdetails/12412>. – Дата доступа : 10.07.2021.

12. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Марракеше 15.04.1994 г., изменена 23.02.2017 г.]. – Режим доступа : <https://wipolex.wipo.int/en/text/379915>. – Дата доступа : 10.07.2021.

Ipatova O. V. The concepts of "intellectual property" and "intellectual property rights"

Intellectual property is a relatively new concept, which today is not clearly defined either in the legislation of the Republic of Belarus, or in the legislation of the Russian Federation, or in international conventions on intellectual property. The concept of "intellectual property" competes with the concept of "intellectual property rights", sometimes it is replaced by it, although both logically and legally - these are different concepts. If intellectual property is rights to the results of intellectual property, then what are the results of intellectual property (works, inventions, performance? the treaties and legislation of a number of countries, including the Republic of Belarus, in the field of intellectual property contains a number of gaps and contradictions, as well as negatively affects judicial practice and other forms of law enforcement, and, ultimately, does not contribute to the establishment of a unified legal order. in relation to the institutions of one of the most important sub-branch of civil law today - intellectual property - it will make it possible to quickly unify the legislation of states that are not only members of integration formations, but are also full-fledged participants in the world market.

Бурко О. П., Данилов Ю. Д., Кудрицкая Е. Г.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ДОСТОИНСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Статья посвящена проблемам дистанционного образования, проявившим себя при массовом переводе студентов высших учебных заведений на данную форму обучения в связи с распространением короновирусной эпидемии. В работе использованы оригинальные данные социологических исследований, проводившихся социопсихологической лабораторией Брестского государственного технического университета во начале 2021 года. На основе всестороннего анализа результатов изучения мнений студентов различных курсов и факультетов БрГТУ, авторы делают вывод о том, что большинство из них относится к дистанционной форме обучения лишь как одному из способов получения знаний в конкретных условиях, и даже – как к вынужденной мере. В статье высказывается предположение, что в данное время эффективность дистанционного обучения изучена недостаточно и требует продолжения детального мониторинга, в который должны быть вовлечены все стороны образовательного процесса.

Введение

Дистанционное обучение, как форма получения образования на расстоянии, только на первый взгляд кажется чем-то новым. На самом деле, такой способ обучения (под названием «корреспондентское обучение») известен ещё со второй половины XVIII века, когда на европейском континенте начала стабильно функционировать почтовая связь. В конце XIX века он получил распространение и на территории Российской империи.

Актуализация дистанционного образования в наше время связана, прежде всего, с появлением и повсеместным распространением новых технологий и разработкой интерактивных интернет-методик обучения. Короновирусная пандемия, охватившая все континенты, сделала потребность в дистанционных формах обучения ещё более острой.

Основная часть

Впервые полноценные учебные занятия в дистанционной форме с использованием радио и телевидения стали проводиться во второй половине 70-х годов прошлого века. Появление Интернета позволило их сделать двухсторонними. Технологии сегодняшнего дня позволяют, наряду с почтовой пересылкой печатных и медиа-материалов образовательного характера, активно применять аудио/видеоконференции, различные формы электронного обучения (Online Learning), интернет-конференции и многие другие формы, позволяющие обучающимся в режиме реального времени посещать лекции, семинары, консультации преподавателей, выполнять тестовые задания и иные виды контрольных заданий, заниматься самостоятельной работой. Благодаря им стали появляться учебные центры и даже целые университеты, которые концентрировали свою деятельность на дистанционном обучении: Открытый Университет Великобритании (первое в мире учебное заведение такого типа), Открытый университет Хагена (Германия), Национальный технологический университет (США), Испанский национальный университет дистанционного обучения и т.д. В этих учебных заведениях стало возможным в дистанционном режиме пройти любую ступень образования в полном объеме или изучить отдельную дисциплину, и получить признаваемый работодателями диплом или сертификат. При этом, никаких ограничений по возрасту, полу, национальности и иным признакам, не существовало.

Сегодня такие возможности открывают уже многие университеты по всему миру, где при высокой ответственности, самостоятельности, и главное – мотивации, можно получить полноценное образование. Степень распространения дистанционного обучения в настоящее время такова, что позволяет достаточно чётко назвать его преимущества и недостатки. К достоинствам, несомненно, следует отнести следующие возможности:

- получить образование по избранной специальности практически в любое время;

- самостоятельно планировать и согласовывать график учебы с образовательным учреждением, что позволяет не только гибко управлять своим личным временем, но и экономить деньги, т.к. устраняется необходимость повторной оплаты образовательных услуг;

- обучаться в комфортном темпе;

- присутствовать на учебных занятиях находясь практически в любой точке Земли, для чего необходимо лишь иметь компьютер с Интернет-доступом;

- всеобщая доступность, что особенно привлекательно для людей, которые работают, имеют ограничения по здоровью, живут в удаленных местах, родителям с маленькими детьми и другим категориям;

- получить образование без отрыва от уже имеющейся работы или получать его сразу в нескольких учебных заведениях, по разным специальностям и в любом объеме (повышение квалификации, переподготовка и т.д.);

- взаимодействовать с преподавателями при помощи современных интерактивных сервисов и программ, обеспечивающих практически неограниченную доступность учебных материалов, независимо от того, где данные ресурсы находятся и на каком языке изданы (мобильность);

- получить образование по более низкой стоимости, чем при традиционном. Обучающиеся экономят на оплате переездов во время сессий, найме жилья, получении виз и загранпаспортов (в случае обучения в зарубежном учебном заведении);

- удобство для преподавателей и возможность обеспечить индивидуальный подход к обучению. Преподаватели при дистанционной форме обучения не «привязаны» к определенному месту и могут проводить занятия из любой точки земного шара. При этом, они могут по своему усмотрению индивидуализировать процесс освоения учебных программ отдельными студентами в соответствии с их, и со своими, жизненными обстоятельствами.

В ряде источников называются и другие преимущества дистанционного обучения, например, такие как объективность оценки знаний и высокие результаты обучения. На наш взгляд, данные утверждения несколько опрометчивы. Безусловно, аттестация студентов в ходе дистанционного обучения, как правило, осуществляется в online-формах (тесты, отчеты о выполнении индивидуальных заданий и проектов и пр.). Однако при этом всегда существует проблемы с идентификацией. Даже в ходе проведения видеоэкзамена преподаватель не всегда имеет возможность убедиться в том, что студент не использует в своих ответах т.н. «вспомогательные ресурсы»: шпаргалки, записи, конспекты и т.п.

Также вызывают сомнения утверждения о том, что при дистанционном образовании достигаются более высокие результаты обучения. Их авторы чаще всего ссылаются на зарубежных коллег и их исследования, в которых делаются попытки доказать, что результаты дистанционных форм обучения не только не

уступают, но даже и превосходят традиционные. Очевидно, здесь имеет место подмена понятий «качество образования» и «оценка за образовательную деятельность». Имеющийся опыт и исследования качества предоставляемых образовательных услуг, которые проводятся в Брестском государственном техническом университете (БрГТУ) уже на протяжении 10 лет, показывает, что не только преподаватели вуза, но и сами обучающиеся с высокой долей скепсиса относятся к оценке эффективности «дистанционки».

Так, завершившееся в январе 2021 года исследование удовлетворённости качеством образовательных услуг слушателей, обучающихся в Институте повышения квалификации и переподготовки БрГТУ, продемонстрировало следующие результаты ответов на вопрос: «Хотели бы Вы обучаться в дистанционной форме?»:

Таблица 1 – Сравнительная оценка мнений о желании обучаться в дистанционной форме

№ п/п	Хотели бы Вы обучаться в дистанционной форме?	2019–2020 уч. год, %	2020–2021 уч. год, %
1	Да	26	22
2	Скорее да	31	24
3	Скорее нет	30	31
4	Нет	12	23

Как видно из таблицы, по сравнению с прошлым учебным годом желающих обучаться дистанционно снизилось на 11 пунктов, в то время как всего за год обучения в таком режиме, не желающих продолжать обучение в дистанционной форме увеличилось практически вдвое: с 12 % до 23 %. При этом, по большинству остальных позиций опроса, студенты показали практически те же результаты, что и в прошлом учебном году. Например, почти повторились рейтинг и количественные показатели оценки трудностей, испытываемых при обучении. Важно отметить трехкратное увеличение количества респондентов, которые не испытали трудностей вообще, что говорит об их успешной адаптации к переходу к дистанционному образованию в связи с мероприятиями по нераспространению COVID-19. 93 % обучающихся заявили, что в целом удовлетворены уровнем образовательных услуг, предоставляемых университетом.

Таким образом, становится очевидным, что с определением достоинств и недостатков дистанционного обучения не всё так однозначно, а опыт, приобретённый в связи с широким внедрением online-learning во время распространения коронавируса, только подтверждает это.

Результаты опросов, проведенных в БрГТУ во многом коррелируют с количественными показателями, полученными на других исследовательских площадках в стране и за рубежом. Так, по данным опроса на сайте moeobrazovanie.ru, пользователи продемонстрировали такие результаты [1]:

Таблица 2 – Оценка отношений к дистанционному образованию (согласно опросу на сайте moeobrazovanie.ru)

Оценка качества дистанционного образования	Показатели (в %)
Качество образования ниже, чем при традиционном обучении	45
Удобное и качественное образование	21
Даже не представляю, как так можно получать образование	34

Более подробные данные представлены в исследованиях ООО «РАЭК-Аналитика» (RAEX). Согласно опросам центра, 70 % российских студентов, обучающихся на «дистанционке» испытывают нехватку общения с преподавателями и сокурсниками – респонденты отметили снижение интенсивности коммуникаций на 44 %. Также было отмечено, что важными проблемами переходного периода для большинства студентов ВУЗов являются:

- плохая техника и низкий функционал образовательных площадок, используемых в дистанционном обучении;
- ментальная и интеллектуальная неготовность преподавателей к переходу к дистанционному образованию;
- слабая обеспеченность ряда учебных дисциплин ресурсами для дистанционного обучения;
- невозможность сконцентрироваться на учебе или физические препятствия к обучению (нет места и пр.) [2].

Таким образом, наряду с предоставляемыми удобствами, дистанционное обучение само собой порождает и целый ряд существенных проблем, ставящих под угрозу получение качественного образования. К ним можно отнести, прежде всего, необходимость очень сильной мотивации, что наблюдается далеко не у всех студентов, которым часто недостает силы воли, ответственности и самоконтроля, способности поддерживать необходимый темп обучения, регламентированный учебными планами и программами [3].

В целом ряде исследований специалистами отмечаются и такие недостатки, как невозможность формирования эффективных навыков командной работы, серьёзные затруднения при проведении практических занятий или невозможность их как таковых, потому что даже самые инновационные имитаторы и тренажеры не способны полноценно заменить «живой» практики. В некоторых опросах фиксируется неприятие дистанционного обучения по причине резкого увеличения объёма заданий для самостоятельной работы, что вызывает у студентов дискомфорт и даже стресс.

Примерно такие же проблемы с дистанционным обучением выявлены и за рубежом. По сведениям Европейской ассоциации университетов, в настоящее время свыше 90 % ВУЗов осуществляют образовательный процесс дистанционно, причем время возврата к традиционным формам остается неопределенным. Первыми такой формат массово использовали китайские учебные заведения. На сегодняшний день в стране имеется 22 образовательные платформы, на которых сосредоточено более 24 тыс. учебных курсов. На них обучается около 30 млн. китайцев, что для страны с полутора миллиардным населением явно недостаточно.

В Индии студенчество активно выступает против проведения онлайн-экзаменов, т. к. они считают явно недостаточным уровень технического обеспечения учебных заведений. Так, в одном из самых престижных в стране – Делийском университете 85 % студентов по этим причинам не смогли принять участие в дистанционной сдаче экзаменов, что вынудило руководство ВУЗа перенести на 2 месяца выпуск и дату выдачи дипломов.

Из всех университетов Великобритании только 20 заявили о готовности перейти в онлайн, а более 20 % абитуриентов решили отложить свое поступление

в университеты до лучших времен. Это особенно затронуло медицинские, естественно-научные и творческие специальности.

По мнению американских исследователей, студенты в США в общем готовы к онлайн-обучению, но такая перспектива их не радует, и они не довольны им. Об этом заявили 77 % процентов участников опроса College Reaction/Axios [4].

Заключение

Анализ результатов исследований по вопросам отношения к дистанционному обучению позволяет сделать вывод о том, что большинство студентов относится к нему лишь как одной из возможных форм получения образования, когда иной способ по каким-то причинам невозможен. Они относятся к нему исключительно как к вынужденной мере, что и имеет место сейчас, в условиях пандемии. Об этом свидетельствуют и некоторые наблюдения авторов, позволяющие утверждать, что по многим учебным дисциплинам действительно недостаточно материалов для обучения по сравнению с очным форматом, а сами организационные мероприятия по переводу на дистанционную форму учёбы проводятся достаточно сумбурно. Именно поэтому, представляется, что эффективность самого дистанционного обучения и, тем более, – стремительного и массового перехода к нему, изучены еще недостаточно, а многие выводы о них являются преждевременными. Внедрение дистанционных форм получения образования требует продолжения детального мониторинга, в который должны быть вовлечены все стороны образовательного процесса.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Плюсы и минусы дистанционного образования. [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа : https://moeobrazovanie.ru/plusy_i_minusy_distancionnogo_obrazovaniya.html/ Дата доступа : 10.01.2021.

2. Корову по видеочату не пропальпируешь. [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : https://raex-a.ru/researches/distance_education/2020/ Дата доступа : 10.01.2021.

3. Данилов, Ю. Д. Исследование мотиваций студентов к обучению на различных этапах образовательного процесса / Ю. Д. Данилов, О. П. Бурко, Е. Г. Кудрицкая // Психология образования: образовательный потенциал развития личности. Материалы VI Всероссийской конференции психологов образования Сибири с международным участием (3–4 сентября 2020 г.) / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [редкол. : Ярославцева И.В. [и др.]]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020 г. – С. 62–67.

4. Pressing pause on the college experience. [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : <https://www.generationlab.org/post/pressing-pause-on-the-college-experience/2020/> Дата доступа : 10.01.2021.

Burko O. P., Danilov Yu. D., Kudritskaya E. G. Distance learning: advantages and contradictions

The article is devoted to the problems of distance education, which manifested themselves during the mass transfer of students of higher educational institutions to this form of education in connection with the spread of the coronavirus epidemic. The work used the original data of sociological research conducted by the sociopsychological laboratory of the Brest State Technical University at the beginning of 2021. On the basis of a comprehensive analysis of the results of studying the opinions of students of various courses and faculties of BrSTU, the authors conclude that most of them refer to distance learning only as one of the ways to obtain knowledge in specific conditions, and even as a forced measure. The article suggests that at this time the effectiveness of distance learning has not been sufficiently studied and requires the continuation of detailed monitoring, in which all aspects of the educational process should be involved.

Обуховская О. А.

ИЗ ОПЫТА ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Статья посвящена проблемам, связанным с внедрением дистанционных образовательных технологий в вузовское обучение и содержит описание результатов анкетного опроса студентов БрГТУ об их отношении к дистанционному обучению.

Ключевые слова: *Дистанционное обучение, компьютерные телекоммуникационные технологии, неязыковой вуз, иностранный язык*

С момента объявления Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 года пандемии COVID-19, правительствами практически всех страны мира, РБ в том числе, стали приниматься меры, направленные на ограничение мобильности людей, их физическое разделение в социальной и трудовой средах.

Одной из таких мер явился перевод образовательных учреждений с очной формой обучения на то, что в западных странах стали называть «экстренным дистанционным обучением» [1]. В России, например, такой форс-мажорный переход практически всех университетов на дистанционное обучение (ДО) в целях профилактики коронавируса начал осуществляться уже начиная с 16 марта 2020 года [2]. Приблизительно в это же время на дистанционный формат обучения стали переходить и вузы в Беларуси. В БрГТУ, в частности, перевод на дистанционное обучение был осуществлен приказом ректора университета, в соответствии с которым «лицам из числа профессорско-преподавательского состава» разрешалось «выполнение педагогической нагрузки с применением информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ)».

Упомянутый выше приказ был издан на основании письма Министерства здравоохранения РБ от 04.04.20 [3] и «в связи с неблагоприятно складывающейся эпидемической обстановкой с целью обеспечения безопасных условий образования и воспитания, с учетом рекомендаций [4], размещённых на официальном сайте Республиканского института высшей школы, по алгоритму организации образовательного процесса в учреждениях высшего образования с использованием ИКТ».

Интересно, что первоначальный срок действия приказа ограничивался лишь одной единственной неделей (который, правда, по её истечении, был продлен ещё на две с половиной недели), что косвенно свидетельствует о неопределённости, на момент принятия решения, в понимании глубины и серьёзности складывавшейся в стране и мире санэпидобстановки и её последствий.

Параллельно, согласно этому же приказу, также предписывалось (без указания, однако, механизма, сроков и критериев выполнения) «обеспечить обучение преподавательского состава технологиям проведения учебных занятий с применением ИКТ», что фактически говорило о недостаточной готовности вуза к осуществлению учебного процесса в формате ДО без ущерба для его качества.

Однако, как показала практика, даже успешная реализация данного пункта приказа, не могла бы, к сожалению, гарантировать, по крайней мере применительно к учебным занятиям по дисциплине «иностранный язык» (ИЯ), качества обучения в режиме ДО, сопоставимого с аналогичным обучением в очном формате, из-за отсутствия на тот момент в распоряжении преподавателей необходимых технических и дидактических средств и ресурсов в объёме, достаточном для обеспечения такого качества.

Естественно, точная и объективная оценка степени возможной потери качества обучения при таком авральном, без необходимой предварительной подготовки, переходе на «дистанционку», продлись последняя гораздо больший срок, не представляется возможной. Очевидно, однако, что такая потеря была бы неизбежной и, несомненно, не малой. По этой причине, имевший место упомянутый выше краткосрочный форс-мажорный переход на ДО, есть смысл рассмотреть, как своеобразный стресс-тест, которому подверглись все без исключения звенья очной системы высшего образования тщательный анализ результатов которого должен помочь выявить те «узкие места» и проблемы, которые требуют принятия тех или иных срочных и сложных решений.

Прежде чем перейти к рассмотрению тех трудностей и проблем, с которыми столкнулись преподаватели и студенты вуза в процессе экстренного перехода с очной на дистанционную форму обучения, следует заметить, что, как показал наш анализ находящихся в открытом доступе русскоязычных научных публикаций, посвященных ДО, единое общепринятое определение современного ДО на сегодняшний день отсутствует, хотя большинством методистов последнее рассматривается в первую очередь как инновационная форма и технология организации учебного процесса, при которых обучение происходит опосредованно, т.е. на расстоянии, с использованием компьютерных телекоммуникационных технологий [5].

Известная же неудовлётворенность широко используемым в настоящее время в русскоязычной дидактической литературе самим термином ДО вполне понятна. С одной стороны, этот термин, как «обучение на расстоянии», слишком широк, поскольку под него попадает любая форма обучения «на расстоянии» и абсолютно игнорируется колоссальная качественная разность между имевшимися в разные научно-технические эпохи возможными способами преодоления этого «расстояния»: одно дело – связь, обеспечиваемая почтовой службой, другое дело – связь через радио или телевидение, и третье – через сотовый телефон или ноутбук и Интернет.

С другой стороны, термин оказывается слишком узким, поскольку базируется на, так сказать, классическом понимании пространства, в то время как виртуальные пространства, в которых осуществляется ДО в его современном понимании, не имеют, как известно, географических координат, а если и «картографируются», то абсолютно другими, отличными от принятых в классической физике, единицами измерений.

Схожая ситуация с определением ДО, к тому же паре с большим терминологическим разнобоем, существует и в иноязычной дидактической литературе. Так, в частности, в англоязычной литературе применительно к ДО используется целый ряд синонимичных, на первый взгляд, терминологических словосочетаний (причём порой с различным их орфографическим оформлением), образуемых

преимущественно словами «*learning*», «*teaching*» или «*education*» в паре с такими словами-определениями или сокращениями как (*long-*)*distance* либо *distant*, *remote*, *online* или *e-* а именно: *distance learning*, *distance education*, *distance training*, *remote learning*, *e-learning*, *online learning*, *eLearning*, *remote training*, *distant training*, *remote education*, *long-distance learning*, *teleeducation* (*tele education*), и др.

Оставляя в стороне вопросы о том, который из этих терминов наиболее полно отражает сущность ДО как инновационной формы и технологии обучения и получения образования и в какой мере такой термин соответствует используемому в русскоязычной литературе термину ДО, заметим только, что их обилие, являясь, с одной стороны, отражением тех маркетинговых ухищрений, которые предпринимаются соответствующими компаниями в борьбе за клиента на западном рынке образовательных услуг, несомненно свидетельствуют, с другой стороны, о достаточно большой популярности данной формы получения образования в западных странах в настоящее время.

Говоря о ДО как о современной форме обучения нельзя, на наш взгляд, не упомянуть о его, так сказать, традиционной форме – заочном или, иначе, корреспондентском обучении, тем более что такая форма обучения, т.е. «обучения по переписке», традиционно рассматривалась как собственно дистанционная.

При этом, несмотря на давнюю традицию и сохраняющуюся, по крайней мере в нашей стране, всё ещё востребованность, обучение по переписке с самого начала своего появления никогда не воспринималось в общественном сознании как эквивалент очной формы обучения, при всей официальной равноценности дипломов, а скорее, как его эрзац-форма. Более того, применительно к курсу ИЯ, традиционно считалось, что коммуникативные цели и задачи такого курса могли быть достигнуты и решены только в условиях очного формата обучения.

Однако научно-техническая революция, приведшая, в частности, к массовому распространению компьютеров в быту, появлению «быстрого» Интернета и разработке целого ряда обучающих интернет-платформ для ДО и открывшаяся, как следствие, возможность получения соответствующего сертифицированного образования, включая высшее профессиональное, де-факто равноценного очному, привели к кардинальному изменению традиционного взгляда на роль, место, конечное качество и дальнейшие перспективы обучения и образования, осуществляемого и получаемого дистанционно.

Сегодня становится все очевидней, что внедрение в учебный процесс современных ИКТ является одним из путей развития и очной формы обучения, снижения, в частности, порога её уязвимости при возникновении чрезвычайных ситуаций, что, в свою очередь, не может не повлечь за собой соответствующие изменения не только в формах, методах, средствах и содержании обучения ИЯ в неязыковом вузе, характере формируемых у обучаемых навыков и умений, но также и в требованиях, предъявляемых как к профессионализму педагога, так и к «умениям учиться» у самого обучаемого.

Так, например, известно, что в настоящее время качество переводов, в особенности технической тематики, автоматически и за считанные минуты выполняемых с помощью машинных средств, уже сопоставимо с качеством аналогичных переводов, выполняемых непосредственно профессиональными переводчиками. А это означает, что дальнейшее совершенствование средств

машинного перевода уже в самое ближайшее время, несомненно, позволит в значительной мере автоматизировать процесс «межъязыковой и межкультурной коммуникации» и переводить, с разных языков и на разные языки, с недостижимой для человека скоростью и с достаточно высокой степенью точности, текстовые материалы любой тематики [6].

В свою очередь, это означает, что, вероятно, уже в ближайшее время потребуются соответствующие корректировки учебных планов, решаемых учебных задач и характера формируемых коммуникативных компетенций при обучении в неязыковом вузе ИЯ с использованием ИКТ.

Таким образом, если внедрение в учебный процесс ИКТ как средства ДО автономизирует и опосредует процесс обучения, со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами, то при их дальнейшем совершенствовании и расширении использования в качестве инструмента автоматизации актов «межъязыковой и межкультурной коммуникации» весьма вероятен пересмотр номенклатуры коммуникативных навыков и умений, традиционно формируемых у студентов при обучении ИЯ в неязыковом вузе.

В любом случае, построение эффективного курса ИЯ с применением ИКТ, как показывает анализ публикаций, посвященных ДО и наша собственная практика, возможно лишь при условии предварительного решения целого ряда проблем, связанных в первую очередь с технической стороной вопроса, а именно: необходимостью наличия новейшего программного обеспечения, качественного мультимедийного оборудования, скоростных каналов связи и т.д. [7], [8], [9], [10].

Наш опыт непродолжительного обучения студентов очного отделения в формате ДО показал, что к числу таких трудностей следует также отнести:

- проблемы, связанные с отсутствием у большинства преподавателей пользовательских навыков работы с компьютером, необходимых для реализации дистанционной формы обучения, и, как следствие, необходимостью прохождения соответствующей профессиональной переподготовки;
- проблемы, касающиеся учёта реальных трудовых затрат преподавателей, занятых в организации и осуществлении учебного процесса в формате ДО;
- отсутствие должного личного контакта со студентами и возможности осуществлять оперативную проверку выполняемых заданий и исправление ошибок;
- отсутствие достаточной степени мотивации и самоорганизации студентов, а также постепенное падение интереса к процессу обучения и, как следствие, снижение учебной активности и успеваемости;
- отсутствие единой системы автоматизированной проверки качества выполненных текущих учебных заданий;
- нерешённость проблемы дистанционной итоговой оценки знаний студентов и ряд других.

Автором данной статьи было проведено исследование, целями которого явилось выявление отношения студентов БрГТУ к ДО, а также тех трудностей и проблем, с которыми они сталкиваются в процессе обучения в таком формате.

Исследование проводилось методом анкетного опроса. В опросе приняли участие 110 студентов БрГТУ очной формы обучения (в т.ч. 50 девушек и 60 юношей). Основную массу опрошенных составили студенты экономического

факультета (38,2 %) и факультета электронно-информационных систем (45,5 %). Опрос проводился в мае – июне 2020 года.

Анализ ответов на вопросы анкеты показал, что в своём большинстве студенты не ощутили каких-либо значительных трудностей при обучении на ДО и, в целом, дали положительную оценку такому формату обучения.

Так, в ответах на вопрос «Удобно ли Вам было обучаться в дистанционном режиме?» 62,8 % респондентов ответили «Да, удобно», 14,5 % – «Да, но сложно», и 7,3 % – «Нет, очень трудно». Затруднились с ответом – 10,0 %.

На вопрос «Хотели бы Вы продолжить обучение в вузе в дистанционном формате?» положительный ответ дали 66,7 % опрошенных, а отрицательный – всего лишь 12 %. За смешанную форму обучения высказались 21,3 % респондентов. При этом качество работы преподавателей в ДО-формате 74,6 % опрошенных оценили как «хорошее» и «отличное».

Что касается трудностей и отрицательных, по мнению респондентов, сторон обучения на ДО, то в числе таковых чаще всего указывались: отсутствие надежной оперативной связи с преподавателем (50,9 %); необходимость, как оказалось, выполнения большего по сравнению с очной формой обучения объёма самостоятельной учебной работы (38,2 %); непроизводительные временные затраты на выполнение учебных заданий, связанные с недостаточной компьютерной грамотностью обучаемых (12,7 %) и отсутствием навыков работы с образовательными компьютерными программами (17,3 %); необходимость наличия доступа к интернету (14,5 %) и низкая скорость его работы (23,6 %), а в числе положительных – возможность индивидуального темпа обучения (63,6 %), а также комфортные условия учёбы и инфекционная безопасность (64,5 %).

Как показал наш опрос, для обучения в дистанционном формате, в зависимости от характера учебной дисциплины и предпочтений преподавателя, для организации учебного процесса, создания и проверки домашних заданий в разных учебных группах разными преподавателями использовались разные образовательные Интернет-ресурсы. В числе наиболее популярных оказались: *Google Класс* (88,2 %), *Google Диск* (54,6 %), *Google Meet* (71,8 %), *Zoom* (75,5 %), *Moodle* (28,2 %), электронная почта (44,5 %), социальные сети (43,6 %), мессенджеры *Viber*, *WhatsUp* и др. (40,9 %).

Занятия в учебных подгруппах проходили в соответствии с расписанием учебных занятий, составленных учебной частью университета на весенний семестр 2019/2020 учебного года для очной формы обучения. Каких-либо специальных изменений в расписание в связи с переходом на «удалёнку» не вводилось.

Дистанционное обучение ИЯ большинством преподавателей кафедры проводилось преимущественно на базе образовательной платформы *Google Класс*. В организационном плане практические занятия в большинстве случаев проводились следующим образом. До начала пары студентам отправлялось в электронном виде соответствующее учебное задание, которое они должны были выполнить в виртуальном классе за установленное время. Выполненные задания, как «аудиторные», так и домашние, отправлялись преподавателю на проверку по окончании занятия. Выполненные задания проверялись преподавателем, с соответствующими комментариями касательно допущенных ошибок и рекомендациями, по окончании занятий. Необходимо отметить, что работа в таком режиме занимала у преподавателя достаточно много времени, так как

отсутствовал какой-либо инструмент автоматизированной проверки и оценки качества выполнения студентами учебных заданий. Кроме того, ограниченными оказались и возможности проведения качественных практических занятий по видеосвязи из-за низкого, к сожалению, качества такой связи, а порой даже ее полного и неожиданного исчезновения.

Заключение

Пандемия COVID-19, вызвавшая в марте – июле 2020 года организационный кризис в системе образования, показала, с одной стороны, серьезную уязвимость и неустойчивость её функционирования в условиях форс-мажорности, а с другой – возможность относительно успешного решения данной проблемы, в частности, путём перехода на ДО с применением ИКТ.

И хотя этот кризис оставил за собой шлейф нерешенных вопросов и сомнений относительно наиболее эффективных форм и технологий будущего образования, есть все основания полагать, что нынешние его формы и используемые технологии, конечно же, видоизменятся, другое дело – как быстро и в каком направлении. И здесь важно подвергнуть тщательному анализу весь неожиданно приобретённый, «благодаря» пандемии, практический опыт обучения в формате ДО, равно как и все те трудности и проблемы, с которыми столкнулись преподаватели и студенты в процессе такого обучения.

Что же касается нашего, хотя и крайне непродолжительного, ограниченного лишь одним учебным предметом, опыта обучения ИЯ в дистанционном формате, то его анализ показывает, что внедрение ДО с применением ИКТ в сферу вузовского обучения может уже рассматриваться не только как эффективное дополнение к очной форме обучения (а при необходимости – и как её возможная альтернатива), но и как одно из приоритетных направлений развития высшего образования в нашей стране в целом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Агранович, М.* Минобрнауки рекомендовало вузам организовать дистанционное обучение [Электронный ресурс] / *М. Агранович* // Российская газета. – 2020. – 15 марта. – Режим доступа : <https://rg.ru/2020/03/15/minobrnauki-rekomendovalo-vuzam-organizovat-distancionnoe-obuchenie.html>. – Дата доступа : 26.05.2021.

2. *Алюшин, В. В.* К вопросу о машинном переводе или некоторые аспекты современного состояния индустрии перевода [Электронный ресурс] / *В. В. Алюшин, Р. Ю. Блинов* // Известия вузов. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 2, № 1. – Режим доступа : <https://docplayer.ru/25874387-K-voprosu-o-mashinnom-perevode-ili-nekotorye-aspekty-sovremennogo-sostoyaniya-industrii-perevoda.html>. – Дата доступа : 26.05.2021.

3. *Годжаева, Н. С.* Особенности преподавания иностранных языков в условиях всеобщего дистанционного обучения в Кемеровском государственном университете: проблемы, опыт, перспективы [Текст] / *Н. С. Годжаева, Ю. Н. Точилина* // Вопросы образования и психологии : монография / под ред. Ж. В. Мурзина. – Чебоксары, 2020. – Гл. 2 : Дистанционное обучение и цифровизация высшего образования. – С. 73–82.

4. *Гутарева, Н. Ю.* Дистанционное обучение иностранным языкам в неязыковом вузе [Электронный ресурс] / *Н. Ю. Гутарева* // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 4 : Гуманитарные науки. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-inostrannym-yazykam-v-neyazykovom-vuze/viewer>. – Дата доступа : 26.05.2021.

5. Дистанционное обучение [Электронный ресурс] // Глоссарий.ru : Служба тематических толковых словарей. – Режим доступа : http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_find.cgi?ph=%E4%E8%F1%F2%E0%ED%F6%E8%EE%ED%ED%EE%E5+%EE%E1%F3%F7%E5%ED%E8%E5&action.x=20&action.y=12. – Дата доступа : 26.05.2021.

6. Калинин, Д. А. Трудности, испытываемые преподавателями в условиях дистанционного обучения [Электронный ресурс] / Д. А. Калинин // Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 3. – Режим доступа : <http://naukovedenie.ru/PDF/30PVN315.pdf>. – Дата доступа : 26.05.2021.

7. О проведении мероприятий по профилактике инфекции COVID-19 [Электронный ресурс] : письмо Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 4 апр. 2020 г., № 7-19/6000 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=123705. – Дата доступа : 26.05.2021.

8. Рекомендации по алгоритму организации образовательного процесса в учреждениях высшего образования с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] // ГУО «Республиканский институт высшей школы». – Режим доступа : <https://nihe.bsu.by/index.php/ru/news-instituta/2923-rekomendatsii-po-algoritmu-organizatsii-obrazovatel'nogo-protsessa-v-uchrezhdeniyakh-vysshego-obrazovaniya-s-ispolzovaniem-informatsionno-kommunikatsionnykh-tekhnologij>. – Дата доступа : 26.05.2021.

9. Садовская, Е. Ю. Дистанционное обучение иностранному языку [Электронный ресурс] / Е. Ю. Садовская // Актуальные проблемы бизнес-образования : материалы IX Международной научно-практической конференции, Минск, 8–9 апреля 2010 г. – Режим доступа : https://www.sbmt.bsu.by/Data_RUS/ContBlocks/01108/Sadovskaja.pdf. – Дата доступа : 26.05.2021.

10. López, E. P. Educación a distancia en tiempos de COVID-19: Análisis desde la perspectiva de los estudiantes universitarios [Electronic resource] / E. P. López, A. V. Atochero, S. C. Rivero // Revista Iberoamericana De Educación a Distancia. – 2021. – Vol. 24, № 1. – Mode of access : <https://doi.org/10.5944/ried.24.1.27855>. – Date of access : 25.05.2021.

Obukhovskaya O. A. From the experience of distance learning a foreign language in a non-linguistic university

The article is devoted to the problems associated with the introduction of distance learning technologies in university education, and contains a description of the results of a questionnaire survey of BrSTU students about their attitude to distance learning.

Keywords: *Distance learning, computer telecommunication technologies, non-linguistic university, foreign language*

УДК 81'44

Резько П. Н., Ровнейко М. А.

ТРИГГЕРЫ В КОНТЕКСТЕ МАРКЕТИНГОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена триггерам в контексте маркетинговой лингвистики и достижениям в области использования лингвистики для построения маркетинговых коммуникаций. Авторами анализируется инновационный раздел маркетинга – триггер-маркетинг, который базируется на стыке нескольких наук: маркетинга, психологии и лингвистики. В статье рассмотрены истоки применения триггеров в маркетинге, цели и главные правила их использования, актуальность и механизм действия, а также выделены их виды и систематизированы типы по частоте использования, приведены и проанализированы результаты проведенного автором анкетирования по теме исследования.

Введение

Развитие человечества к началу третьего тысячелетия вступило в новую фазу, которая была означена как информационное общество. Революционные изменения в сфере информационных технологий приводят к росту интенсивности информационного потребления индивида, что принципиально меняет человеческое

сознание и, как следствие, поведение современного потребителя, который становится всё менее рациональным и всё более эмоциональным. Сегодня люди активно используют мобильные устройства и персональные компьютеры для покупки товаров и услуг. Вывести продукт на рынок сегодня – это лишь часть пути, необходимо создавать устойчивые связи со своей аудиторией, стать для неё заметным и ценным через бренд и коммуникации. Сделать это невозможно без знаний в области психологии и прикладной лингвистики.

Основная часть

Для современного языкознания характерен интерес к особенностям различных дискурсов, что, в свою очередь, позволяет формировать отдельные направления лингвистики. В отечественном и англоязычном языкознании признаны и активно развиваются такие направления языкознания, как медиалингвистика (описания языка СМИ и его функционирования), юрлингвистика (юридическая лингвистика, изучение языка с позиций лингвистической экспертизы), перлокутивная лингвистика (изучает речевые воздействия), а также политическая лингвистика, лингвополитология, психолингвистика, и маркетинговая лингвистика. Эти разнообразные прикладные лингвистики связаны не только с общностью объекта. Любая прикладная задача требует развития собственного аппарата, который в свою очередь позволяет выявлять значимые языковые явления, важные как для данного направления, так и для языкознания в целом.

Маркетинговая лингвистика выступает в качестве разновидности прикладной лингвистики, моделируемой сетевой логикой и призванной модифицировать связь между означаемыми означающим в соответствии с требованиями информационно-технологической парадигмы. При этом процедура установления связи между означаемым и означающим приобретает формат технологии, обучающей использованию знака, т.е. его потреблению, а, следовательно, пониманию знака как некоего интеллектуального и социально-коммуникативного продукта [1, с. 29]. Объектом изучения маркетинговой лингвистики является маркетинговый дискурс, включая сюда не только рекламные тексты и слоганы, но и статьи на темы продаж, устные продающие выступления, наименования и вербальные компоненты логотипов [2, с. 140].

Маркетинговая лингвистика тесно связана с психолингвистикой и перлокутивной лингвистикой. Перлокутивная лингвистика не сводится к анализу рекламных текстов, хотя этот раздел занимает в ней важное место. Она занимается и лингвистическими принципами редактирования, и вопросами восприятия медиасообщений, и рядом других областей, где необходимо описывать, как изменились представления адресата в результате речевой коммуникации [3]. Относительно психолингвистики, то для понимания механизмов воздействия рекламных и PR-текстов необходимы ее результаты. И психолингвистические исследования нередко открыто базируются на явлениях, характерных для текстов воздействия или, как еще говорят, суггестивных. В частности, можно отметить важность изучения ассоциаций и экспрессии и для психолингвистики, и для маркетинговой лингвистики.

Как отдельное направление научного знания, маркетинговое языкознание начало формироваться в последнее десятилетие, чему способствовали политические технологии, опирающиеся на когнитивный маркетинг, одним из направлений которого является превращение продукта в технологию потребления

с учётом того, что потребители приобретают не товары и услуги, а ценности [1, с. 33]. Данные ценности и формирует маркетинговая лингвистика избирающее объектом исследования рекламу, политический текст, медиатекст, речевое сопровождение юридических практик, организационную деятельность и лингвокультуру, ее обслуживающую, а также терминологические системы (TQM-тезаурусы), поддерживающие современный образовательный процесс [1, с. 35]. Исследованиями в области маркетингового языкознания занимаются как русскоязычные учёные (Е. Г. Борисова, Н. В. Халина, Н. В. Аниськина, Т. Б. Колышкина, И. А. Гусейнова и др.), так и за рубежом (К. Бэкер, С. Джонс, Ф. Домингес и др.).

К. Бэкер и С. Джонс создали модель анализа языкового маркетинга, основанную на этапах осуществления маркетинговых стратегий [4]. Они предлагают к рассмотрению следующие этапы анализа языкового маркетинга:

1) выделение конкретного компонента, подлежащего маркетинговому освоению (стандартизация или использование какого-то конкретного словаря, новых технических терминов и пр.);

2) идентификация клиентов с точки зрения уровня языковой компетенции и соответствующих запросов, персональных компетенций; изучение запросов потребителей, что помогает достичь дифференцированного определения сегментов рынка и целевых групп;

3) увязывание языкового продукта со специфическими группами как объектами целевой ориентации;

4) повышение притягательности продукта (например, через использование новой «упаковки» – языковой стандартизации, новой терминологии, словаря), то есть акцентирование всех проявлений пользы и ценностей, связанных со знанием языка;

5) продвижение продукта (когда язык тиражируется через плакаты, газетную рекламу, журналы и пр.);

6) предвидение контрпропаганды и реагирование на неё;

7) распространение продукта, предполагающее разумным образом расположенные точки «сбыта» с учетом образования, а, следовательно, уровня языковой компетенции аудитории;

8) использование критерия «добавленной стоимости» в практике языкового маркетинга (это означает, что полученные результаты превышают порог рентабельности и потребительских затрат, также в виде возросшей компетенции или улучшения качества жизни (в языковом планировании деньги не отделены от процесса принятия решений));

9) мониторинг результатов, обеспечивающих обратные связи, оценка продукта и стратегии маркетинга;

10) пересмотр стратегии маркетинга и реализации соответствующего плана.

Эффективная работа на всех 10 этапах невозможна без работы с триггерами. Остановимся на подробном рассмотрении данного понятия. В переводе с английского языка «trigger» обозначает «спусковой крючок». Таким образом, триггер выступает как своеобразный импульс, толчок к совершению действия.

Истоки применения триггеров в маркетинге лежат в бихевиоральном дизайне (дизайне поведения) – инновационном направлении психологической

науки, основателем которого является доктор Стэнфордского университета Б.Дж. Фогг, руководитель лаборатории психологического влияния.

Механизм успешного действия триггеров, согласно концепции бихевиорального поведения Б. Дж. Фогга, представлен на рисунке 1:

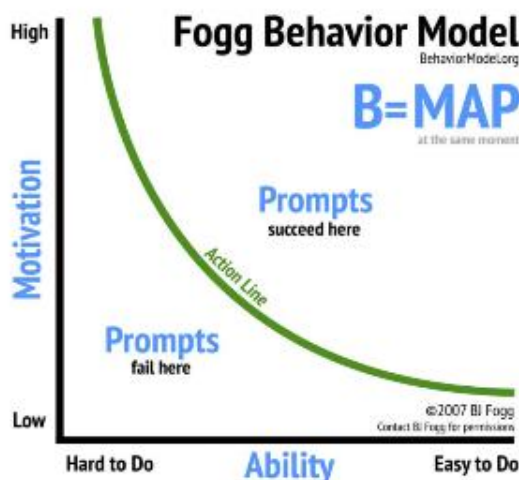

Рисунок 1 – Бихевиоральная модель Б.Дж. Фогга [5]

Из модели Б. Дж. Фогга следует, что триггер наряду с мотивацией и умением выступает как слагаемое к инициированию действия.

Б. Дж. Фогг надеялся, что бихевиоральный дизайн сделает мир лучше, но пришёл к выводу, что коммерция вывернула его идеи наизнанку и зарабатывает на них деньги, превратив пользователей в пленников собственных продуктов. Н. Эяль считает, что триггеры, которые эффективно влияют на потребителя, – это прогресс, а не проблема, и не видит в этом инструменте маркетолога ничего негативного. Т. Харрис, ещё один студент Б. Дж. Фогга, придерживается точки зрения, что его учитель и Н. Эяль переоценивают возможность изменить человеческую жизнь к лучшему с помощью поведенческого дизайна. Он уверен в том, что производитель, желая навязать свои продукты, использует в маркетинге триггеры как манипуляторы поведением потребителя, которые основаны на эксплуатации психологической уязвимости человека. Т. Харрис считает, что триггеры ущемляют возможность свободного выбора и являются мощной силой в масштабах глобальной экономики.

Триггеры, взявшие свои истоки в психологической концепции бихевиорального поведения, стали целой маркетинговой стратегией, которая помогает завоевать доверие клиента, наладить с ним взаимоотношения и сделать его постоянным потребителем.

Если обратиться к маркетингу, то очевидно, что, в первую очередь, акцент делается на снижение цены, качественное обслуживание. Но сегодня будет актуальным говорить о том, что существуют ещё и эффективные психологические и психолингвистические приёмы получения заказов, основанные на особенностях работы эмоций и инстинктов человека и побуждающие его принять решение о покупке. К таким методам относятся триггеры – современное инновационное и активно развивающееся направление в маркетинге. Можно утверждать, что триггеры в маркетинге приводят к эффективному стимулированию развития бизнеса:

- 1) увеличению продаж;
 - 2) росту конверсии и трафика;
 - 3) снятию психологических барьеров между продавцом продукта и потребителем;
 - 4) повышению лояльности;
 - 5) выстраиванию долгосрочных отношений с клиентом.
- Рассмотрим, как работают триггеры в маркетинге:

Рисунок 2 – Модель функционирования триггеров в маркетинге

Источник: собственная разработка

Проанализировав схему, можно прийти к следующему выводу: наиболее высока вероятность покупки при совпадении трёх факторов – подходящего эмоционального состояния потребителя, его логического решения, действия психологических триггеров. Потребители склонны полагать, что совершают покупки, опираясь на логику, но зачастую это не так. Триггер действует как «спусковой крючок», запуская эмоциональный фактор, побуждая к совершению целевого действия. Именно поэтому данный инструмент широко применяется для повышения продаж.

Механизм действия триггеров в маркетинге состоит в активации тех или иных инстинктов. Они являются своеобразным психолингвистическим инструментом, который мотивируют клиента совершить целевое действие: позвонить, купить, запросить прайс-лист и д. Главная цель триггера в маркетинге – подействовать на инстинкты или поведенческие особенности человека в коммерческих целях. В этом состоит самая сложная задача маркетолога, которому необходимо продать товар.

В маркетинговой стратегии активно используется термин «продающие триггеры» – это стимулы, которые побуждают выполнить действие, вызывая у потребителя разнообразные эмоции (жадность, гнев, радость, страх, удивление и др.).

В маркетинге триггеры используются на сайтах, в рекламе, постах. Область их применения: рекламные тексты, изображения, видео, аудио, графические элементы.

Главные правила применения триггеров:

1. Триггеры нельзя использовать одновременно в большом количестве: пользователя отпугнёт навязчивость.
2. Триггеры надо комбинировать.

В результате проведенного анализа мы можем выделить нижеследующие виды триггеров.

По принципу антагонистичности:

- 1) внешние и внутренние;
- 2) прямые и косвенные;
- 3) предсказуемые и неожиданные;
- 4) продуктивные и непродуктивные;
- 5) простые и сложные.

Различают триггеры по характеру раздражителей. По этому признаку они бывают следующих разновидностей:

1) предметы и жизненные ситуации, вызывающие эмоциональный отклик, который основан на событиях прошлого;

2) раздражители, оказывающие воздействие на органы чувств, – запахи, музыка, оттенки, тактильные ощущения, зрительные образы;

3) влияние посредством слов – некоторые словосочетания способны сильно повлиять на человеческое поведение;

4) глубоко подсознательные триггеры – сны, желания, воспоминания и мечты.

Психологические триггеры в маркетинге разделяют и по критерию эмоциональной окраски. Как правило, триггерная реклама действует по принципу «раздражитель – реакция на раздражитель», поэтому реакции по воздействию на человека могут быть следующие:

- 1) отрицательные;
- 2) положительные;
- 3) нейтральные (вызывают неоднозначные эмоции на раздражитель).

По источниковому признаку триггеры можно разделить на три типа:

1) триггеры, работающие с инстинктом человека;

2) триггеры, работающие с качествами, унаследованными от родителей;

3) триггеры, работающие с поведением человека, сформировавшиеся на протяжении его жизни.

На основе лингвистического анализа нами выделены и систематизированы типы триггеров по частоте использования:

1) активно используемые («результат», «обращение», «страх», «взаимость», «сравнение», «конкретика», «социальное доказательство», «авторитет», «хит продаж», «подарок», «взаимодействие», «дедлайн», «свой отзыв», «соблазнительный женский образ», «общий враг», «дефицит» («лимит»), «экономия времени», «стереотип», «тизер» («интрига»), «кросс-маркетинг», «up-sell», «простота», «участие», «жадность», «уникальность», «стадный инстинкт», «поощрение лояльности», «новинка»);

2) используемые реже («патриотизм», «челлендж», «торг», «на одном языке», «честность», «взгляд в будущее», «последовательность», «неожиданность», «storytelling», «отталкивание», «жалость», «моментальная выгода», «обоснование», «самовыражение», «однозначность», «гарантия», «сделаем за вас», «демонстрация идеала»).

К словам-триггерам относятся «немедленно», «бесплатно», «новинка», «сегодня», «секрет», «откройте», «потому что», «только». В них заложено давление

на доступное время, побуждение к экономии, подчёркивание эксклюзивности, создание тайны с целью сформировать интерес. Приведение конкретных причин даже в коммуникативной лингвистике позитивно влияет на результат общения – такой же приём используют маркетологи, употребляя «потому что».

Триггеры для сайта – это всевозможные приёмы, которые приковывают внимание посетителя к каталогу и прочим блокам и мотивируют их совершать целевое действие, нужное маркетологу.

Триггерный маркетинг – это сравнительно новое направление, и, чтобы успешно им заниматься, недостаточно просто доносить информацию о бренде до потребителя. Нужно хорошо знать свою целевую аудиторию, её язык, языковые паттерны. Триггеры обычно персонализированы, поэтому необходима сегментация целевой аудитории. Для хорошего результата необходимо понимание, какие психолингвистические инструменты окажутся наиболее действенными на представителей конкретной целевой аудитории.

Маркетологи используют триггер в маркетинге не только для продажи основных и дополнительных продуктов клиентам, но и для выстраивания доброжелательных отношений с покупателем. После покупки товара потребителями менеджеры реализуют триггер-программы, в которой разработаны вопросы по оценке купленного продукта, товара. Данная программа создаёт рейтинг и товару, и компании, а также одновременно налаживает долгосрочные отношения с клиентами.

Нами проведено анкетирование по теме исследования (опрошено 100 человек). Для получения объективных данных были взяты 5 возрастных групп с равным количеством респондентов и паритетом по гендерному признаку: по 20 человек в каждой возрастной категории, из них 10 мужского пола и 10 женского пола. Возрастные категории следующие: 18–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет, 46–55 лет, старше 56 лет. Опрошенные потребители имеют разное социальное положение и уровень доходов, проживают в Беларуси.

Цель анкетирования – выявление отношения к триггер-маркетингу у потребителей, анализ ошибок применения триггеров в маркетинге, выделение определённых закономерностей и тенденций в исследуемой нами стратегии.

Результаты анкетирования представлены на диаграммах:

Рисунок 3 – Триггеры, оказывающие наибольшее влияние на потребителя при просмотре рекламных предложений

Источник: собственная разработка на основе данных анкетирования

Рисунок 4 – Наиболее вероятная причина отрицательного отношения потребителя к компании, продающей товар (оказывающей услуги)

Источник: собственная разработка на основе данных анкетирования

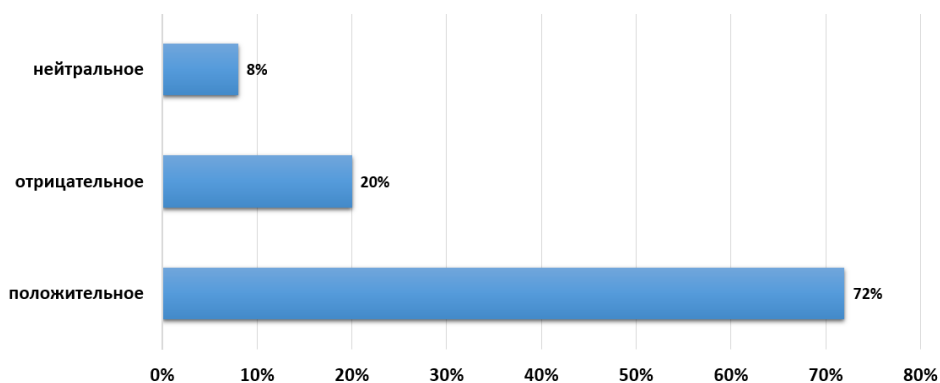

Рисунок 5 – Отношение потребителя к триггеру, стимулирующим к приобретению продукта

Источник: собственная разработка на основе данных анкетирования

Подводя общий итог проведённого опроса, следует отметить, что большинство респондентов наиболее чувствительны к триггерам «жадность», «страх» и «дефицит», приветствуют политику лояльности компании по отношению к клиенту и использование стимулов к приобретению продукта. Эти данные подтверждают актуальность применения триггеров в маркетинге.

Заключение

В результате проведенного нами исследования можно прийти к следующим выводам:

1. Триггер-маркетинг – это междисциплинарное знание, которое базируется на стыке нескольких наук: собственно маркетинга, психологии (концепция поведенческого дизайна Б. Дж. Фогга) и лингвистики (перлокутивная и маркетинговая лингвистика).

2. Маркетинговое языкознание выступает в качестве разновидности прикладной лингвистики и призвано модифицировать связь между означаемым и означающим в соответствии с требованиями информационно- маркетинговой парадигмы.

3. Триггер-маркетинг – это многогранный способ стимулирования потребителей к выполнению определённых действий, эффективная актуальная стратегия воздействия на поведение целевой аудитории в целях успешного развития бизнеса.

4. Рационально сопровождать выход нового товара с маркетинговыми триггерами, основанными на триггере любопытство.

5. Эффективным будет приём рассказа клиенту, как он будет себя чувствовать, если приобретёт ваш продукт.

6. Подача информации должна быть простой и доступной к пониманию с первого прочтения.

7. Триггеры в маркетинге применяются целенаправленно: для каждого сегмента целевой аудитории существует свой стимул совершить покупку, заказать доставку или оставить контактные данные. Для их эффективного использования следует соблюдать определённые правила, учитывать разнообразие видов и типов.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Халина, Н. В. Языкознание в условиях информационного общества: монография / Н. В. Халина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 192 с.
2. Борисова, Е. Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы / Е. Г. Борисова // Верхневолжский филологический вест. – 2016. – № 4. – С. 140–143.
3. Борисова, Е. Г. Перлокутивная лингвистика и её преподавание студентам-филологам / Е. Г. Борисова // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. – С. 115–134.
4. Baker, C., Jones, S. P. Language Marketing // C. Baker, S. P. Jones Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Johannesburg, 1998 – 201p.
5. Fogg Behavior Model [Электронный ресурс] / Blog Dr. BJ Fogg. – BJ Fogg, 2021. – Режим доступа : www.behaviormodel.org. – Дата доступа : 13.03.2021.

Rezko P. N., Rovneiko M. A. Triggers in the context of marketing linguistics

The article deals with triggers in the context of marketing linguistics and investigations of the language for developing marketing communications. The authors analyze trigger-marketing, which is based on the intersection of several sciences: marketing, psychology and linguistics. The article discusses the origins of triggers in marketing, the goals and the main rules of their usage, the mechanism of action. The types of triggers were systematized according to the frequency of their usage. The results of the survey on the research topic were analyzed.

УДК 101.8

Лагуновская Е. А.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИИ И ЕЁ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВОСЛАВНОЙ, КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРОТЕСТАНТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье обосновывается актуальность исследования функционирования религии как социокультурного феномена в духовной сфере жизнедеятельности человека и общества на мировом и национальном уровне. Рассматривается конфессиональная структура белорусского государства и ее ярко выраженный христианский характер, в социокультурном пространстве отмечается определяющая роль двух христианских конфессий – православия и католицизма. Представлена социально-философская интерпретация религии и её ценностей наиболее выдающимися представителями научной мысли в рамках православного, католического и протестантского социокультурного пространства, что открывает перспективу дальнейших исследований.

Введение

В современной науке о религии представлено широкое разнообразие подходов к исследованию своего предмета, что объясняется, прежде всего, невозможностью однозначного определения последнего. Религия представляет собой

феномен особого рода, целостное осмысление которого возможно является недоступным в определенных научных границах истории, философии, социологии и психологии религии. В XXI в. из всего широкого спектра характеристик религии и выводов о её значении, имеющих в науке, является актуальным исследование функционирования религии как социокультурного феномена в духовной сфере жизнедеятельности человека и общества. О социальной значимости религии в мире говорят данные: из более 7 млрд. населения, 4 млрд. являются верующими.

Христианство – самая крупная мировая религия как по численности приверженцев, которых около 2,4 млрд., так и по географической распространённости. Характерной особенностью Беларуси является поликонфессиональная религиозная структура. В нашей стране зарегистрировано 25 конфессий (среди них 14 – протестантские), наиболее многочисленные из которых – православная (1224 общины), католическая (432 общины), христиан веры евангельской (491 община), евангельских христиан-баптистов (270 общин). Более 70 % населения страны считает себя верующими, из них: 80 % относят себя к православным, 14 % – к католикам, 2 % – к протестантам [6]. Таким образом, сложившаяся на сегодняшний день конфессиональная структура имеет ярко выраженный христианский характер. Христианство как социокультурный феномен в Беларуси является исторически наиболее влиятельным и конструктивным. Определяющую роль в социокультурном пространстве Беларуси играют, прежде всего, две христианские конфессии – православие и католицизм, история взаимоотношений которых сложна и противоречива. Беларусь в какой-то мере является своеобразным геополитическим, культурным и религиозным мостом между Востоком и Западом [8, с. 49].

Изменения социальной действительности в условиях системной трансформации и глобализации требуют своего философского осмысления, что ведет к формированию ряда новых социально-философских концепций, к развитию категориально-понятийного аппарата социальной философии. Социально-философская проблематика является в настоящее время одной из самых актуальных и быстро развивающихся областей философского знания. Социально-философский анализ религии как социокультурного феномена и её духовно-нравственных ценностей, и в первую очередь, ценностей христианства, в белорусском обществе XXI в. является актуальным, так как поиск путей его устойчивого развития направлен не только в сторону оптимизации политической и экономической сфер жизнедеятельности, но также и на укрепление и развитие нравственности социума. Общественные кризисы постсоветского периода, новые тенденции социальной динамики способствуют возникновению ценностного вакуума, что может привести к дестабилизации общества. Именно система духовно-нравственных ценностей призвана сыграть важную роль в стабилизации эмоционально-психического здоровья нации и направить ее внутренний творческий потенциал на достижение актуальных для нее целей и задач. Научная проблема остается в том, что наблюдается противоречие между процессами, подвергшимися рефлексии в науке, и процессами, протекающими в современной индивидуальной и социальной практике. Специфика условий жизнедеятельности современного белорусского общества определяет новый смысл христианского наследия в его современной культуре. Таким образом, интерпретация

ценностей христианства как социально-философского понятия, историография данной темы и исследование источников по ней остаются проблемой, требующей постоянного осмысления. Цель статьи – представить анализ религии, и прежде всего, христианства, как социокультурного феномена и его ценностей как социально-философских понятий, рассмотреть историографию данной проблемы и исследовать источники по ней. В статье решаются задачи исследования работ, посвященных проблематике религии как социокультурного феномена и ее ценностей, применения категориального аппарата социальной философии к осмыслению христианского наследия, представленного на разных этапах истории мировой научной мысли в православной, католической и протестантской традиции.

Основная часть

Христианские ценности как устойчивая совокупность духовных принципов нравственного совершенствования, выступают в качестве неизменных общечеловеческих ценностей в мировом социальном сообществе. Христианство исходит из понимания ценности как абсолютного блага, имеющего значимость в любом отношении и для любого субъекта, независимо от конкретного исторического периода. Специфика христианской философии заключается в её сопряженности с религиозной идеологией, основанной на принципах Откровения и монотеизма. Социально-философская интерпретация ценностей христианства в православной, католической и протестантской традиции осуществляется на основе анализа Священного Писания, являющегося первичным мировоззренческим ориентиром христианства, объединяющим все христианские конфессии. Христианская философия понимается как область философских исследований, нацеленных на осмысление идей, принципов и положений Библии, на перевод образов с её языка на язык философских категорий. В христианской философии способом духовного освоения мира и человека является разум, а христианство как вероучение воспринимает духовный и материальный мир через веру. Социокультурный феномен христианского наследия до сих пор играет значительную роль в формировании белорусского менталитета, отражая специфическую человеческую способность постигать и развивать высшие идеалы белорусской национальной культуры. Однако осмысление христианских ценностей в православной, католической и протестантской традиции ещё не стало предметом специального рассмотрения в отечественной науке.

Социально-философский анализ религии и её ценностей в православной, католической и протестантской традиции.

Социально-философская интерпретация христианских ценностей в православной, католической и протестантской традиции предполагает комплексный характер исследования, включающий в себя философские, социальные, исторические и культурологические аспекты.

Христианство как индивидуальная и социальная практика не обрело бы мирового признания, если бы сводило понятие «духовность» к определённому религиозному содержанию. Особый социокультурный статус духовности является следствием способности личности конституировать себя как субъективный мир сосредоточения ценностей. В социальном пространстве ценностное отношение человека к миру вообще, другому человеку и себе определяет континуум социокультурного поля значимости, так как ценности обладают значением.

Как система моральных ориентиров, ценности христианства конституируют отношение личности к внешнему миру, социальной действительности и своему внутреннему миру, что нашло своё отражение в расстановке акцентов в их осмыслении в рамках православного, католического и протестантского социокультурного поля.

В католической традиции философское осмысление религии признало в качестве одного из основных её свойств способность смыслополагания, связанного с переживанием радикального опыта конечности человеческого существования. В понимании религиозной духовности в католической традиции можно увидеть два основных подхода, в соответствии с которыми религия: 1) не может быть редуцирована к проблеме нравственности (Г. Гегель); 2) не может быть сведена к нравственной проблематике (И. Кант). Принятие одного из данных подходов порождает, соответственно, проблему действительной нравственной валидности религии, либо проблему её самодостаточности.

В католической и протестантской традиции значительный вклад в разработку проблемы влияния религии на формирование личности и социальной реальности внесли западные философы Г. Гессе, Э. Гуссерль, В. Дильтей, Г. Кюнг, Т. Лукман, Т. Парсонс, П. Пупар, Б. Рассел, М. Томпсон, Э. Трельч, Л. Фейербах и др.

Классические работы Э. Дюркгейма, М. Вебера и др., обращаясь к исследованию функционирования религии как социокультурного феномена и социального института, демонстрируют взаимовлияние религии и общества.

Исследование конфессиональных ценностей нашло свое выражение в работах основателя французской социологической школы Э. Дюркгейма (1858–1917). Из различных сфер социальной жизни, которые он исследовал, религия занимает у него едва ли не самое значительное место. Это выражается не только в том внимании, которое он уделял проблемам собственно религии, но и в том, что религия в его концепции оказывается средоточием социальной жизни вообще.

Одним из главных предшественников Дюркгейма в рассмотрении вопросов религии был немецкий философ И. Кант (1724–1804). На формирование концепции французского философа и социолога оказало влияние понимание И. Кантом религии как нравственно необходимого элемента человеческой жизни, а также трактовка им морали как трансцендентного феномена. По Канту, «моральный закон через понятие высшего блага как объект и конечную цель чистого практического разума ведет к религии, т.е. к познанию всех обязанностей как божественных заповедей» [7, с. 463].

Дюркгейм продолжал позитивистскую традицию в социальной науке и был духовным наследником французский философа О. Конта (1798–1857). Для концепции религии родившегося в католической семье Конта характерен принципиальный отказ от суждений относительно самих религиозных догматов: в них содержатся высказывания по поводу «конечных причин», «высших существей», которые, по мнению основателя позитивизма, лежат вне поля зрения позитивной науки. Эту сторону трактовки религии Контом воспринял и Дюркгейм. Конт повлиял и на его оценку роли религии и ее ценностей в создании и поддержании равновесия в обществе.

Интерес к религии как социальному явлению проявился у Дюркгейма с самого начала его научной деятельности. Первой его работой, касающейся проблем религии, явилась статья «Исследования в области социальной науки» (1886 г.). В этой статье, анализируя концепцию Г. Спенсера, он писал, что задача социолога определить социальную роль религии, представления же о боге или о других сверхъестественных сущностях должны его интересовать только в той мере, в какой они символизируют социальную реальность. Согласно Дюркгейму, функции религии, морали и права сводятся к обеспечению социального равновесия. Но религия в отличие от морали и права предписывает не только определенные поступки, но и мысли и чувства. Те религии, которые перестают обеспечивать социальное равновесие, заменяются новыми. Религия, по мнению автора, тождественна любой вере, поэтому она вечна. Такова в общих чертах трактовка религии у Э. Дюркгейма. Характерно, что общие выводы, сделанные автором впоследствии на основе анализа большого этнографического материала, в целом не претерпели существенных изменений.

В своём основном труде «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912 г.) Дюркгейм опирался главным образом на этнографические исследования жизни коренного населения Австралии, «классической страны тотемизма», предпринятые А. Хауиттом, Б. Спенсером и Ф. Гилленом, К. Штреловым. В данном произведении Дюркгейм поставил перед собой двойную задачу: во-первых, проанализировать наиболее примитивную из религий, известных в его время, во-вторых, на основе этой модели выяснить сущность религии. Данную модель он выбрал не случайно. Чтобы постичь сущность религии, надо, по его мнению, обратиться к наиболее «примитивным», «элементарным» её формам. Обоснование этому принципу он находил в том, что в «примитивных» обществах религия существует в «чистом» виде, без последующих «второстепенных» наслоений, что облегчает её исследование.

Если для Фейербаха «тайна теологии заключена в антропологии», то для Дюркгейма эта тайна заключена в социологии. Тезис о социальной природе религии и рассмотрение общества как реальности особого рода, отличной от простой суммы индивидов, привели французского ученого к изучению религии под углом зрения её социальных функций.

Структурный функционализм Дюркгейма оказал сильное влияние на исследование религии в современной социологии и культурной антропологии, причем не только на «структурно-функциональную школу», но также и на другие направления. Это влияние общеметодологического порядка, и, хотя современное религиоведение отвергло многие из тезисов французского социолога, тем не менее, его научное наследие продолжает рассматриваться как актуальное и активно используется.

В работе «О разделении общественного труда» (1893 г.) Дюркгейм проводит аналитическое деление социальной солидарности на два типа: механическую и органическую. Первый тип солидарности присущ главным образом архаическим обществам; он основан на полном поглощении индивидуального сознания коллективным. Разделение общественного труда, по Дюркгейму, приводит к тому, что «коллективное сознание» теряет свою силу и действует в более ограниченной сфере. В историческом развитии механическая солидарность заменяется

органической, базирующейся на различиях и обмене деятельностью между индивидами. Преобладающая роль религии для Дюркгейма связана именно с механической солидарностью; «коллективное сознание» у него, в сущности, тождественно религиозному. Философ считает, что в условиях модерна, по его мнению, лишённого традиционных и религиозных связей, «если только человечество не возвратится к своему отправному пункту, религии больше не в силах будут оказывать очень обширного или очень глубокого влияния на умы» [3, с. 575].

Первая функция религии, по Дюркгейму, состоит в создании сплоченности и поддержании её в обществе. Вся его теория религии направлена на обоснование этого тезиса. Следуя О. Конту, он рассматривает общество только как ассоциацию; в связи с этим социальные конфликты трактуются им исключительно как патологические. По существу, социальная солидарность является для него синонимом общественного состояния.

Отсюда становится понятным, почему Дюркгейм фиксирует внимание лишь на спланированной роли религии. Согласно его точке зрения, религия является формой осознания единства коллектива, религиозные обряды уже тем, что они обладают видимой функцией укрепления связей верующего с богом (с надличностным источником), тем самым реально усиливают связь индивида с обществом, членом которого он является, поскольку бог есть лишь иносказательное выражение общества.

Таким образом, анализ работы «Элементарные формы религиозной жизни» и других трудов показывает, что Эмиль Дюркгейм выделяет три главные темы исследования религии: 1) общая теория общества, в которой религия рассматривается как центральный фактор, интегрирующий социальную жизнь; 2) социология религии, объясняющая появление религиозных представлений; 3) этнология религии, объясняющая религию австралийских аборигенов (описание и подробный анализ системы кланов и тотемизма в некоторых австралийских племенах).

Э. Дюркгейм определяет религию как «ценностную систему верований и действий, относящихся к священным, то есть отдельным запретным вещам, верований и действий, которые объединяют в одну моральную общину, называемую церковью, всех, кто им следует» [4, с. 96]. В работах Э. Дюркгейма воплотилось развитие идей о коллективном сознании, т.е. о коллективных убеждениях и связанных с ними нравственных отношениях, действующих в качестве объединяющей силы в обществе, как о «высшей форме психической жизни».

Большой вклад в развитие представлений о ценностях в протестантской традиции внёс немецкий философ, социолог, историк, политический экономист М. Вебер (1864–1920). Основу научных интересов Вебера составляло исследование особенностей перехода от традиционного к современному обществу, и, в частности, протекание процессов секуляризации. Одним из самых известных открытий учёного в сфере осмысления религии стало обоснование протестантских истоков капитализма. Данные исследований Вебера были опубликованы им после поездки в США в статье «Протестантские секты и дух капитализма» (1904 г.), а потом расширены в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.). В противовес концепции исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Вебер отмечал важную роль в развитии общества культурных

воздействий, оказываемых религией. Именно высокая степень религиозности определенных, исследуемых им социальных групп, способствовала зарождению, оптимальному протеканию и успехам капиталистической формы хозяйствования. Впоследствии учёный исследовал религии Китая, Индии и древний иудаизм, пытаясь выявить причины и особенности процессов, определивших различия между хозяйственным устройством Запада и Востока.

По мнению учёного, большинство протестантских христианских деноминаций отличаются от православия и католичества более строгими требованиями соблюдать христианские заповеди. Сам Вебер обосновывает предположение о том, что именно жители стран, в которых протестантская религия доминировала, отличались особыми качествами, необходимыми для торговой и предпринимательской деятельности. Ведь именно сторонники реформации обладали особыми духовно-нравственными качествами, являющимися следствием аскетического воспитания как принципа протестантизма. По мнению философа, следование данным ценностям мировоззренческой основы протестантизма в индивидуальной и социальной практике его приверженцев, привело к значительному экономическому превосходству протестантских стран над непротестантскими. При этом Вебер отмечает, что «стремление к предпринимательству», «к наживе» было характерным для абсолютно любой страны во все исторические периоды [2].

Впервые к термину «дух» Вебер обращается в статье «Протестантские секты и дух капитализма». Анализируя роль протестантизма в становлении капитализма, он ввел понятие «дух капитализма», которое характеризовало особый способ ведения хозяйственной деятельности. Вебер утверждал, что развитию «духа капитализма» способствовала протестантская этика. Для описания вышеупомянутого «духа» в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер цитирует некий документ, содержание которого, по мнению учёного, отражает такой «дух». Основные положения анализируемого документа: «Помни, что время – деньги», «Кредит – деньги», «Деньги по природе своей плодотворны и способны порождать новые деньги» – являются своего рода повседневными правилами поведения человека, обладающего «духом капитализма» [2]. Описывая трудовые ценности протестантов согласно данному документу, Вебер отмечает, что пустая трата времени равносильна потере денег, невозвращенный в срок займ оборачивается для заимодавца потерей всех тех процентов, которые бы он мог получить, вложив данные займы деньги, а главным предназначением денег является увеличение их количества. Большое внимание необходимо уделять точному подсчёту своих доходов и расходов. Макс Вебер ссылается на Бенджамина Франклина, мировоззрение которого, по мнению социолога, как раз соответствует вышеизложенным принципам. Вебер всячески показывает, что трудовые ценности, усвоенные гражданами благодаря воспитанию в протестантской традиции, мотивируют их к качественному исполнению своих трудовых обязанностей. А это, в свою очередь, способствует доверию к человеку как к деловому партнеру, из чего следует коммерческий успех, накопление капитала, а самое главное – пробуждение в человеке особого «духа». По мнению Вебера, наибольшее развитие такой «дух» получает именно в США. Учёный проводит анализ и латиноамериканских стран, в которых он выявляет следующую

тенденцию: смена человеком католического вероисповедания протестантским непременно способствует повышению уровня его доходов. Так, по мнению исследователя, во всех американцах с самого рождения воспитывается ценность труда, упорного и старательного, как самого необходимого для достижения жизненных целей и удовлетворения собственных потребностей. Именно на западе в тех странах, которые условно называются «протестантскими», появляется, как считает учёный, особый дух, названный им «капиталистическим». Отличие такого «духа», по мнению учёного, заключается в том, что лица, им обладающие, стремясь к получению как можно большего материального (в первую очередь денежного) дохода, не надеются тем самым реализовать свои жизненные потребности, повысить комфортность проживания и собственную обеспеченность.

Макс Вебер отмечает, что в начале XX в. в США принадлежность к определённой протестантской секте определяла деловой успех человека, так как та оказывала активную помощь и поддержку своим членам. Исследователи отмечают сходство духовно-нравственных принципов в протестантской и старообрядческой традиции [9]. Религиозная этика работников старообрядческого предприятия требовала от них высококачественного выполнения своих трудовых обязанностей. В свою очередь, руководители этих предприятий, так же будучи староверами, вынуждены были считаться с мнением старообрядческой общины, в том числе в вопросах отношения к наёмным работникам. В случае возникновения материальных проблем, не зависящих от самого человека, как в старообрядчестве, так и в протестантизме, такому верующему приходила на помощь вся община. Вебер отмечал, что в США община могла дать поручительство за своего члена, оказать ему денежную помощь. Последний при этом не был скован юридическими обязательствами и мог отдать долг по мере улучшения своего материального состояния.

Рассматривая влияние протестантской традиции на развитие предпринимательской деятельности, следует учитывать не только факт появления некоего «духа капитализма» как отражения христианской этики протестантов. Необходимо также принять во внимание и те социальные изменения, которые были продиктованы распространением протестантской религии. К ним в первую очередь относится повседневное поведение человека, ориентированное на библейские принципы. Сама культура, правила и принципы должного поведения человека в обществе определяли мировоззрение приверженцев протестантизма, их цели и ценностные установки в жизни, круг общения, особенности отношения к окружающим, в том числе незнакомым людям. Безусловно, было бы ошибкой утверждать, что абсолютно все американцы или абсолютно все люди, исповедующие протестантскую религию, были более успешными с точки зрения их трудовой деятельности в сравнении с приверженцами других религиозных конфессий. Однако, как следует из трудов Макса Вебера, именно американцы и представители протестантских общин в большинстве своем были более предрасположены к развитию анализируемого им «капиталистического духа» в отличие от всех остальных народов и приверженцев других религий.

Сравнивая традиционализм и капитализм, Вебер отмечал, что для традиционализма свойственны спокойствие, размеренность, постоянство и стабильность

в деловых отношениях, которые преобладали над «жаждой наживы», ориентация труда на реализацию лишь необходимых потребностей. В противоположность традиционализму, для капитализма в первую очередь свойственна «жажда наживы». Именно ей подчинены все деловые отношения, а также нравственные качества предпринимателей. Социолог подчёркивал, что баптисты ещё с XVII в. в своей профессиональной деятельности руководствовались принципом «Честность – лучшая политика», и выступал резко негативно по отношению к недобросовестности и инстинктивной жадности. Анализируя социально-экономические особенности повседневной жизни американцев начала XX в., в качестве первой особенности того периода развития Америки Вебер выделял вопрос о принадлежности к какой-либо религиозной организации. Желающий вступить в такую религиозную организацию должен был пройти целый ряд проверок его этических качеств: честности, добропорядочности, точности исполнения обещаний и так далее. Прошедший такую проверку гражданин становился членом религиозной организации. Такое членство давало ему возможность не только обратить членов религиозной организации в своих клиентов, но и, зарекомендовав себя ответственным деловым человеком, получить клиентов среди членов других религиозных организаций. Таким образом, организация трудовой деятельности протестантов Америки начала XX в. во многом зависела от их религиозной принадлежности. Как следствие, большинство американцев отличались особым аскетическим воспитанием, характерным для той или иной протестантской конфессии. Будучи высоко религиозными, им приходилось во многом ограничивать себя в повседневной жизни. Такие ограничения приводили к накоплению энергии, которая направлялась в трудовую деятельность.

Особенностью протестантских сект, как пишет Вебер, являлась направленность на воспитание и формирование определенных человеческих качеств. Философ не раскрывает, какие именно качества считались необходимыми, однако утверждает, что они имели большое значение для развития «духа капитализма». Кроме того, каждый член секты постоянно и многократно подтверждал наличие у себя подобных качеств перед своей общиной. Вебер, анализируя различия протестантских церквей и сект, выделяет следующую особенность: в церкви человек стремился к утверждению своей избранности перед Богом, а в секте – «перед людьми» – членами секты. Именно утверждение своей «избранности перед людьми», характерное для протестантских сект, явилось основой жизненного и делового поведения их адептов и определяло характер взаимоотношений с другими людьми, в том числе в деловой сфере.

Важно понимать, что Вебер не считал, что принятие человеком протестантизма автоматически наделяло его хорошими предпринимательскими качествами. Вебер обосновывал утверждение о том, что, протестанты имеют свод строгих правил, значительно отличаются от представителей других религий своей религиозностью (высокой степенью проявленности личной веры, следования духовно-нравственным принципам своей традиции, принадлежностью к определенной общине и личным социальным служением в ней), аскетическим образом жизни и воспитанием, которое приводило к развитию у них особого подхода к труду, что, в конечном счете, способствовало успехам в предпринимательской деятельности.

В настоящее время наблюдается следующая тенденция развития христианской традиции в США: изменяются не только ценности тех американцев, которые уходят из протестантизма в католичество, но даже среди тех, кто исповедует протестантское христианство, наблюдается значительное снижение влияния религиозных ценностей на повседневную жизнь.

В православной, католической и протестантской традиции основными функциями религии в обществе признаются в отношении личности – смыслополагание и идентификация, в отношении культурной системы – интеграция, стабилизация и сакрализация культурных ценностей. Г. Риккерт, один из родоначальников аксиологии в своем произведении «О системе ценностей», осмысливая нравственную жизнь, отмечает: «... некоторые из самых существенных черт, выведенных нами схематически, нашли своё выражение также и в фактически существующей религиозной жизни, например, в христианстве» [11].

В протестантской традиции Х.Р. Нибур выделяет в своей работе «Христос и культура» пять основных подходов к решению проблемы роли и значения христианской религиозности в культуре. Сопоставление данных подходов позволяет понять, что влияние христианских конфессий на культуру осуществляется как духовно-нравственное, что, в целом, соответствует достаточно широко распространённой сегодня точке зрения [10].

Большое внимание проблеме ценностного значения религиозной духовности уделено в философских концепциях А. Камю, С. Кьеркегора, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, П. Тейар де Шардена, А. Тойнби, А. Уайтхеда, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера, К. Ясперса и др. В религиозно-философских разработках М. Бубера, Э. Жильсона, К. Льюиса, А. Любака, Ж. Маритена религиозная духовность осмысливается на основе исследования отношения человека к Богу с помощью таких понятий как личность, автономия и гуманизм. Ядро религиозной духовности представляет собой вера, опыт осмысления которой характерен, прежде всего, для протестантской традиции (К. Барт, Р. Нибур, П. Тиллих, и др.). Широко понимаемая религиозность предстает в нравственном аспекте как истинно духовный феномен, который может быть описан, например, при помощи понятия ценности. М. Шелер в произведении «Формализм в этике и материальная этика ценностей» подчеркивает, что ценности не стоит отождествлять с эмпирической природой разных благ, с «ценными вещами» и пр. Философ относит к ценностям истинное, благородное, прекрасное, доброе, а также святое; они априорны, познаются в созерцании «мира ценностей» и иерархически упорядочены [16, с. 258].

С точки зрения методологического и исторического значения для исследования христианских ценностей значимыми являются сочинения И. Канта, В. Виндельбанда, Ф. Ницше и др., заключающие в себе опыт духовно-нравственных коллизий. Осмысление христианской морали в секулярной культуре Нового времени выдвигает проблему предъявления христианством принципиально не возможных или не должных быть исполненными требований к субъекту морали, а также неверности средств, применяемых для вполне уместных моральных требований христианства. Так, например, Ф. Ницше критикует христианство по обеим позициям, а философская интерпретация христианской морали И. Канта доходит до отрицания святости как морального состояния.

Важную роль в исследовании христианских ценностей играет наследие русской религиозной философии, в русле которой в православной традиции разрабатывались ценностные аспекты христианства, так как большинство верующих нашей страны относит себя к православию. Христианство как вероучение и социальная практика осмысливались Н. А. Бердяевым, Н. Я. Данилевским, И. А. Ильиным, К. Н. Леонтьевым, А.Ф. Лосевым и др. В работах русских философов консервативного направления: И. А. Ильин, В. В. Зеньковский, К. Н. Леонтьев, Г. С. Сковорода, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, П. А. Флоренский и др. осмысливаются ценности христианства с учётом восточно-христианского православного наследия. В православной традиции русская философия уделяла большое внимание вопросам духовности, её представители пытались понять и объяснить сущность и природу духовного, раскрыть содержание абсолютных духовных ценностей и идеалов.

В русской религиозной философии ценность государства возрастает в зависимости от влияния его политики на развитие духовного начала человека. Е. Н. Трубецкой пишет: «Кто хочет, чтобы жизнь человеческая когда-нибудь, хотя бы за пределами земного, претворилась в рай, то должен благословлять ту силу, хотя бы внешнюю, которая до времени мешает миру превратиться в ад» [13, с. 328]. В.С. Соловьёв считает государство относительной ценностью, требующей положительного отношения: «Если совершенное Богоявление есть тот максимум, который составляет действительный конец мирового процесса, то этим оправдан весь процесс, и несовершенное его начало (минимум), и отдельные, относительные стадии прогресса. Тем самым оправдано и государство» [12, с. 233]. В православной традиции государство в русской религиозной философии осмысливается не как возможная часть царствия Божия, а как ступень, долженствующая вести к нему в историческом процессе. Модус христианского отношения к социальной действительности не соответствует как анархизму, так и безучастному, равнодушному отношению к государству, ограничивающему моральное зло внешними преградами. Например, Сергей Радонежский во время татарского нашествия обратился к князю Дмитрию (впоследствии Донскому): «Иди смело против безбожников и победишь!». Единственным обоснованием войн в христианском вероучении служит исполнение заповеди о любви к ближним – своим согражданам и необходимость их защиты.

В православной традиции христианская семья играет важную роль в формировании нравственного сознания (воплощая экзистенцию всего человеческого бытия и самоидентификацию человека) и отношения (способствуя развитию у ребенка способности любить окружающих и закреплению его первых убеждений об иерархии в объективной реальности), проецируемых им впоследствии на отношения в социуме. Строгая иерархичность традиционной христианской семьи раскрывает приоритет интересов ближнего над личными: отец – мать – старший ребенок – я – младший ребенок, и формирует установку на протяжении всей жизни развивать собственные нравственные формы поведения в соответствии с общественными, коллективными интересами. Семья как социокультурная ценность и основа любого государства выступает посредником между личностью и социальными институтами. Ценность любви в социальной практике христианства является главным условием для создания крепкой семьи, построения гармоничных отношений между её членами.

Закреплённая в опыте православной традиции установка, предрасположенность воспринимать и оценивать действительность на моральной основе как духовно-нравственная ценность христианства, формирует готовность верующего к нравственным действиям, ориентированным на приоритет интересов ближнего над собственными, к согласованию личных и общественных интересов. С. Л. Франк отмечает: «... всякая жена и мать, вносящая какой-то свой собственный нравственный стиль в жизнь семьи, ... есть уже творец» [14, с. 284].

В православной традиции модус нравственного отношения человека к самому себе и своему внутреннему миру обусловлен ценностью уникальной человеческой личности – бессмертного, духовного существа, созданного Богом по своему образу и подобию («Возлюби ближнего твоего, как самого себя» Мф. 22,39). Н. А. Бердяев считает: «Ценность личности есть высшая иерархическая ценность в мире, ценность духовного порядка» [1, с. 71]. В соответствии с христианским пониманием гуманизма, личность любого человека уникальна и бесценна независимо от его сегодняшнего состояния и поведения, т.к. она наделена индивидуальными чертами и свойствами. Поэтому в философии христианства личность ценна сама по себе, а принцип гуманизма распространяется на любого человека, независимо от его социально-политической, гражданской, любой другой позиции, от реального вклада в жизнь общества. В соответствии с православной традицией и её центральной проблемой образа и подобия Божия как оснований человеческой личности, дух, в моральном отношении свободный от эгоизма, зависти, гнева, обладает способностью выступать как средство самосознания и реализации сущностного «Я» в предметно-практической нравственной деятельности. По мнению В. С. Соловьёва, «Дух – есть сущее как субъект воли и носитель блага» [12, с. 252]. В понимании И. А. Ильина, свободный дух человека, выступая как активная воля, является творческой силой и, таким образом, творческим началом человека: «Религиозно-предстоящий человек сознаёт в себе эту духовную энергию и чувствует её связь с высшим, священным планом бытия» [5, с. 55].

В православной традиции русскими религиозными философами гуманистический потенциал ценностей христианства осмысливается как основа для формирования и развития нравственной культуры общества, способная обеспечивать преемственность опыта конструктивной социальной коммуникации, ведения интенсивного диалога между Западом и Востоком, сохранение высших духовных достижений прошлого. Особую значимость имеет укрепление христианских начал общности и консолидации, способствующее воспитанию патристических чувств и убеждений, осознанию единства наиболее важных общественных и государственных интересов. Ценности христианства призваны выступить в качестве определённых связей и отношений между человеком и другими людьми, обществом и государством, укрепляемых Православной Церковью как любовь и преданность Родине в совокупности идей, чувств и действий, способствующих её успеху и процветанию. В свою очередь, целями Православной Церкви являются стабильность государства, национально-культурное развитие, благосостояние и здоровье граждан, а духовно-нравственное развитие общества предполагает принцип соборности. В труде «Духовные основы общества» С. Л. Франком понятие «соборность» определено как первичное

«органическое единство мы», из которого, по его представлению, как из «почки» должны произрастать организованные – с помощью духовных векторов – гражданские и государственные институты, формы человеческой солидарности (экономической и социальной). Практическое внедрение данной концепции соборности: как путь выхода за пределы единичности и вхождения в социум: соотношенность «Я» с другими «Ты» в ситуации «взаимной обращенности, живой встречи, взаимного вторжения индивидуальностей друг в друга в форме Мы» является актуальным для белорусского общества в долгосрочной перспективе. В условиях распространённости индивидуалистической ориентации представляется целесообразным проведение исследовательской работы по экспликации процесса актуализации перехода от первичной категории «Я» к категории «Ты», а через неё к «Мы». По мнению русского философа А. С. Хомякова, соборность общественной жизни является мерилем её истинности и соответствия христианским началам, результатом чего являются долг, закон, правда, порядок [15, с. 216].

В контексте православной традиции понятие «соборность» определяется как стремление не к механическому соединению взаимосвязанных составляющих, а к подлинному духовному единству, основанному на общности нравственных принципов, единодушии и наличии совместной цели деятельности. Данное определение раскрывает роль соблюдения нравственных норм и принципов христианства в развитии социума и их реализации в повседневной жизни. В современных условиях актуализируется основанная на ценностях христианства соборность общественной жизни, воплощенная в усвоении каждым гражданином моральных принципов и норм, долженствующих воплотиться в линии поведения, в жизненной позиции. Основой соборности как формы организации общественной жизни должны стать осознание каждым человеком своей свободы и ответственности перед другими участниками совместной деятельности. С точки зрения практики, понимание членами коллектива уникальности и ценности каждого из них, его права на свободу мнения, и при этом признание ответственности за свои действия на основе добровольного объединения с другими ради общей цели – главное условие активизации творческого потенциала коллектива и его эффективной деятельности. В социальной деятельности христианство артикулирует ценности свободы и ответственности любого члена общности, представленные этическими принципами самоотверженного служения во имя общего дела. Через принцип соборности реализуется заповедь любви к ближнему, соблюдение которой в христианстве является главным способом решения, как социальных проблем, так и проблем личностного роста. Любовь как главное моральное чувство и состояние обуславливает духовно-нравственные цели, мотивы, намерения, установки и ценностные ориентации, является источником формирования гуманистического мировоззрения, высоких гражданских качеств.

Заключение

Традиционные христианские конфессии: православие, католицизм, протестантизм оказали определяющее влияние на развитие духовности и культуры народов, населяющих территорию Беларуси, составили часть её исторического, духовного, социального и культурного наследия, стали частью национальных

культур. Механизм моральной регуляции общественных отношений, сформированный в русле традиционных христианских конфессий, нацелен на согласование повседневных личных и общественных интересов, единство индивидуального и коллективного начал. В православной, католической и протестантской традиции достижение христианского идеала в повседневной жизни предполагает постоянную работу над собой, совершенствование отношений с окружающими, поиск своего места и назначения в мире. Свободный выбор человека как общая ценность традиционных конфессий христианства предполагает право оценить ситуацию, представить возможные варианты и последствия принимаемых решений. Духовная автономия человека выступает важным фактором, формирующим современную нравственную ситуацию.

Авторская позиция основана на том, что ценности христианства как система моральных ориентиров-регулятивов признаются всеми христианскими конфессиями и являются их духовно-нравственной основой. В контексте развития нравственной культуры белорусского социума понятие «христианские ценности» употребляется для обозначения некоторых высших принципов жизни, поведения, норм и идеалов, к которым стремится общество. В социальном пространстве христианские ценности в концентрированной форме выражают то общее, существенное, что объединяет христианские конфессии – нацеленность на духовно-нравственное воспитание личности. В современных условиях белорусского общества, помимо данной главной цели христианских конфессий, новые моменты, присущие их деятельности, связаны с существенным возрастанием социальных функций: благотворительность, милосердие, просвещение, активная издательская деятельность, миротворчество.

Ценности христианства как социокультурный феномен, эксплицируя огромный культурный опыт человечества при всем его многообразии и плодотворности, выступают в качестве общего ориентира в конкретных условиях, выстраивающего перспективы для индивидуальной и социальной деятельности. Нацеленные на согласование повседневных личных и общественных интересов, ценности христианства в XXI в. призваны создать условия для снижения негативных поведенческих интенций личности и общества, несмотря на то, что они не фиксируются в законах, т.е. в отличие от политики и права не институцируются. С учётом специфики приверженцев христианства (в том числе их принадлежности к православию, католичество, протестантизму) как представителей различных социальных групп в силу ряда объединяющих данные группы факторов (прежде всего их совместной деятельности в социально значимых ситуациях и функционирование в масштабах государства) исследование избранной темы направлено на выявление расстановки акцентов в осмыслении христианской религии и её ценностей рамках православного, католического и протестантского социокультурного поля.

Ценности христианства как система моральных ориентиров-регулятивов, т.е. определённая духовно-нравственная основа, признается всеми христианскими конфессиями и объединяет их (в отличие от их конфессиональных форм). При этом мы исходим с позиции, что функционально духовные ценности православия, католицизма и протестантизма, в их различных формах и проявлениях выступают важным структурным компонентом смыслового

фундамента нравственной культуры белорусского общества. Однако изучение отличительных особенностей православия, католицизма и протестантизма как типов мировоззрения и социальной практики их приверженцев с точки зрения их принадлежности к разным конфессиям, открывает перспективу дальнейших исследований.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердяев, Н. А. *Философия творчества, культуры и искусства* : в 2 т. / Н. А. Бердяев. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – 542 с.
2. Вебер, М. *Протестантская этика и дух капитализма* / М. Вебер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637>. – Дата доступа : 2.08.2021.
3. Дюркгейм, Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 575 с.
4. Дюркгейм, Э. *Элементарные формы религиозной жизни* / Э. Дюркгейм. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
5. Ильин, И. А. *Аксиомы религиозного опыта* / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 448 с.
6. *Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://belarus21.by/Articles/1439296790>. – Дата доступа : 2.08.2021.
7. Кант, И. *Критика практического разума. Собр. соч. в 6 томах*. / И. Кант. – М. : «Мысль», 1965. (Философ. наследие). – Т. 4. Ч. I. – 544 с.
8. Короткая, Т. П. *Религия в социокультурном пространстве Беларуси : теоретико-методологические проблемы исследования* / Т. П. Короткая // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете : роль Беларуси в философском диалоге современных культур : материалы международной научной конференции (Минск, 21 марта 2013 г.) / отв. ред. А. И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2013. – С. 49–60.
9. Кошарная, Г. Б., Дмитриев Р. В. *Религиозные основы развития предпринимательства* / Г.Б. Кошарная, Р.В. Дмитриев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-osnovy-razvitiya-edprinimatelstva/viewer>. – Дата доступа : 2.08.2021.
10. Нибур, Х. Р. *Христос и культура* / Х. Р. Нибур. – М., 1994. – С. 7–224.
11. Риккерт, Г. *О системе ценностей* / Г. Риккерт // *Науки о природе и науки о культуре* / Г. Риккерт. – М., 1998. – С. 365–391.
12. Соловьёв, В. С. *Сочинения*: в 2 т. / В. С. Соловьёв. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
13. Трубецкой, Е. Н. *Избранные произведения* / Е. Н. Трубецкой. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 512 с.
14. Франк, С. Л. *Реальность и человек* / С. Л. Франк. – СПб. : РХГИ, 1997. – 448 с.
15. Хомяков, А.С. *Несколько слов о философическом письме* / А. С. Хомяков // *Русская философия : Имена. Учения. Тексты: сб.* / сост. Н. В. Солнцев. – М., 2001. – С. 211–217.
16. Шелер, М. *Формализм в этике и материальная этика ценностей* / М. Шелер // *Избранные произведения* / М. Шелер. – М., 1994. – С. 261–314.

Lahunouskaya A. A. Socio-philosophical analysis of religion and its values in Orthodox, Catholic and Protestant tradition

The article substantiates the relevance of the study of the functioning of religion as a socio-cultural phenomenon in the spiritual sphere of human and society life at the global and national levels. The confessional structure of the Belarusian state and its pronounced Christian character are considered, the decisive role of two Christian confessions - Orthodoxy and Catholicism – is noted in the socio-cultural space. The socio-philosophical interpretation of religion and its values by the most prominent representatives of scientific thought within the Orthodox, Catholic and Protestant socio-cultural space is presented, which opens up the prospect of further research.

Лагуновская Е. А., Коляда М. С.

ИСЛАМСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОКИ И ГЕНЕЗИС

В статье выявляются истоки и генезис исламской философии, производится анализ вклада основоположников в её развитие. Авторами рассматриваются основные течения в ранней средневековой мусульманской философии, исследуются социокультурные условия их появления, раскрываются основные идеи первых исламских философов. Представлен своеобразный феномен объединения философских направлений с исламской теологией.

Введение

При изучении истории Востока периода средних веков часто отмечается тот факт, что мусульманская цивилизация того времени была самой прогрессивной из исследованных в науке. Достоверно известно о высоком уровне культуры, науки и медицины средневекового исламского мира. Многие достижения арабских ученых названного периода актуальны и на сегодняшний день. Обращаясь к рассмотрению высокого уровня развития мусульманской цивилизации, логично предположить, что в ней существовали не менее прогрессивные философские системы. Но этот факт не является очевидным, так как изучению исламской философии не уделяется достаточного внимания на различных уровнях образования, даже в рамках профильных предметов по истории и философии. В рамках данной статьи представлен анализ основных философских направлений, зародившихся в мусульманской религиозной системе после формирования ислама как новой мировоззренческой формы. Под исламской философией понимается совокупность философских учений, разрабатываемых мыслителями народов Востока, принявших ислам и пользующихся в основном арабским языком. В этом значении в науке также употребляются термины «арабская философия», «мусульманская философия», «арабо-мусульманская философия», «философия Арабского Востока» и т.п. Необходимо отметить, что в мусульманских странах, где ислам является обязательной доктриной, существуют или существовали своеобразные феномены объединения традиционных направлений философии с исламской теологией

В данной статье ставится цель: выявление истоков и генезиса исламской философии, анализ вклада основоположников в её развитие. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: рассмотрение основных течений в средневековой мусульманской философии, исследование социокультурных условий их появления, раскрытие основных идей первых исламских философов.

Основная часть

Исламская философия: социокультурные условия возникновения, истоки и генезис.

История исламской философии традиционно разделяется на три периода: средневековый (VIII – XV вв.), позднее средневековье (XVI – первая половина XIX вв.) и современный (вторая половина XIX – XXI вв.). В связи с избранным аспектом исследования наиболее интересным представляется средневековый период. Мусульманская философия рассматриваемого периода концептуально схожа со средневековой философией Европы: в обоих случаях новая мировоззренческая форма была связана с монотеистической религией. В европейской

социокультурной традиции – с христианством, в мусульманской, соответственно, – с исламом. Необходимо также обратить внимание на наличие факта общей схожести сюжетов и образов двух основных священных книг этих религий – Библии и Корана.

В ранней мусульманской философии выделились два основных течения, которые в свою очередь разделились на различные подгруппы, имеющие общую проблематику и незначительные догматические отличия. Первое течение – «восточный перипатетизм», также известный как «восточный аристотелизм», было направлено на рационалистическое объяснение положений Корана. Второе течение – «суфизм», представлял собой исламский мистицизм.

Очевидным является то, что ислам – это самая младшая мировая религия, и, соответственно, развивавшаяся в рамках ислама философия тоже появилась позднее многих известных философских систем. К моменту зарождения ислама уже прошла все жизненные циклы развитая античная философия, хотя регионально она не относилась к территории будущего арабского халифата, эти культуры были соседствующими, и между ними существовали различные связи. Основные положения античной философской мысли проникали на Восток в первую очередь при проведении торговых операций, а также и во время походов Александра Македонского. Философские труды античных авторов были известны на Востоке задолго до появления ислама, но большую популярность приобрели научные знания и разного рода литературное наследие античности, например, комедии, из которых извлекались житейские мудрость и опыт, актуальные для процессов ежедневной жизнедеятельности арабского общества того периода и входящие в повседневный оборот.

Активная интеграция античной мысли в духовную сферу жизнедеятельности мусульманского общества началась после утверждения халифата. Большое количество людей было задействовано в переводе античных трудов на арабский язык. Трудов, безусловно, в большей степени научных, нежели философских, но и они тоже занимали определенное, далеко не последнее место в списке переводной литературы. Огромная переводческая работа была выполнена в Багдаде по инициативе и при покровительстве халифов Харуана ар-Рашида и аль-Мамуна. В VIII в. был основан знаменитый «Дом мудрости» с обширной библиотекой по всем отраслям знания. Деятельность «Дома мудрости» способствовала введению в научный оборот естественнонаучного и философского наследия античности.

При рассмотрении активного взаимодействия языческой античной культуры с довольно строгой монотеистической исламской культурой, необходимо обратить внимание на то, что различия в их онтологических основаниях не послужили фактором, препятствующим интеграции. Особенность данной интеграции заключалась в том, что античная культура появилась раньше мусульманской и являлась внешней для арабов. То есть внутренние арабские культуры, в большинстве своем языческие, существовавшие у народов будущего халифата, часто противоречили основным положениям ислама, но античная культура в мировоззренческом плане была более обширной. При наличии в античной культуре утверждений, противоречащих основным идеям ислама, в ней существовало огромное количество знания, в основном научного, превышающего достигнутый арабской культурой уровень по разнообразным позициям.

Отцом мусульманской философии традиционно называют аль-Кинди (ок. 801–873 гг.), в Европе известного под именем Алькиндус. Именно он является основоположником восточного аристотелизма. Будучи сыном правителя Куфы, Аль-Кинди ни в чём не нуждался и посвящал всё свое время изучению Корана, а также европейской науки. В 15 лет аль-Кинди знал наизусть священное писание мусульман, но жажда знаний привела его к прочтению огромного количества греческих философских и научных трудов. Позже Аль-Кинди начал изучать латинский язык, с помощью которого он начал сам переводить греческие книги и передавать их содержание своим последователям, а затем и распространять полученные знания в исламской академии, называемой Домом Мудрости. Основные труды Алькиндуса это «Обзор сочинений Аристотеля», «Об определениях и описаниях вещей» и «О пяти сущностях». В своей философии аль-Кинди утверждал, что «извечное это то, что вообще никогда не могло быть несуществующим». Существование извечного не обусловлено чем-то иным, по аль-Кинди, не имеющее причины извечное не уничтожается и не изменяется, так как не является телом. Началом, не имеющим определения, Алькиндус называл материю. Он утверждал, что человек не может познать природу материи, а соответственно она не может стать предметом философии, которая изучает только те вещи, природа которых познаваема для человека. Согласно средневековым арабским источникам, число трактатов Аль-Кинди достигало 238, но большинство из них не сохранились до нашего времени. В сферу научных интересов аль-Кинди входили также логика, этика, математика, астрономия, медицина, метеорология, оптика и теория музыки [2].

Важный вклад в развитие философии рассматриваемого периода внес представитель восточного аристотелизма – ученый аль-Фараби (ок. 870–950 гг.), европейцам известный как Альфарабиус. Достоверных сведений о его биографии очень мало, поэтому действительно точно можно утверждать только то, что он скончался около 950 г. в Дамаске. Аль-Фараби как Аль-Кинди много времени уделял изучению греческой науки, но в отличие от предшественника, практически не переводил греческую литературу, так как в этом уже не было необходимости, но представил комментарии к трудам Аристотеля и Платона. Философские идеи аль-Фараби о бытии близки идеям аристотелизма и неоплатонизма, его именовали «Аристотелем Востока» и «Вторым учителем». Одной из основных философских идей Аль-Фараби было то, что «интеллект – это не что иное, как опыт», что свидетельствует об осознании ценности эмпирического знания в исламской философии. Философ, обращаясь к рассмотрению государственного и общественного устройства, приходит к выводу о том, что здоровое общество напоминает человеческое тело, т.е. каждая часть зависит от другой и выполняет определенные, возложенные на неё функции. Аль-Фараби изучал логику, которую он определял, как «науку о том, как отделить истинное от ложного», филологию, математику, астрономию, естественные науки и также был автором собственной теории музыки, но отличной от теории аль-Кинди, основанной на пифагорейской мистике чисел. В своём представлении аль-Фараби возвышал ценность слуха в музыке, в противовес идее пифагорейцев о том, что слух не важен, а важен расчёт.

После появления оформленного Корана при халифе Османе перед мусульманским миром встал ряд вопросов, которые не были достаточно подробно описаны в священном Писании. Существовали актуальные проблемы, решение

которых назрело в области государственного управления, хозяйственной и экономической жизни, судопроизводстве и даже в сфере теологических диалогов и споров. Назрели вопросы о сущности единобожия, о степени всемогущества Аллаха, о сущности веры и о многом другом. Один вопрос вызывал после себя другие, и дать на них ответы должна была обширная разработанная мировоззренческая теория. Особенно проблема обострилась после смерти Мухаммеда в 632 г. Претенденты на власть начали спекулировать содержанием учения Пророка, так как оно передавалось в виде устного знания. Каждый добавлял что-то своё и, заявляя о большей близости к Мухаммеду, нежели у его соперников, пытался доказать свою правоту и распространить свою версию Корана [4, с. 29]. Это в итоге повлияло на то, что оформленный в письменном виде при халифе Османе Коран вызывал у некоторых людей недоверие. Но даже если учесть, что Коран был принят как полностью подлинный источник религиозного и житейского знания, то актуальным стал вопрос о познаваемости всего изложенного в нём для обычного человека.

Через столетие после смерти Пророка в мусульманском мире шла активная теологическая борьба между традиционалистами в лице «джабаритов», которые были сторонниками абсолютного предопределения, и «кадаритами», которые предлагали толковать Писание при помощи знания и разума, а также верили в свободную волю человека. В VIII в. возникло течение «мутазилитов», которые стали наследниками теоритических идей кадаритов. Они предлагали рационалистический подход в решении богословских вопросов и основали спекулятивную теологию, «калам», которая должна была выделиться как самостоятельная область знания, наряду с «фикхом» (юридической наукой) [3, с. 30].

Первостепенной задачей в философии мутазилитов было обоснование и защита монотеизма, все ещё мало понятного для сознания народа. Кроме этого, они занимались вопросами о единстве бытия и единственности мироздания. Для решения всех этих вопросов они применяли античные философские методы, такие как логика и метафизика, хотя многие мутазилиты и были противниками трудов античных философов и мыслителей. В целом, хоть спектр проблематики мутазилитов и был религиозным, но, благодаря используемым при решении этих проблем методам, это учение относят к философским.

Основы мутазилитской философии были заложены Абу-ль-Хузайлом аль-Аллафом – крупнейшим представителем басрийской школы мутазилитов, полемистом, родившимся в Басре в 749 или 753 году, с 818 года жившим в Багдаде. Его учителем был Усман ибн Халид ат-Тавиль – известный мутазилитский проповедник. Аль-Аллаф был близок аббасидским халифам, особенно аль-Мамуну, который под влиянием учения аль-Аллафа включил в поддерживаемую государством доктрину ряд теологических положений мутазилизма.

Аль-Аллаф является автором от 50 до 60 сочинений, ни одно из которых не сохранилось. Его труды имели преимущественно полемический характер и были направлены как против других религий, так и против различных исламских течений. Взгляды Абу-ль-Хузайла подвергались критике не только со стороны суннитских богословов, но и мутазилитами других школ. Оппоненты аль-Аллафа считали его доктрину о божественных атрибутах соответствующей учению натурфилософов античности. Божественные атрибуты, в понимании Абу-ль-Хузайла, по сути, то же, что ипостаси у христиан. Он ввёл в мутазилитское богословие понятия акциденции тел, ранее упоминаемое в философии Аристотеля.

Мутазилитская традиция приписывает аль-Аллафу разработку общих для всех мутазилитов принципов, служащих критериями их идентификации: единство Бога, его обязанность исполнять обещания и «запрещение зла». Вероятно, аль-Аллаф был первым мутазилитом, отстаивавшим утверждение о существовании предела делимости тел, то есть о существовании атома. Аль-Аллаф считал, что минимальное тело состоит из шести атомов, два из которых образуют «длину», два – «ширину», а два – «высоту», верил в конечность мира, а с ним Рая и Ада. По мнению некоторых исследователей, аль-Аллаф придерживался прошиитской ориентации.

Полностью противоположным идеям восточного аристотелизма было течение суфиев, уделявших внимание мистике и аскетизму. Слово суфизм происходит от арабского слова «суф» – шерсть, одежда из которой являлась наиболее популярным атрибутом отшельников, то есть в представлении суфиев – «правильных» и «божьих» людей. Суфизм, как полноценное, философски оформленное течение, сформировался значительно позже аристотелизма, а именно в 11 веке. Но сами суфии считают основателем своего учения пророка Мухаммеда, так как он был первым, кто сформировал некоторые основы суфизма, такие как, например, аскетический образ жизни, регулярные духовные практики и молитвы, и рассматривают личность Мухаммеда как духовно-нравственный идеал и образец лучших моральных качеств. По мнению суфиев, Мухаммед – это прямой посланник Аллаха, который на личном примере показал им, как нужно правильно жить и действовать, как правильно устраивать общество, и что самое важное, в своих делах и поступках Мухаммед никогда не руководствовался только земными интересами, что довольно спорно. Четыре праведных халифа тоже рассматриваются суфиями как представители их учения и являются для них примерами для подражания. Основателем суфизма является Абу Хамид аль-Газали (1058–1111 гг.), сыгравший ключевую роль в объединении законов шариата и принципов суфизма. Аль-Газали очень много времени посвятил изучению различных исламских наук, таких как калам, исмаилизм и суннитская догматика, и в итоге пришёл к выводу, что рационально разработанные религиозные системы не являются жизнеспособными и по этой причине обратился к суфизму. Главными философскими идеями аль-Газали были разделение бытия на три уровня: первый – Аллах, второй – мир людей, души которых имеют свободную волю, третий – материальный мир; и утверждение о том, что единение с Богом имеет не буквальное значение, а переносное, т.е. мусульмане воссоединяются с Аллахом, когда признают его высшей познавательной силой [1].

В целом суфизм можно считать мистическим протестом против ортодоксального ислама. Об этом говорит наличие в суфизме концепции о «предвечном договоре». Она гласит, что людские души заключили с Аллахом договор, но после обретения материального сосуда, души забыли об этом и основной целью суфиев является возвращение в это предвечное состояние. Концептуально суфизм приобрёл в исламе широкую популярность не потому, что мистицизм свойственен всем религиям, но и вероятно потому, что ислам содержит ряд специфических ограничений, таких как запрет на изображение Аллаха, что уводит его сущность от визуального восприятия людей, а так как человек проще воспринимает осязаемые объекты, суфизм предлагает мысленное расширение пространства для представлений об Аллахе.

Заключение

Таким образом, у истоков зарождения исламской философии находится борьба с одной стороны, рационалистов перипатетиков, с другой же, мистиков суфиев – двух совершенно противоположных по догматике теологических течений. Учение первых оказало большое влияние не только на развитие арабо-мусульманской цивилизации, на последующее развитие философской мысли народов Ближнего Востока, но и на Европу. Например, трактаты Аль-Кинди в латинском переводе имели широкое хождение и в средневековой Европе. Идея синтеза учения Аристотеля и монотеистической религии, заложенная первыми восточными аристотелистами, была затем развита в трудах схоласта Фомы Аквинского. Некоторые идеи суфиев также нашли отражение в схоластике. Да и в целом, такие философы как Аль-Кинди, Аль-Фараби и Абу ибн Сина внесли большой вклад в развитие средневековой науки, медицины и музыки. Суфизм в свою очередь, повлиял на духовные практики ислама и мусульманскую этику.

Естественно, что даже мутазилиты, наиболее решительные сторонники рационалистического калама, не смогли решить все проблемы, вызванные новой мировоззренческой формой, не смогли разъяснить противоречия, имевшиеся в Коране. Но уже сама теоретическая их постановка способствовала развитию философской мысли, появлению более эффективных и последовательных форм и способов решения научных задач. Обсуждение мировоззренческих вопросов выходило за рамки теологии, способствуя становлению и развитию нерелигиозной философской мысли. Внутри теологии также складывались самостоятельные крупные направления, такие как исмаилизм, суфизм, философски обосновывающие обособленность внутри ислама разных трактовок его догматики.

Конфронтация различных направлений внутри ислама, наиболее прогрессивное из которых составляли мутазилиты, закончилась видимым их поражением. Но, тем не менее, они подорвали позиции традиционалистов – догматических приверженцев Корана. Их идеи, видоизменяясь и адаптируясь применительно к условиям экономической, социально-политической и духовной жизни, существовали на протяжении многих веков. Огромный интерес они вызывают и сейчас в странах арабского мира, где издаются произведения этих представителей исламской философии и обсуждаются их идеи. При этом мусульманская философия рассматриваемого периода повлияла на ислам как социокультурный феномен, влияющий на весь мир, так как эту религию сегодня исповедуют около двух миллиардов человек, и она играет важную роль в их жизни, что оказывает воздействие на окружающих людей, к исламу отношения не имеющих, то есть на внешний социальный мир.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аль-Газали, А. Воскрешение наук о вере / А. аль-Газали. – М. : АН СССР, 1980. – С. 94–196.
2. Аль-Кинди. Арабская философия в переводах А. В. Сагадеева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://classics.nsu.ru/Wolf/alkindi.htm> – Дата доступа : 2.08.2021.
3. Смирнов, А. В. История арабо-мусульманской философии: Антология / А.В. Смирнов. – М. : Академический проект, 2013. – С. 60–84.
4. Фролова, Е. А. Арабская философия: Прошлое и настоящее / Е. А. Фролова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 58–124.

Lahunouskaya A. A., Kolyada M. S. Islamic philosophy: origins and genesis

The article identifies the origins and genesis of Islamic philosophy, analyzes the contribution of the founders to its development. The authors consider the main trends in early medieval Muslim philosophy, investigate the socio-cultural conditions of their emergence, and reveal the main ideas of the first Islamic philosophers. A peculiar phenomenon of combining philosophical trends with Islamic theology is presented.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бодак Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», e-mail: bodak1961@yandex.ru

Бурик Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», e-mail: burik-@mail.ru

Ипатова Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: ipatowa.olga2013@yandex.by

Данилов Юрий Дмитриевич, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: ydd213@gmail.com

Карпович Олег Валерьевич, специалист по учебному процессу УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: oleg3080@bk.ru

Кудрицкая Елена Григорьевна, магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет»; e-mail: helenkudrizkaya@mail.ru

Лагуновская Елена Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»; e-mail: helenlaguna@yandex.ru

Обуховская Оксана Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: o.obuhovskaya@mail.ru

Писарук Галина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина», e-mail: drusema@tut.by

Пашкович Елена Иосифовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», e-mail: pashkovich_elena@tut.by

Посохина Галина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории УО «Белорусский государственный университет им. А.С. Пушкина»; e-mail: halinahosokhina@tut.by

Почобут Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук»; e-mail: poczobutnatalia@tut.by

Резько Петр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный технический университет»; e-mail: peter-rezko@yandex.ru

Ровнейко Маргарита Александровна, студентка экономического факультета УО «Брестский государственный технический университет»; e-mail: 0101margarita@mail.ru

Синчук Иван Иванович, научный консультант издательства «Беларуская энцыклапедыя» (г. Минск, Беларусь); e-mail: sintchouk@tut.by

Сурта Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка»; e-mail: hsurta3@gmail.com

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»; e-mail: elepent_serg@mail.ru

Тихомиров Андрей Владимирович, магистр культурологии, научный сотрудник отдела иудаизма, УК «Гродненский государственный музей истории религии»; e-mail: cichy77@gmail.com

Научное издание

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Брестского государственного технического университета:
гуманитарные науки

Сборник научных трудов

Выпуск III

SCIENTIFIC PROCEEDING

Of Brest State Technical University:
The Humanities Sciences

Collection of Scientific Works

Issue III

*Текст печатается в авторской редакции,
орфографии и пунктуации*

Ответственный за выпуск: Малыхина Л. Ю.
Редактор: Митлошук М. А.
Компьютерная вёрстка: Соколюк А. П.

ISBN 978-985-493-540-9

Издательство БрГТУ.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569
от 16.10.2017 г. Подписано в печать 07.12.2021 г.
Гарнитура «Times New Roman». Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага «Performer». Уч. изд. л. 9,25. Усл. печ. л. 8,60.
Заказ № 1342. Тираж 20 экз. Отпечатано на ризографе
Учреждения образования «Брестский
государственный технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.